

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Институт истории

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ БЫТА
И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКОВ**

Издательство „Фан“ Узбекской ССР

Ташкент-1972

В книге освещаются некоторые вопросы производственного, общественного и семейного быта узбеков дореволюционного и советского периода. Особое внимание уделено истории возникновения и развития социалистических форм ведения хозяйства, преобразованиям, происшедшим в материальной культуре узбеков (селения, жилища, одежда, пища, утварь) по мере сложения и развития советской семьи, новых семейных обрядов и обычаев.

Ответственные редакторы

д-р ист. наук
Х. З. ЗИЯЕВ

д-р ист. наук
Б. В. ЛУНИН

Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Отв. ред. д-ра ист. наук Х. З. Зияев и Б. В. Лунина. Т., «Фан», 1972.
161 с.

902 7

Предисловие

Перед советскими этнографами стоит важная задача глубокого изучения этногенеза, этнического состава населения СССР, истории и современных форм общественного, производственного и семейного быта, материальной и духовной культуры народов. Особое внимание уделяется изучению современного этнического состава и процессов развития и изменения культурно-бытового уклада жизни рабочих и колхозников в процессе социалистического и коммунистического строительства. Исследования в этом направлении ведутся в течение ряда лет сектором этнографии Института истории АН УзССР.

В 1968—1970 гг. были проведены этнографические экспедиции-рекогносцировки, собрано большое количество данных по этническому составу, хозяйству, материальной и духовной культуре, семье и семейному быту узбеков. На основе собранных и обобщенных полевых материалов, а также соответствующих источников литературы написан ряд статей и работ. Некоторые из них включены в настоящий сборник.

Статьи посвящены различным этнографическим темам: родоплеменным делениям узбеков, земледелию и животноводству, поселениям и жилищу сельского населения, пище и пищевому ассортименту узбеков. Включены также статьи, относящиеся к изучению жизни и быта современной рабочей семьи.

В статьях историко-этнографического характера делается попытка показать изменения в производственном и общественном быте населения Узбекистана в послеоктябрьские годы. Дается характеристика некоторых частично еще сохранившихся пережитков прошлого и освещается процесс изживания их в сознании людей. Фактический материал статей рассчитан как на заинтересованного читателя, так и на использование его в работе по составлению историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

К. Шаниязов

К ВОПРОСУ РАССЕЛЕНИЯ И РОДОВЫХ ДЕЛЕНИЙ КАНГЛЫ

Канглы — одно из многочисленных племен, вошедших в этнический состав узбекского, каракалпакского и казахского народов. Однако в историко-этнографической литературе, помимо отдельных упоминаний, нет ни одной статьи или монографической работы, специально посвященной этому древнему племени.

Многие исследователи отождествляют канглы с кангюй¹, упомянутыми в китайских династийных хрониках (III—I вв. до н. э.—VII в. н. э.). Канглы под этническим названием «кенгересс» упоминаются в орхонских надписях (VIII в.); «кангары» — у Константина Багрянородного (X в.); «ханкакиши» — у ал-Идриси (XII в.) и др.

Указанные этнонимы, по мнению С. Г. Кляшторного, имеют прямую связь с китайским названием «кангюй»². Следует указать, что в китайских хрониках этноним «кангюй» означал название древнего государства, расположенного в среднем и нижнем течении Сырдарьи и в Приаралье. В орхонских же надписях, а также в сочинениях Константина Багрянородного, ал-Идриси и более поздних авторов, канглы фигурируют как племя или племенное объединение. В данной статье мы будем говорить о канглы, как о родоплеменном объединении, основная масса которого в VII—VIII вв. была расселена по среднему течению Сырдарьи, где она подвергалась постоянной экспансии Западнотюркского каганата.

¹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III, IV, СПб., 1896, стр. 18, 280, 313 и сл.; С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 69—72; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, М., 1964, стр. 171—179, и др.

² С. Г. Кляшторный. Указ. соч., стр. 178—179.

В большой надписи надгробного широко известного каменного памятника, поставленного в честь Кюль-Тегина, говорится о походе племенного объединения тюргешей, игравших господствующую роль в Западном каганате³, в 712 г. против канглы (в орхонской надписи — кенгерессов). В момент сражения на помощь к канглы пришел хан Кюль-Тегин (брат восточнотюркского кагана Магилана), и тюргешы были разбиты. Канглы стали надежными союзниками Восточного каганата в их борьбе с арабскими завоевателями, захватившими тогда значительную часть территории Мавераннахра.

В том же 712 г. тюргешам был нанесен серьезный удар со стороны карлуков. Могущество тюргешей было сломлено, и опасность нападения на канглы была предотвращена. В дальнейшем междоусобная борьба и межплеменные войны ослабили тюркские каганаты. В 712 г. Восточный каганат был завоеван уйгурами, а в 766 г. карлуки, одержав окончательную победу над тюргешами, овладели территорией Западного каганата⁴. В результате значительная часть бывшей территории канглы вошла в состав карлукских владений. В тот же период в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи и в Приаральских степях прочно обосновались огузы⁵, которые также стали теснить канглы с занимаемой ими территории.

Таким образом, в 70-х годах VIII в. под натиском двух крупных племен — карлуков, огузов и отчасти арабов самостоятельное объединение канглы на среднем течении Сырдарьи перестало существовать.

В последней четверти VIII в. канглы разделились на две группы: одна двинулась на запад — в степные просторы, лежащие к северо-западу от Аральского моря, другая была вытеснена к северо-востоку от средней части Сырдарьи и расселилась в верховьях рек Таласа и Чу⁶ и на юго-западной части побережья озера Балхаш.

Та группа канглы, которая двигалась на запад, обосновалась в области к северу от Каспийского моря, т. е. по реке Яик (Урал). Западнее обитало в ту пору другое племя — печенеги. Оба указанных племени, соединившись, образовали в конце VIII — начале IX в. крупное объединение — печенеги.

³ Тюркский каганат был образован в середине VI в., в 588 г. он распался на два самостоятельных каганата — Западный с центром в Семиречье и Восточный с центром в Монголии.

⁴ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 14—16.

⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 224—254.

⁶ Абул-Газни. Родословное древо тюрков, Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906, стр. 34.

канглы. Территория этого объединения была окружена с запада хазарами и бургасами, с юга — узами, огузами, с востока — кипчаками и с севера — булгарами, башкирами. «Все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают в рабство», — писал Гардизи⁷. Отступая под давлением надвигавшихся с востока кипчаков, печенеги-канглы вторглись на территорию хазар⁸.

В конце IX в. основная масса печенегов и канглы была вытеснена из заволжских земель и поселилась в придонских степях. Но под давлением надвигавшихся узов и кипчаков печенеги и канглы отступали дальше к причерноморским степям, и в первой половине XI в. были вытеснены к Дунаю (в основном в Венгрию).

Из рассказов Константина Багрянородного видно, что в печенежском союзе канглы играли немаловажную роль. Он пишет: «Печенеги именуются кангар не все, а только народ трех округов: Явдирти, Кварцицура и Хавуксингала»⁹. Указанные три округа кангар (канглы), как можно предполагать, находились до середины XI в. в левобережной части Днепра (вероятно между Днепром и Северским Донцом). Некоторая часть этих канглы ушла также к Дунаю, но многие из них, видимо, оставались здесь и вошли (вторая половина XI — начало XIII в.) в состав кипчакского союза, а несколько позже (XV—XVI вв.) — в ногайский союз. Об этом свидетельствуют упомянутые в XVII в. среди ногайцев части племени канглы¹⁰. Они также упоминаются в XIX — начале XX в. в составе группы ок и кара-ногайцев¹¹.

Однако не всем печенегам-канглы удавалось уйти из заволжских степей. Определенная часть их оставалась здесь. Константин Багрянородный писал, что «... когда печенеги были изгнаны со своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там (т. е. между реками Волга и Урал), поселились вместе с так называемыми узами и доселе (т. е. до середины X в. — К. Ш.) остаются среди них...»¹². Согласно сведениям Абу-л-Гази, оставшиеся здесь канглы обитали в местностях, называемых Ала-Кенк и Кара-

⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг., СПб., 1897, стр. 119.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении государством, Известия Государственной Академии истории материальной культуры, М.—Л., 1934, стр. 15, 17.

⁹ Там же.

¹⁰ Акты исторические, т. IV, прилож. № 9 к акту № 34, СПб., 1895, стр. 159.

¹¹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940, стр. 132—140.

¹² Константин Багрянородный. Указ. соч., стр. 16.

Каш¹³, а хана этого народа звали Кок-Тонлы. Указанные местности находились у р. Яик (Урал)¹⁴. В середине XI в. расселявшиеся здесь канглы вошли в состав кипчаков. Последние занимали обширную степь от Иртыша и низовьев Сырдарьи до устья Днепра. Этот союз кочевых племен просуществовал до окончательного завоевания Дешт-и-кипчака монгольскими войсками (1238—1240 гг.).

В период монгольского нашествия кипчакский союз распался. Отдельные группы канглы, бежав от преследования завоевателей, переселялись на север Южного Урала и впоследствии вошли в состав башкирского народа¹⁵. Однако определенная часть канглы по-прежнему оставалась кочевать в Прикаспийских и Приаральских степях и впоследствии вошла в состав казахов и каракалпаков.

Как уже было указано выше, большая компактная группа канглы оставалась кочевать в верховьях Таласа, Чу и далее, до озера Балхаш. Некоторая часть их в XI — начале XII в. переселялась в низовья Сырдарьи и жила по соседству с кипчаками. Джувеини об этих канглы писал, как о части народа кипчаков. Ставки этих канглы находились в местности Каракурум¹⁶. Значительная группа их впоследствии также вошла в состав казахов и каракалпаков, в родоплеменных делениях которых вплоть до начала XX в. сохранились канглы. Многие из присырдарьинских канглы, а также канглы верховьев Таласа и Чу, стали оседлыми жителями Хорезмского оазиса.

В XII — начале XIII в. канглы принимали активное участие в политической жизни Хорезма. Как видно из сообщения Абу-л-Гази, хорезмшах Текеш женился на дочери одного из вельмож племени канглы, Туркан-хатун¹⁷. Она имела большое влияние на своего сына Мухаммеда, который привлек в Хорезм многих канглыиных военачальников и вручил им по-

¹³ Сведения Абу-л-Гази о канглы находим в том разделе его сочинения, где он ведет речь об Огурджан алпе. Описание событий и действий, связанных с Огурджан алпом, происходит вскоре после смерти Шахмелика ибн Али, убитого в 1041 г. Исходя из этих данных, мы отнесли сведения Абу-л-Гази об указанной группе канглы к середине XI в. (А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана Хивинского, М.—Л., 1958, стр. 67—72, 101).

¹⁴ А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 72.

¹⁵ В родоплеменном составе восточных башкир еще в XVIII в. сохранилось племя канглы (Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1, Уфа, 1957, стр. 56, 57).

¹⁶ Не следует смешивать с главной ставкой монголов в долине реки Орхон. Местность эта находилась в низовьях Сырдарьи, по соседству с Джендом (Материалы по истории туркмен и Туркмени, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 184).

¹⁷ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 34.

четную должность¹⁸. В первую очередь в Хорезм переселялись родственники Туркан-хатун.

С берегов Таласа и Чу хорезмшаху Мухаммеду удалось переселить в Хорезм 60 тыс. канглы. Постепенно число их увеличивалось и к моменту наступления монголов в Хорезме было 90 тыс. канглы¹⁹, а 10 тыс. шатров их продолжало кочевать за Таласом. Множество кочевников впоследствии было истреблено Чингизханом²⁰.

Отдельные группы канглы еще задолго до нашествия монголов проникли в долину Зарафшана. Перед вступлением войск Чингизхана в Самарканде было 30 тыс. войск из канглы²¹. Некоторое количество канглы было поселено в Южной Сибири, они и вошли в состав алтайцев, енисейских тюрков и якутов²². Однако определенная часть канглы продолжала кочевать по правому берегу Средней Сырдарьи²³, главным образом в верховьях Таласа и Чу. Позже (конец XV — начало XVI в.) некоторая часть канглы ушла вместе с войсками Шейбани-хана в Мавераннахр, а оставшиеся вошли затем в состав каракалпакского, казахского народов и отчасти в состав узбеков Ташкентского оазиса.

Большая группа канглы вплоть до XVII в. была расселена в Хорезме²⁴. В последующие века значительная часть их ассимилировалась с местными оседлыми земледельцами. Однако некоторое их число вплоть до начала XX в. сохранило свое племенное наименование и родовое деление.

В Кураминском уезде (Ташкентский оазис) в 70—80-х годах XIX в. было зафиксировано 1650 дворов (или 8250 чел.) канглыцев. Они жили главным образом в Ниязбекской, Той-Тюбинской и Ак-Джарской волостях. В указанный период (80-е годы XIX в.) канглы все еще продолжали вести полуседлое хозяйство, сочетая земледелие со скотоводством. С середины XIX в. земледелие начинает преобладать над жи-

вотноводством, и канглы прочно оседают. В переписи 1920 г. канглы как племенная группа в Кураминском уезде уже не отмечаются. Однако названия некоторых населенных пунктов говорят о расселении их в недалеком прошлом в указанных волостях. Например, два селения, в названия которых входит слово «канглы», находились в Ниязбекской волости: селение Кызыл-канглы — в Кош-Курганской волости; Джилкаш-канглы и Бобо-канглы — в Булатовской волости; Алмыш-канглы — в Ак-Джарской волости. Во всех этих селениях было 2700 человек жителей²⁵. По нынешним административно-территориальным делениям указанные выше селения находятся в Среднечирчикском, Верхнечирчикском и Янгйюльском районах Ташкентской области.

Канглы в 70-х годах XIX в. были отмечены в Джизакском и Самаркандском уездах²⁶. Более определенные сведения о канглы находим в материалах переписи 1920 г. Так, канглы в Джизакском уезде были зарегистрированы в количестве 7700 человек²⁷. Одна компактная группа их (300 чел.) жила в 4—5 км к востоку от г. Джизака, в селении, носящем наименование Канглы; другая значительная группа (550 чел.) была расселена в 35—40 км к юго-востоку от г. Джизака на территории нынешнего Зааминского района Сырдарьинской области. Здесь они жили в двух селениях — Канглы и Чамбиль. Третья группа их жила в двух селениях (Биринчи-канглы и Иккинчи-канглы) поблизости от теперешнего районного центра Галляарал, на магистральной дороге, идущей из Ташкента в Самарканд; около 150 человек жило в селении Шарконли того же Галляаральского района. В Самаркандском уезде указанной переписью было зарегистрировано 1200 канглыцев. Они жили главным образом в селениях Канглы Иштыханского и Джамбайского районов, в количестве 600 человек — в Каттакурганском уезде, главным образом в предгорьях Актау (в нынешнем Хатырчинском районе Самаркандской области).

Шесть тысяч канглы расселились группами в Ферганской долине. Они жили в двух селениях Ленинградского и в трех селениях (Балгалы-канглы, Иргаклы-канглы и Кургалы-канглы) Багдадского районов Ферганской области²⁸.

¹⁸ Например, дядя Туркан-хатун по имени Иналчик (его мусульманское имя — Гаирхан) получил в управление г. Отрар. Другой военачальник канглы по имени Кюк (или Куюк) получил в управление г. Бухару, находившуюся в ту пору в зависимости от хорезмшаха Мухаммеда (Абул-Гази. Указ. соч., стр. 34; К. д'Оссон. История монголов от Чингизхана до Тимурлана, т. I, Иркутск, 1937, стр. 125, 126).

¹⁹ Абул-Гази. Указ. соч., стр. 34.

²⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. II, М.—Л., 1952, стр. 214.

²¹ К. д'Оссон. Указ. соч., стр. 145.

²² С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, стр. 72.

²³ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов..., «Живая старина», вып. III—V, СПб., 1894, стр. 403—404.

²⁴ Материалы по истории туркмен в Туркмении, т. II, М.—Л., 1938, стр. 328.

²⁵ Материалы Всероссийской переписи 1920 г., вып. III, Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1923.

²⁶ Записки Русского географического общества по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874; А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 115.

²⁷ Материалы Всероссийской переписи 1920 г., вып. V, Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924.

²⁸ Материалы по районированию Узбекистана, вып. II, Округ Коканд, Самарканд, 1926, стр. 18, 19, 23.

Канглы численностью в 500 человек в 1924 г. были зафиксированы на крайнем юго-востоке Хорезмской области, в районе Пятника²⁹ (ныне Хазараспский район). Здесь они жили и живут поныне в двух селениях — Катта-канглы и Кичи-канглы. 120 человек канглы жили в Нукусской волости Чимбайского округа³⁰ в селении Канглы, расположенном в 30—35 км к юго-востоку от теперешнего районного центра Чимбай, а некоторое число их было расселено в Кипчакском (ныне Амударьинском) районе Каракалпакской АССР. Канглы, живущие в Хорезмской области и в Каракалпакии, в 1924 г. причисляли себя к узбекам. Помимо них, канглы численностью в 2261 человек в том же 1924 г. были зарегистрированы в составе каракалпаков дельты Амударьи. В XIX в. канглы жили в Куна-Ургенче (на территории Туркменской ССР), составляя в восточной части города самостоятельное асакальство Канглы³¹.

Таким образом, в первой четверти XX в. в пределах Узбекской ССР и Каракалпакской АССР проживало около 23 тыс. человек из племени канглы.

Определенный интерес представляет их родовое деление. Канглы Зааминского, Джизакского, Галляаральского районов, а также Ферганской долины делились на четыре крупных рода (или ветви): сары, кара (каратунли), ок (актунли), кук (куктунли). Роды сары и кара делились еще на ряд мелких родов. Родовые деления сары: куш-канглы, оришлы, жайтамгалы, болгалы. Родовые деления кара: тарахлы, иргаклы, куюшканлы, кургалы.

Канглы, проживающие в Ташкентской области, имели в прошлом также ряд родовых делений, закрепленных в топонимике данной области: кызыл-канглы, джилкаш-канглы, бобо-канглы, олтмыш-канглы, бука-канглы³².

Канглы, расселившиеся в Хорезме и в Кипчакском районе Каракалпакской АССР, обследованы К. Л. Задыхиной³³. Ею зафиксированы следующие родовые деления канглы: кара-канглы, пишкакы-канглы, бука-канглы, урманчи-канглы, иргаклы-канглы. Канглы в составе каракалпакского народа делятся на следующие роды: катканглы, иргаклы, ошмайлы, тараклы, жуансан, шомишлы, кашулаф, орманши, акилхужа,

²⁹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. II, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2, Хорезм, Ташкент, 1926, стр. 99.

³⁰ Материалы по районированию Средней Азии, стр. 99.

³¹ К. Л. Задыхина. Культура и быт узбеков Кипчакского района Кара-Калпакской АССР, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1954, стр. 769.

³² Материалы Всероссийской переписи 1920 г., вып. III, Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области.

³³ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 773.

тазаканглы, алтыуртак³⁴. Из приведенных выше данных выясняется следующая система крупных и мелких родовых делений канглы, сохранившихся в конце XIX — начале XX в. в составе узбеков.

I. Сары-канглы. Родовые подразделения: 1) куш-канглы, 2) оришлы, 3) жайтамгалы, 4) болгалы.

II. Кара-канглы. Родовые подразделения: 1) иргаклы, 2) тарахлы, 3) куюшканлы, 4) кургалы.

III. Ок-канглы (актунли).

IV. Кук-канглы (куктунли).

Из приведенного выше состава родовых делений видно, что одно и то же родовое название встречается в разных районах расселения канглы. Например, крупное родовое деление кара-канглы входит как в состав канглы Самаркандской, Сырдарьинской областей и Ферганской долины, так и в состав узбеков-канглы Хорезма. Родовые подразделения иргаклы и тарахлы встречаются как в составе канглы вышеуказанных областей УзССР, так и в составе каракалпаков. Родовое подразделение бука входит в состав канглы Хорезма и Ташкентской области; урманчи — в состав канглы Хорезма, так и в состав канглы каракалпаков КК АССР. Эти факты показывают генетическую связь канглы Самаркандской, Сырдарьинской областей и Ферганской долины с канглы Хорезма и Каракалпакии. Об этом говорит также предание, сохранившееся у канглы Зааминского, Джизакского и Галляаральского районов. Согласно этому преданию, канглы указанных областей были переселены из Хорезма лет 150 назад, т. е. в конце XVIII — начале XIX в., что совпадает с периодом борьбы и утверждения в Хивинском ханстве влиятельных предводителей из племени кунградов — Эльтизархана (1804—1806) и Мухаммед-Рахим-хана (1806—1826)³⁵.

В период борьбы за упрочение власти указанные ханы вели решительную борьбу с непокорными племенами. Хотя некоторая часть канглы вскоре была подчинена ханом из племени кунградов и поддерживала их борьбу за власть³⁶, большая группа их, видимо, не желая находиться под властью правителей Хорезма, ушла в пределы Бухарского ханства.

Старожилам исследованных нами селений было известно о расселении канглы в средней части Сырдарьи, недалеко от г. Туркестана, и в Ташкентской области. Эти канглы, по мнению наших собеседников, не принадлежали к тем родам, ко-

³⁴ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950.

³⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмени, т. II, стр. 334—354.

³⁶ Там же, стр. 347.

которые жили в Зааминском, Джизакском районах, в бассейне Зарафшана и в Ферганской долине. Если учесть, что названия родов, которые зафиксированы в Ташкентской области, не совпадают с родовыми делениями указанных выше районов, то можно убедиться, что ташкентские канглы принадлежали к другой родовой группе. Они пришли сюда, по всей вероятности, из долины р. Или, где до конца XIX — начала XX в. сохранилась группа канглы. Причем в их составе имеется род кызыл-канглы³⁷.

После Великой Октябрьской социалистической революции родовые деления и их обособленность исчезли. Те канглы, которые были расселены в пределах УзССР, считают себя теперь узбеками, в Каракалпакской АССР — каракалпаками и в Казахской ССР — казахами.

К. Кубаков

О НЕКОТОРЫХ РОДОПЛЕМЕННЫХ ГРУППАХ УЗБЕКОВ ВЕРХНЕЙ КАШКАДАРЬИ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

Этнический состав населения Верхней Кашкадарьи изучен недостаточно. В литературе есть лишь отдельные сведения¹. Данная статья посвящена вопросу об этническом составе населения и численности родовых делений обследованных нами Китабского, Шахрисабзского, Яккабагского, Чиракчинского и Камашинского районов Кашкадарьинской области. Здесь издавна проживали различные родоплеменные группы узбеков: кенегес, сарой, кунград, барлас, мангит, уз, курама, кутчи и др. Мы остановимся лишь на некоторых родоплеменных группах.

Узбеков-сарой в 1926 г. насчитывалось 29 940 человек². В Западной Бухаре они составляли преобладающую часть населения. Большая группа узбеков-сарой (17 945 человек) проживала также в Бухарском оазисе. 3100 человек жили в Каршинском оазисе, 1000 человек — на склонах гор Кугтаг и в Шахрисабзском оазисе — 7070 человек³. В литературе мы встречаем мелкие подразделения этого племени: сиваз,

¹ А. Кун. Очерки Шахрисабзского бекства, СПб., 1880; Д. Н. Логотет. Бухарское ханство под русским протекторатом, СПб., 1911, стр. 196; М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868, стр. 202; А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 516; Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1893, стр. 58—63; К. Л. Задыкина. Некоторые вопросы изучения этнического состава УзССР, Краткие сообщения Института этнографии, т. XXXVII, М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 42; Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, Бухара, 1926; К. Шаниязов. Узы (Из истории родоплеменных делений узбеков), журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 2, стр. 69; Б. Х. Кармышева. Этническая группа «тюрк» в составе узбеков, журн. «Советская этнография», 1960, № 1, стр. 12.

² Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, стр. 209.

³ Там же, стр. 180.

³⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, стр. 115.

сары-сайлан, яманчи, ас-сарой, уляшун, пучек⁴. В верховье Кашкадарьи нами зафиксированы следующие родоплеменные деления сарой: кипчак-сарой, киргиз-сарой, мажар-сарой, тагиз-сарой, ас-сарой, найман-сарой, санчикли-сарой, актунли-сарой, сероб-сарой, сак-сарой, жоман-сарой, мангит-сарой, куштамгали-сарой, бургали-сарой, некуз-сарой, кунград-сарой. Они в свою очередь имеют еще подразделения. Например, у рода кипчак-сарой — десять родовых подразделений: канжигали, каз-оёкли, кирк-оёкли, карга-оёкли, мирза, шагарак, авакли, умакай, найман, чоркуса. Род кунград-сарой делится на дараз, найман, танакка, темир, балхи, тогаберди, деванбой, гавара, жанаберди, мажмах, лока, очамайлы, куса, карача, туртугил, хантушди, галлакал. Найман-сарой — на кишмиш, галла-мулла, жийда, эсат, паст, изилок, кучактепа, галла-бута, дуял, упка, карамурча, болгали, карим, сустан, тошкудук, сазогон, куктош, халкачи, белдов, кал. Ас-сарой — на тентак, байман, уроз, боймок, арбоб, мазах, сейид, бой. Куштамгали-сарой — на найман, козок, суфи, жувитон, авакли, киров, сули, мангит, кул. Киргиз-сарой — на олти-кара, кучкарбай, нурка, жиямати, пукати, чайрак⁵.

В средней долине Зарафшана зафиксированы следующие родовые подразделения сароев: ас-сарой, кунград-сарой, кипчак-сарой. Род ас-сарой в свою очередь делится на семь подразделений: така, кунград, кара-буйин, кенегес, бешмерган, тарамуш, садыр. У рода кипчак-сарой шесть подразделений: чар-куса, найман, шигали, казякли, канжигали, авакли⁶.

Некоторые родовые подразделения сароев исследуемого района были и в составе других узбекских племен. Например, родовое подразделение канжигали было в составе племени кунградов, нуратинских туркмен и узбеков-кипчаков. Подразделение авакли, принадлежавшее к роду кипчак-сарой, было еще и в составе кунградов⁷ и кенегесов⁸.

Название «сарой» встречается также в родоплеменном составе и других среднеазиатских народностей⁹, в частности у киргизов рода мунгиш младшая ветвь, расселившаяся в Кашгар-Кишлакской волости Ошского округа, именуется са-

рой¹⁰, родовые подразделения сарой входят и в племя агрын казахов Средней орды¹¹.

Узбеки-барласы населяли несколько кишлаков в Верхней Кашкадарье, их насчитывалось здесь 710 человек¹². Барласы проживали в Верхней Кашкадарье¹³ в следующих кишлаках: Саёт, Хасан-тепа, Оммаган, Ташкалак, Аёкчи, Гочир-ушти, Ханака, Тарагай, Панджи и др. Они распадаются на несколько родовых групп: толиб-бачча, кази-бачча, полат-бачча, ох-сак-бачча, шаш-бачча и немат-бачча.

На основе сведений, полученных от местного населения, в Верхней Кашкадарье проживали три рода: толиб-бачча, кази-бачча, немат-бачча. Кроме того, в кишлаке Тарагай Чиракчинского района жили родовые подразделения кал-хофиз и кора-ходжа¹⁴.

Барласы в прошлом вели полукошечное хозяйство. Они занимались овцеводством, сочетая его с земледелием, разводили овец гиссарской породы¹⁵. Табунное коневодство, и особенно верблюдоводство, составляло исключение.

Узбеки-узы населяют главным образом территорию Чиракчинского района. Более конкретные сведения о населении нынешней Кашкадарьинской области получены в результате этнографической экспедиции 1965—1966 гг. Узбеки-узы обитают в селениях Хардури (1000 человек), Талактепа (600), Алатун (800), Шурбазар (500), Утамали (600), Хушшахли (650), Майлижар (260), Суфи (500), Мазарли (820), Каттакишлак (339), Улада (600)¹⁶. Небольшая группа потомков уздов (1000 человек) в настоящее время проживает в селении Дергез на территории колхоза «Москва» Навоийского района, а 350 человек — на территории совхоза «Улус» Каттакурганского района Самаркандской области¹⁷. Значительная группа уздов, или карауздов (около 6 тыс. человек), была зафиксирована в составе узбеков-кипчаков бассейна Зарафшана, главным образом в Пайарыкском районе Самаркандской области. Всего в УзССР проживает ныне около 12 тыс. человек, предки которых относили себя к племени уз¹⁸.

¹⁰ А. Д. Гребенкин. Узбеки, сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872.

¹¹ А. С. Сидыков. Родовое деление киргиз, Ташкент, 1927, стр. 9.

¹² Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, 1926, стр. 200.

¹³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, ч. I, М., стр. 267.

¹⁴ Полевые записи от 23 июля 1970 г.; Род кал-хофиз был назван так по имени своего родоначальника — плешивого певца (Б. Х. Кармышев а. Указ. соч., стр. 13).

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ К. Шаниязов. Указ. соч., стр. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

⁴ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, т. I, стр. 191.

⁵ Полевые записи, 19 сентября 1970 г.

⁶ Х. Ташев. Культура и быт животноводов Зарафшанской долины (конец XIX — 60-е годы XX в.), Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1968, стр. 15.

⁷ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, стр. 180.

⁸ Х. Ташев. Указ. соч., стр. 16.

⁹ Там же.

Нами зафиксированы четыре родовые группы узбеков-узов, а именно: чибат, алатун, суфи, мирза. Они расселены отдельными семейными группами — тупами. Члены каждого тупа являются между собой близкими родственниками (кариндаш)¹⁹.

Узбеки-кутчи были расселены по правому берегу Кашкадарьи, в предгорьях и горной местности на северо-западе Чиракчинского и Камашинского районов. Всего в 1924 г. их насчитывалось 6110 человек²⁰. Главным образом они жили в северной части (5130 человек)²¹, в предгорьях и на юго-западных отрогах Самаркандских гор. В верховьях Кашкадарьи в 1926 г. было зарегистрировано 390 кутчи, в Шахрисабзском оазисе — 342 человека, в горном районе Яккабагского района — 250 человек²². В настоящее время узбеки-кутчи проживают в Верхней Кашкадарье в следующих кишлаках: в Чиракчинском районе — в Октун, Тукмор, Чуввилон, Сувлик, Анаруз и других; в Камашинском районе — Катта-дусберди, Кичик-дусберди, Азлартепа, Етти-кудук, Майда и др.

Для этнографического исследования большой интерес представляют родовые подразделения. Согласно утверждению А. Д. Гребенкина, кутчи подразделились на следующие группы: тогус-науца, ших-салат, моли и кашгар²³. Нами отмечены следующие родовые деления: желимхур, куштамгали, балхи, кайсар, такчи, жуз и казаки²⁴. Некоторые из этих родов встречаются в составе других узбекских племен. Например, в составе племени кунградов есть роды желимхур, куштамгали. Кутчи до революции были скотоводами, разводили курдючных овец.

Узбеки-кенегесы были расселены в основном в Верхней Кашкадарье. Как известно, кенегесы относятся к числу наиболее древних узбекских племен. Основным местопребыванием кенегесских беков были города — Шахрисабз и Китаб. В прошлом они проявляли непокорность бухарским эмирам. Многочисленные попытки бухарских правителей, в частности Насруллахана, покорить это вольнолюбивое племя, заканчивались крахом²⁵. В. В. Радлов пишет, что это многочисленное племя, составлявшее главную часть населения Шахрисабза, проживало также и в Хиве²⁶. По данным комиссии по райо-

¹⁹ К. Л. Задыкина. Указ. соч., стр. 40.

²⁰ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, 1926; стр. 213.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ А. Д. Гребенкин. Указ. соч., стр. 85.

²⁴ Полевые записи от 18 сентября 1970 г.

²⁵ «Туркестанские ведомости», 1872, № 34, стр. 136.

²⁶ В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, СПб., 1880, стр. 60.

нированию Средней Азии в 1924 г., общая численность кенегесов достигала 35 040 человек, из них около 18 320 человек жило в Шахрисабзском оазисе²⁷.

Кенегесы делились на пять родов: тарахлы, карасанлы, очамайлы, авакли и чуют. Кроме того, нами зафиксирован еще ряд мелких родовых делений кенегесов: темирчи, кайчи-лы, дурман, ур-тарахлы, болгалы, найман, кишлик, чагатай, сурун, кушша-боши, яманчи, ширачи, каракалпак, туран, минджир, губбулак²⁸. В свою очередь род авакли делится на мош, чилвир, таракли, минжир, бегзод, дувурдок, бакаваш, кийпуруш, мойна, кераит, эсамат, жинивой, каттакал, кичик-кал, бешбола, акли, кораговур, олтичекман, кунград, хардур и др. Род чуют — на карабурук, окбурук, катш, журат, отчапор, галламуш, кучарим, тепатой, сувлисай, жоржок, тош-локи, кызылкуч, киёнли, жуз, хезалак, кулдовур, дасари нухат и др.²⁹. Отсюда следует, что кенегесы — выходцы из нескольких тюркоязычных племен. Род тарахлы, по данным некоторых авторов, например, А. Д. Гребенкина³⁰, а также Н. А. Аристов³¹, является подразделением племени хитой.

Эти примеры показывают, что родоплеменная структура кенегесов в XIX — начале XX в. не была ясной и определенной. Не менее очевидно, что население Шахрисабза, так же, как и окружающих его сельских районов, относимое всеми авторами к кенегесам³², в действительности не полностью принадлежало к их племени.

Узбеки-катаганы являлись в прошлом одним из многочисленных племен узбеков³³. Катаганы проживали в кишлаках Катаган, Ташкуртан, Зармас, Гулистан и др. Жили обособленно от других узбекских племен, но отчасти смешивались с таджиками, с которыми издавна поддерживали экономические связи.

По данным 1924 г., катаганов, расселенных в бассейне Кашкадарьи, было: в верховьях Кашкадарьи — 1995, в Шахрисабзском оазисе — 445, в верховьях Яккабагдарьи — 405 человек³⁴. Некоторые группы катаганов были расселены так-

²⁷ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, 1926, стр. 194.

²⁸ А. Кун. Указ. соч., стр. 18.

²⁹ Полевые записи автора от 15 сентября 1971 г.

³⁰ А. Д. Гребенкин. Родословная мангытской династии, «Туркестанский край», Ежегодник под ред. Н. Маева, вып. III, СПб., 1880, стр. 386.

³¹ Н. А. Аристов. Живая старина, вып. III, IV, СПб., 1896, стр. 423.

³² О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 134.

³³ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954, стр. 29.

³⁴ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, 1926, стр. 195.

же по среднему течению Ширабаддарьи и по правому берегу Сурхана³⁵.

По преданию, записанному А. Д. Гребенкиным, катаганы из Кундуза переселились в долину Зарафшана. В Гиссаре остались лишь катаганы рода мунос³⁶. Сами катаганы изучаемого района подтверждают, что до революции они имели близкие родственные связи с катаганами, оставшимися в Афганистане³⁷. До революции катаганы занимались скотоводством, зерноводством, поливным и богарным земледелием и садоводством.

Узбеки-кунграды расселены в Камашинском районе Кашкадарьинской области в следующих кишлаках: Ок-гузар (150 хозяйств), Мирза-пучак (100), Кызыл-куч (50), Карвон (55), Каракутан (100), Сартбугажили (40), Бесокол (60), Эшмат (50), Уч-тут (80), Улмас (90), Чайгул (60), Бешбулок (80), Октойлок (20), Чубин (25), Ингичка (30), Окмачит (35), Найман (20), Кызыл-тугай (15), Катта-кишлак (30), Кутирбулок (25), Кулкомиш (80), Дархон (20), Колудовир (30), Чукурли (20), Кон-кататош (40)³⁸.

По данным 1926 г., кунградов насчитывалось 85 760 человек. Это племя жило преимущественно в долинах Байсундарьи (3525 человек), Каратагдарьи (13 140), в бассейнах Ширабаддарьи (18 385), Сурхандарьи (9375), в низовьях Кафиргана (1245), в Каршинском районе (7175), в верховьях Гузардарьи (8875), в долине Амударьи и возле Термеза (3525 человек)³⁹.

По преданию, кунграды Верхней Кашкадарьи переселились сюда из Гузара 150—200 лет назад. Старики еще помнят имена первых пришельцев. Многие жители этих районов до настоящего времени имеют родственные связи с кунградами Гузара. Причиной переселения кунградов на новое место являлся недостаток в Гузаре пастбищ и пригодных земель, а также наступивший там голод.

Родовое деление кунградов: каратамгали, вактамгали, жилантамгали, куштамгали, кара-кунград, бугажили, кусмондоки, ойинли, замбури, каракасмук, бормок, утроки, кийикчи, кароботир, канжигали, тортувли и др. В свою очередь, род каратамгали делится на жилонтомгали, замбури, бормок, утроки, кийикчи, кароботир, каракасмук, кичик-каракасмук,

³⁵ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, 1926, стр. 194.

³⁶ А. Д. Гребенкин. Указ. соч., стр. 86.

³⁷ И. Хидоятлов. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана, «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 123.

³⁸ Полевые записи от 24 июля 1971 г.

³⁹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, стр. 188.

катта-каракасмук; вактамгали делится на карван, кунград, култуда, бойтуда, кузмонаки, куросон, карасийрак, буйрак, чордок, бесокол, пучак и др.: куштамгали — на бормок, каракасмук, замбури, кали, бешкалтак, нак, калламас, каллабуз, кийгичи, кишмиш, жуз, ит-тери, зинжак; ойинли — на бешбола, октунли, кичай, ойинли; бугажили — на козоёкли, иргакли, кайчли, авакли; кара-кунград делится на суркара, кузмондоки, карасийрак и др.⁴⁰. До революции они вели полукочевой образ жизни. Жили в юртах, занимались главным образом скотоводством, сочетая его с богарным земледелием.

Узбекские племена прошлого столетия вплоть до революции сохраняли внешнюю форму родоплеменной организации, их общественные отношения были патриархально-феодальными. Отдельные группы племен расселялись среди оседлого земледельческого населения. Это способствовало усилению территориальной, языковой и экономической консолидации узбекской народности, которая медленно протекала в среднеазиатских ханствах и в Туркестанском генерал-губернаторстве.

В процессе консолидации узбеков указанных выше родоплеменных групп, живущих на общей территории, постепенно создавались элементы будущей нации.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла народам Средней Азии, в том числе и узбекскому народу, путь свободного национального развития.

⁴⁰ Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части Зеравшана, «Известия Туркестанского Отдела Русского Географического Общества», Ташкент, т. I, 1899; т. II, 1900.

С. Мирхасилсв

К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИКТОВ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ У УЗБЕКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ

Господствовавшие в дореволюционном Узбекистане феодально-патриархальные формы производства, примитивная материально-техническая база сельского хозяйства, гнет местных эксплуататоров и колонизаторов обусловили крайнюю экономическую отсталость узбекского кишлака, что порождало отсталость и в сфере духовной культуры. Господствовали религиозные догмы ислама. В семейном и общественном быту сохранялись архаичные пережитки, обычаи и обряды, восходящие подчас к ранним этапам развития человеческого общества. Ислам и остатки древних верований и культов обуславливали сохранение бесчисленных суеверий и предрассудков.

Ислам в руках эксплуататоров был сильнейшим оружием подчинения жизни народа в угоду интересам господствующих классов.

В. В. Бартольд писал, что «характерная черта законодательства корана — чрезмерная заботливость о правах собственности...»¹. Он, как и всякая другая религия, по образному выражению К. Маркса, был опиумом для народа². Все стороны жизни населения регламентировались законами шарията, консервативные законы которого отражали ранний этап идеологии феодального общества и препятствовала развитию культуры народа.

Все явления в природе и обществе ислам рассматривал, как проявление воли бога. Одним из основных и наиболее вредных положений ислама, как и всякой другой религии, является принцип покорности власти имущим. Ислам культивировал национальную ограниченность, нетерпимость к народам, исповедующим другую религию.

¹ В. В. Бартольд. Ислам, Сочинения, т. IV, М., Изд-во АН СССР, 1966, стр. 101.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 415.

«Коран и основанное на нем мусульманское законодательство, — писал Маркс, — сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»³.

Национальная ограниченность, нетерпимость к народам, исповедующим другую веру, культивируемые исламом и усердно насаждаемые реакционным духовенством и правящими классами, были, однако, глубоко чужды народам Средней Азии. В изученных нами селениях Ташкентской области⁴, по сообщению информаторов, еще задолго до революции между многими простыми русскими и узбекскими семьями складывались дружественные отношения, впоследствии переросшие в братскую дружбу русского и узбекского народов.

Из пяти главных обязательных религиозных обязанностей мусульман (фарз) в дореволюционном прошлом наиболее усердно соблюдался лишь мусульманский пост — руза. Очень вредная и тяжелая сторона этого поста — требование ничего не есть и не пить от зари до наступления темноты в течение целого месяца. В летнюю жару тем, кто целый день трудился, приходилось очень трудно. Поэтому нередко имели место тайные нарушения поста. Выполнение этого обряда всегда приносило большой вред верующим, в частности, оно тяжело отражалось на их здоровье и трудоспособности.

Пятикратная молитва соблюдалась строго в основном лишь людьми, принадлежащими к мусульманскому духовенству, стариками и т. п.

В изученных кишлаках, по рассказам стариков, на молитву в мечеть большая часть населения приходила утром, а остальные намазы совершались большинством населения там, где заставлял их час молитвы. В некоторых кишлаках (Байт-курган, Зангиата, Ниязбаши и др.) духовенство ревностно следило за посещением мечетей. Если кто-нибудь не приходил в мечеть на молитвы, его друзья приходили к нему домой рано утром и обливали нередко спящего холодной водой, окунали в прорубь. Бывали случаи, когда не выполнявшим намаз население квартала или кишлака выносило порицание.

В отдаленных и глухих кишлаках, как, например, Яллама, расположенном на границе с казахской степью, где, по

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 167.

⁴ Они расположены на правом берегу реки Чирчик — древней земельной территории, где в течение многих веков обитало оседлое узбекское население. Полевые этнографические материалы были собраны автором в 1953—1961 гг., которые дополнялись при выездах и в последующие годы.

сообщениям информаторов, было мало мулл, значительно меньшим было и влияние мусульманского духовенства. Немало лиц, даже среди людей немолодых, вообще не посещало мечетей.

В кишлаке Ниязбаши, где до революции было около 1000 дворов, имелось 12 мечетей, а в кишлаке Байткурбан на 300—350 дворов населения было 7 мечетей. Строительство, ремонт мечети считалось богоугодным делом (савоб) и производилось за счет общественных пожертвований населения, главным образом, ее прихожан.

Если обеспеченные слои населения при строительстве мечети вносили денежные и натуральные жертвования, то бедняки, которые не могли делать таких жертвований, вынуждены были непосредственно участвовать в работах по строительству или ремонту мечетей. Нередко бан посылали на такую работу своих слуг или издольщиков, которым также приходилось работать безвозмездно (к. Байткурбан).

Паломничество в Мекку могли совершать лишь представители наиболее состоятельных кругов кишлаков. Более массовым было паломничество к местным святыням — разного рода мазарам и «святым» местам. Духовенство было материально заинтересовано в процветании мазаров и стремилось через них увеличить свое влияние на народные массы. Поэтому в отношении крупнейших мазаров распространялось мнение, что будто бы их посещение равно посещению Мекки. Однако только побывавшие в Мекке получали звание хаджи.

Небольших мазаров было очень много — почти в любом кишлаке, а иногда и по несколько в каждом. К ним совершали паломничество, приносили жертвоприношения. В к. Байткурбан и его окрестностях были мазары: Кук-тугли (с синим знаменем), Саксон (восемьдесят), Кора-сокол (чернобородый) и др. Население считает, что трое святых, якобы похороненные на территории этих кишлаков, — братья. В к. Ниязбаши был мазар Султон-бува, в к. Яллама — Изимкул-ота, Овдар-ота и др.

Мазар Кук-тугли, как и другие мазары с такими названиями, распространенными у узбеков, связывали с детской болезнью коклюш (кук ютал, буквальный перевод — синий кашель) и верили в исцеление от него на этом мазаре. Отдельные жители, и особенно женщины-матери, до сих пор верят этому. По словам информаторов, там есть синие камни. Служители мазара для излечения больного дают кусочек синего камня и говорят, что его надо положить в пиалу с водой, а эту воду давать пить больному.

Особенной популярностью среди сельского населения области пользовались мазары Занги-Ата (к. Зангиата), Саид-

баттолгози (к. Чиназ), священное место в к. Ходжикент, где будто бы некогда ступала нога Алиа⁵, и др.

Одним из наиболее почитаемых был мазар Занги-Ата. Занги-Ата или Занги-баба — имя, вернее прозвище, популярного шейха, ученика Сулеймана Хаким-ата (Бакиргани), бывшего в свое время учеником и преемником известного суфия, философа и поэта Хазрат и Ахмада Яссави⁶. «Предание и суфийская литература рисуют его грубым по внешности... человеком, пастухом ташкентских стад. Это популярный народный святой, до сего времени остающийся патроном пастухов»⁷ и притом пастухов крупного рогатого скота. Покровителем же пастухов бараньих стад является мазар Чупан-Ата, который также расположен недалеко от Ташкента⁸.

В Зангиата ежегодно осенью в течение одного месяца два раза в неделю проходили народные гуляния — саили. В последнюю неделю сюда съезжались пастухи. Они приносили в жертву баранов, готовили обрядовую пищу халим, совершали зикр. Последняя неделя саиля носила более ритуальный, религиозный характер по сравнению с предыдущими, которые проходили как народные гуляния.

Хотя Занги-Ата считался покровителем пастухов, к его мазару на поклонение ходили все жители, как к мазару любого другого святого; он был очень популярен среди населения долины Чирчика и особенно его правобережья. Почитался и мазар Амбар-она, названный так по имени жены Занги-Ата, к которому в основном обращались женщины при различных несчастьях и неудачах в жизни и особенно при бесплодии.

Селение Зангиата, находившееся на важном торговом пути, в прошлом было крупным религиозным центром, образовавшимся вокруг главной святыни кишлака — мазара Занги-Ата. В центре кишлака рядом с мазаром находилась большая соборная мечеть (Катта мачит); здесь же — мадраса и корихона. Кроме того, в селении еще было пять приходских мечетей (по числу кварталов кишлака) с мактабами при них. Вокруг всех этих религиозных учреждений сконцентрировалось многочисленное сословие духовенства; имамы, муддарисы, чтецы корана — кори, ишаны и пр. Там было также много

⁵ «В шиизме, — как отмечает С. П. Толстов. — Алий вырастает в фигуру, во всяком случае, равноценную, а если подойти с обрядовой стороны, то и заслоняющую образ «пророка». (С. П. Толстов. Очерки первоначального ислама, «Советская этнография», 1932, № 2 стр. 69—70).

⁶ Настоящее имя Занги-Ата, по сообщению местных жителей, Ойходжа.

⁷ В. А. Шишкин. Мазары в Занги-Ата, сб. «В. В. Бартольд» (Туркестанские друзья, ученики и почитатели), Ташкент, 1927, стр. 165.

⁸ А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1877, стр. 185.

ходжа, среди них выделялись чин ходжа (настоящий ходжа), считавшие себя потомками Алиа и его жены Фатимы — дочери пророка Мухаммеда. Чин ходжа вступали в брак внутри своего сословия. Они могли брать в жены из других ходжа, но дочерей своих они выдавали замуж только за чин ходжа.

Значительным влиянием среди населения кишлака и духовенства пользовались шейхи мазара Занги-Ата — братья Махмудхан, Мухтархан, Агзамхан и Бабахан. Они приехали сюда из Самарканда в последней четверти XIX в. и заявили, что являются потомками Амбар-она и приехали сюда, чтобы стать шейхами этого мазара. Мазар сделался для них источником значительных доходов. Религиозное влияние братьев на население с каждым годом росло. Доходы с верующих поступали огромные, нередко приносили в жертву корову, лошадь, деньги и пр. Доходы поступали и от вакфа мазара — бани, находившейся в Кукчинской части старого Ташкента.

Если к. Байткурган раньше называли «байским гнездом», то к. Зангиата был центром наиболее реакционного и фанатичного духовенства, оказывавшего весьма отрицательное влияние на культуру и быт населения, что сказалось и в годы социалистического строительства.

О мазарах распространялись самые невероятные слухи, и население верило в их «сверхъестественную мощь». Например, о широко почитаемом населением окрестных кишлаков мазаре Чумайлык в Бостанлыкском районе, куда особенно часто обращались бесплодные женщины, было распространено мнение, что людей, не почитающих этих «святых», последние жестоко наказывают. Рассказывали разные небывлицы. Например, будто всадник, не пожелавший оказать почтение «святому» и не сошедший с коня, когда проезжал мимо мазара, замертво упал с лошади на землю. Недалеко от мазара Саидбаттолгози (к. Чиназ) находилась железнодорожная станция. Когда поезд не принимали на станции и он останавливался перед светофором, находившемся недалеко от мазара, говорили, что поезд остановил «святой».

Несмотря на формальную несовместимость и противоречие культа святых и мазаров мусульманской идее предопределения (такдир), почитание мазаров прочно уживалось с мусульманством.

Источником и основой веры в сверхъестественную силу мазаров и «святых» следует считать недостаток материальных и технических средств, находящихся в распоряжении человека, низкий уровень развития производительных сил, недостаток знаний. Почитание мазаров поддерживалось официальной религией, которая тем самым отвлекала народ от деятельной борьбы за улучшение своего положения.

В дореволюционном прошлом в обследованных кишлаках в значительной степени сохранялись пережитки древних верований — анимистических представлений, магии, шаманства и пр. Верили в существование всевозможных добрых и злых духов.

Трудовая и хозяйственная практика человека и его зависимость от природы на ранних этапах развития обуславливает дуалистический характер его общих представлений о природе. Возникает представление о полезных и вредных, благоприятных и неблагоприятных, добрых и злых силах⁹.

По словам информаторов, большой вред людям приносили злые духи инс-жинс, демонические существа албасты, аджина и пр. Были и добрые духи: апалар, момо. Добрые духи считались защитниками человека от злых духов. Население Байткургана и Ниязбаши, однако, момо относил к злым духам. Добрым духам (апалар) делали жертвоприношения: готовили особое ритуальное кушанье — шавлю, которая называлась апалар оши (кушанье апалар). В отличие от обычной шавли варили ее с мелко нарезанной сахарной свеклой, а мясо обязательно должно было быть говяжье. Ритуальное кушанье ставилось в местах предполагаемого обитания апалар и тут же зажигались лучинки.

Как отмечает О. А. Сухарева, злым, нечистым духам жертвоприношения не делались¹⁰. Жертвоприношения добрым духам при обряде кучирик или кучирма¹¹ делались для того, чтобы с их помощью изгнать злых духов и освободить больного от различных недугов, причиняемых злыми духами. Кучирик совершали бахши (шаманы)¹², которые считались людьми, связанными с духами и умеющими на них воздействовать.

Жертвоприношения апалар свидетельствуют о сохранении архаичного представления, согласно которому они, подобно человеку, нуждаются в реальной пище. Считалось, что апалар едят непосредственно само жертвенное кушанье¹³. В то же время, по представлению узбеков, существовали духи, в частности духи предков (арвох), пищей которым служили

⁹ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 162—163.

¹⁰ О. А. Сухарева. Пережитки анимизма у равнинных таджиков. Канд. дисс. хранится в фондах Института истории и археологии АН УзССР, № 34, стр. 41.

¹¹ Кучирик, кучирма означает выселение, изгнание.

¹² В обследованных кишлаках сказители дастанов тоже назывались бахши.

¹³ Отзвук архаичного представления о том, что духи едят непосредственно само жертвенное блюдо, мы имеем в сибирском шаманстве (Л. Я. Штернберг. Избранничество в религии, сб. «Первобытная религия в свете этнографии», Л., 1936, стр. 144).

дым и запахом приготовляемого ритуального кушанья. Представление о том, что духи питаются дымом и запахом, явление более позднее¹⁴ и, как правильно указала О. А. Сухарева в своей работе, «...оно связано с развитием представления о душе и духах, как о чем-то нематериальном, имеющем другую природу, отличающуюся от мира реальности»¹⁵.

Как отмечает О. А. Сухарева, название «апалар», имеющее значение, аналогичное таджикскому «момохо», свидетельствует о тождественности генезиса этих представлений у обоих народов. Культ момо есть не что иное, как культ женских предков¹⁶.

Апалар и момо считались духами женского пола. Это представление восходит к матриархату, тому раннему этапу первобытнообщинного строя, когда ведущая роль в хозяйственной и общественной жизни принадлежала женщине и в религиозных верованиях господствовало «женское начало», «женские духи»¹⁷. Аналогией этому в некоторой степени могут служить остатки анимистических представлений, как отражение в идеологии следов материнского рода у народов Сибири, Дальнего Востока и др.¹⁸.

У узбеков изученных районов было представление, что злые духи — демонические существа — водятся на деревьях грецкого ореха. Дерево приобрело плохую славу, считали, что под ним опасно находиться и особенно спать, ибо были случаи, когда с человеком, заснувшим под этим деревом, случались несчастья, он тяжело заболел и даже умирал. Считалось, что злых духов можно обезвредить и они не смогут причинить никакого зла, если в орешину, где они обитают, вбить гвоздь. У таджиков долины Хуф для изгнания альмасты (албаствы) клали нож или какую-нибудь железную вещь¹⁹. Г. П. Снесарев пишет: «Нож постоянно клали под подушку роженицы и в колыбель ребенка. Даже изображения ножей, вышитые на сюзанах, входивших в приданое невесты в центральных районах Узбекистана, считались оберегами... Не

¹⁴ Эволюция кормления духов подробно рассматривается в кн.: Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 32—37.

¹⁵ О. А. Сухарева. Пережитки анимизма у равнинных таджиков, стр. 33.

¹⁶ Там же, стр. 22.

¹⁷ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, стр. 166.

¹⁸ А. Ф. Анисимов. Представление эвенков о душе, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XIV, М., 1951, стр. 166—117; С. В. Иванов. Происхождение бурятских онгонов с изображениями женщин, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XIV, М., 1951, стр. 121—125, и др.

¹⁹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), вып. I, Сталинабад, 1953, стр. 55.

только острие предмета — обычное явление в этнографии народов мира — служило охраной от враждебных сверхъестественных сил, но и сам металл, в частности железо»²⁰. Согласно старому хорезмскому обычаю, «человек, ложившийся отдохнуть где-нибудь на поле, никогда не засыпал, не положив голову на рабочую часть кетменя или лопаты, иначе джины могли якобы причинить ему вред»²¹.

По представлению населения Байткургана, злые духи водились также на мельнице, где особенно много скапливалось их с наступлением темноты. По местному поверью, злых духов нельзя называть их именем, так как они, услышав, могут прийти и причинить вред, надо называть их шепотом индоевропейским выражением — «мирт».

У узбеков, как и у многих других народов, бытовали в разнообразных формах также пережитки культа природы, в частности деревьев, рощ. Считалось, что в рощах карагача и кустарнике чангал обитают духи (Чиназ). Этим духам местные жители приносили жертвы, например, ритуальное кушанье «апалар оши». По поверью, оно поедалось духами, но чаще им только возжигали светильники.

Култ деревьев и рощ существовал в разнообразных формах у многих народов²². Деревья рассматриваются как жилище и обиталище духов, у деревьев и в рощах совершаются магические действия. Так, например, у нижних адыгов, в среде которых ислам упрочился лишь в XVIII—XIX вв., до недавнего времени наблюдались интересные пережитки этого культа. Все молибища устраивались в священных рощах. Деревья и рощи как обиталища духов были неприкосновенны. На ветвях вешались принесенные в жертву вещи. Умирающие оставляли священному дереву саблю, ружье, одежду и пр. Эти предметы с церемониями относились в священный лес²³.

У населения обследованных кишлаков на порубку почитаемых деревьев существовали различные вето. Порубка больших деревьев считалась делом рискованным, могущим принести несчастье. А перед тем, как срубить орешину, которая считалась обиталищем духов, полагалось принести кровавую жертву. С представлением, что деревья сами обладают душой, были связаны различные обряды. Например, чтобы

²⁰ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., Изд-во АН СССР, 1969, стр. 39—40.

²¹ Там же, стр. 40.

²² Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 437—456; Народы Кавказа, т. 2, Этнографические очерки из серии «Народы мира», М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 142.

²³ Дж. Фрезер. Золотая ветвь, перевод с английского, вып. I, М.—Л., 1931, стр. 134.

заставить малоплодоносящие деревья давать обильный урожай, над ними совершалась, как и повсеместно у узбеков, следующая церемония. Кто-нибудь брал топор и грозился перерубить дерево, другой его отговаривал, обещая от имени дерева, что в будущем году урожай будет хорошим. Или кто-либо, подойдя к дереву, тихонько ударял по нему топором, грозя срубить, если оно в будущем году не даст обильный урожай. Подобные верования и церемонии по отношению к дереву отмечены у многих народов²⁴.

Совершались действия, связанные с верой в магическую связь между деревом и человеком. Так, бездетные женщины, обнимая и касаясь священных деревьев, надеялись исцелиться от бесплодия.

То поверье, согласно которому дерево считалось неодушевленным и являлось обиталищем духов, видимо, более позднего происхождения сравнительно с тем, по которому оно считалось одушевленным, обладающим душой.

Подобные представления и обряды, восходящие к эпохе первобытнообщинного строя, были основаны на незнании законов природы, они, по образному выражению Маркса, отражали «превратное мировоззрение»²⁵, ложные представления человека о своей собственной и внешней природе, являвшиеся фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствовали над ними.

Вследствие сохранения у узбеков анимистических представлений и почти полного отсутствия медицинской помощи жители кишлаков обращались к услугам бахши (шаманов) в надежде на излечение. Многие болезни, несчастные случаи приписывались влиянию злых духов и демонических существ.

Во всех этих кишлаках раньше были шаманы (бахши). Шаманили как мужчины, так и женщины, которых одинаково называли бахши. Камлание совершали с бубном²⁶. В Байткургане особой популярностью пользовался Тешабай бахши. Он занимался не только шаманством, но и земледелием. Земледелием стал заниматься и Рустам бахши из к. Ниязбаши, когда его доходы от шаманства уменьшились и в кишлаке наряду с ним стала шаманить Ирис бахши. Шаманство у них не было основным источником существования, хотя они были известны в своих кишлаках как бахши.

Мусульманское духовенство, которое строго придерживалось норм ислама, отрицательно относилось к бахши и их деятельности, называя их еретиками, а их занятие ересью (бид'ят).

Важным моментом в общественной жизни населения были религиозные праздники. Пятница считалась еженедельным праздничным днем. В этот день в соборных мечетях (Катта мачит, Джума мачит) совершался общий намаз. Дома к вечеру старались приготовить лучшее блюдо — обычно плов, а мужчины — провести этот вечер в кругу семьи.

Торжественно и многолюдно отмечались два годовых праздника, обязательных для мусульман: праздник окончания поста — рамазан-хаит и праздник жертвоприношения — курбан-хаит. Эти праздники отмечались молитвами, на которые сходилось все взрослое мужское население. В обследованных кишлаках они совершались на мазарах крупных святых или в их окрестностях — в специальных местах для праздничной молитвы.

В курбан-хаит полагалось приносить кровавые жертвы. Резали скот и раздавали мясо соседям и родственникам или же готовили из части этого мяса какое-либо блюдо и угощали им. Небольшой кусок мяса давали имаму мечети. Каждый мусульманин старался принести в жертву барана хотя бы один раз за несколько лет.

Накануне этих праздников женщины готовили особые кушанья, накрывали дастарханы, а в первый день торжества рано утром устремлялись на кладбище к могилам своих близких. На пути и у ворот кладбища они раздавали угощения муллам и нищим. У могил зажигали светильники, читали молитвы и, оплакав умерших, возвращались домой. К этим дням старались справить себе и особенно детям обновки. Население обычно бывало нарядно одето; дом и двор приводились в идеальный порядок. Родственники и соседи навещали друг друга, поздравляли с праздником, ходили на поминки по умершим родственникам, односельчанам. Девушки, нарядно одетые, целыми группами ходили к новобрачным навещать молодых (новобрачными считались те, кто вступил в брак в период после предыдущего праздника). За год в кишлаке новобрачных набиралось немало, и этих визитов хватало на продолжительное время. Женщины и девушки использовали эти визиты также для выбора невест сыновьям и братьям. Новобрачный по случаю праздника приглашался со своими друзьями на специальное угощение к родителям невесты (куев чакирик).

Празднично выглядели и базары: к этому времени изготавливались для продажи масса детских игрушек, различные

²⁴ Дж. Фрезер. Золотая ветвь, стр. 135—137.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 414.

²⁶ Как известно, камлание с бубном было широко распространено в шаманстве сибирских народов (Народы Сибири, Этнографические очерки из серии «Народы мира», М.—Л., 1956, стр. 301, 627, 655, 697, 752).

сладоcти; в чайханах и на площадях устраивались различные увеселения.

Праздники длились обычно три дня, но в Зангиата, в отличие от других мест, они продлевались и на четвертый день, так как в этот день помолвленные могли встретиться в условленном месте — обычно у родственников или соседей девушки. Жених отправлялся к своей невесте, взяв для нее немного гостинцев (сладостей, фруктов и пр.). Невеста приходила туда с какой-нибудь родственницей — часто женой брата или дяди (янга)²⁷, прислуживавшей им во время чая, за которым они беседовали друг с другом.

Очень своеобразно проходил третий день религиозных праздников в Ниязбаши. В этот день мужчины и женщины кишлака отдельно отправлялись за селение на гуляние — саил. Там они весь день веселились, ели, пили и вечером возвращались домой. Никто из мужчин не имел права подойти и подсматривать, как веселятся женщины. От всех двенадцати квартальных общин (мечетей) кишлака выделяли по одному уважаемому старцу. Эти люди расставлялись в надлежащих местах как караульные, с тем чтобы никто из мужчин, в особенности из посторонних, не нарушил обычая. По сообщению ниязбашцев, осмелившихся нарушить этот обычай могли даже убить.

Обычай выхода женщин Ниязбаши на саил по своему происхождению не связан с религиозными праздниками, а имеет более древние корни.

Изолированность женщин во время саила, строжайшее наказание за нарушение обычая связаны в данном случае не с мусульманским обычаем затворничества женщин, а с пережитками более древних обычаев.

Выход женщин Ниязбаши на саил и строгая их изоляция перекликаются с некоторыми обычаями таджиков, связанными с выходом женщин на летние альпийские пастбища. «Когда скот впервые выгоняется на летовки, то на них идут только женщины и дети; мужчинам в течение первой недели запрещен на летовки всякий доступ. Обычай этот наблюдается не только в Рушане, Шугане и Вахане, но и в Ясине, Канджуге и других странах за Гиндукушем»²⁸. «В некоторых местностях, — сообщает М. С. Андреев, — (например, в Рушане и в к. Ургут) сохранились еще остатки древнего обычая, когда после отправления женщин в горы никто из мужчин не имел права некоторое время их навещать. В до-

²⁷ Янга играла большую роль в период вступления девушки в брак и в свадебных обрядах.

²⁸ Г. П. Снесарев. Религия и обычаи горцев западного Памира, «Туркестанские ведомости», 1904, № 93,

лине Хуф (в Рушане), где этот обычай, называемый яджвинь, исполняется до сих пор, запретный срок определяется в одну неделю. Для наблюдения за тем, чтобы никто из мужчин не нарушал обычая, в надлежащем месте ставится караул и устраивается застава. Если же кто из мужчин отправился, несмотря на предосторожности, хотя бы и к своей жене, и об этом узнали в селении, то арбоб распоряжается, чтобы привели корову или быка и закололи, чтобы умиловить разгневанных духов. Животное берется из имущества виновного»²⁹.

В Язгулеме по окончании запретного для мужчин срока первым на летовку приходит уважаемый всеми в селении старец, который приносит с собой в корзине тутовые ягоды и произносит установленное обычаем заклинание³⁰.

В этих обычаях отчетливо выступают и религиозные моменты, пережитки культа природы, связанного с табуацией полов³¹. И ниязбашский саил женщин может быть отголоском подобных обычаев, сохранившихся под покровом мусульманских традиций.

В том же Ниязбаши в определенных случаях мусульманский обычай затворничества нарушался и его как будто не существовало. Во время свадеб там бытовал обычай «лапар» — состязаний в пении частушек между юношами и девушками. На лапарах девушки сбрасывали паранджу; они становились по одну сторону двора, а юноши по другую, и пели песни лапар. Все могли видеть друг друга, и никто их за это не преследовал.

Кроме религиозных праздников, у населения обследованных кишлаков существовал обычай ежегодно (весною в Чиназе, в Зангиата осенью) устраивать массовые гуляния — саили. В Чиназе саил продолжался одну неделю, а в Зангиата длился целый месяц, по два дня на каждой неделе. В Зангиата саили проходили при мазаре, а в Чиназе за кишлаком в местности, называемой Тепа-курган. Саили, проходившие в Зангиата, отличались особенной массовостью, туда на многочисленных арбах, нередко с женами и детьми, выезжало и население Ташкента. Иногда джура, проводившие гапы, одно из своих очередных угощений устраивали здесь. В Чиназе довольно видное место в развлечениях народа занимали борьба (кураш) и улак (копкари).

²⁹ М. С. Андреев. По этнографии таджиков, сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 167.

³⁰ Н. А. Кисляков. Язгулемцы. Известия Всесоюзного географического общества, 1948, № 4, стр. 369—370; Он же. Семья и брак у таджиков, стр. 45—46.

³¹ См. также: Д. Ж. Фрезер. Золотая ветвь, стр. 161—165.

Во время саилей открывалось множество чайхан, столовых, организовывались различные представления — выступали канатоходцы, кукольный театр, акробаты, певцы и музыканты. Проводились азартные игры и забавы — бои перепелов, петухов, лотерея и пр. В лавках и ларьках продавались различные сладости и фрукты для детей.

Мусульманское духовенство, стремясь взять под свой контроль и это проявление духовной жизни населения, в дни саилей устраивало религиозные проповеди. Несмотря на то, что религиозная идеология с ее ханжеством и фанатизмом душила все живое и прогрессивное, все же она не смогла убить одно из лучших проявлений духовной жизни народа — его жизнелюбие, радушие и веселость.

Т. Ташбаева

К ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА СРОКОВЫХ РАБОТНИКОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЗБЕКИСТАНА

Большинство авторов, освещающих вопрос о сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана, отмечает, что основной формой ведения хозяйства была сдача земли в издольную аренду¹. Вместе с тем в экономически неодинаковых областях, как Андижанская, Бухарская и Хорезмская, наряду с издольщиной широко использовался труд срочных работников. Причем в некоторых районах хозяйство велось главным образом руками срочных работников, другими словами — применение труда срочных работников являлось основной формой эксплуатации в сельском хозяйстве.

Об использовании труда срочных работников писали многие дореволюционные авторы. Однако этот вопрос не получил достаточного освещения, и ему не было уделено того внимания, которое получила издольная система. Видимо, это было связано с тем, что издольщина, являвшаяся особенностью, наиболее характерной для Востока, привлекала к себе особый интерес. Более широкую разработку этот вопрос получил после революции, в трудах советских ученых. Но в Узбекистане он не явился еще объектом специального исследования.

В трудах авторов, работы которых носят обобщающий характер и в которых освещается хозяйственная жизнь дореволюционного Узбекистана, об использовании срочных работников говорится очень немного. А. М. Аминов отмечает, что издольная аренда выступает, как «основная форма ...эксплуатации»² и считает, что наемный труд «...получил сравнительно большое распространение в Кокандском ханстве...»³, да-

¹ Издольщина — работа на чужой земле на условиях получения с нее определенной доли урожая.

² А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959, стр. 35.

³ Там же, стр. 37.

лее, что в 900-х годах «дехканство Ферганской долины... ежегодно уходило на полевые работы в... другие районы и области, чтобы в качестве батраков обрабатывать чужие поля»⁴. По Е. Зелькиной основной формой эксплуатации была издольная аренда, а хозяйств, ведшихся трудом годовых рабочих (каролов) были единицы⁵. Более подробно батрачество рассматривает М. Г. Вахабов, который характеризует батраков, как «особую социальную группу». Автор подчеркивает, что институт сроковых, годовых работников бытовал еще в средние века и в эпоху феодализма, когда они являлись зависимыми от феодала лицами и подвергались феодальной эксплуатации, а в «колониальный период превратились в типичных сельских пролетариев»⁶.

В данной статье нами делается попытка осветить этот вопрос по этнографическим материалам на примере исследованных районов — бывших Бухарского и Хивинского ханств.

Работники, в зависимости от срока найма, делились на несколько категорий. Наибольшее распространение имели работники годовые и сезонные (последние нанимались на весь сельскохозяйственный сезон, от посева до сбора урожая). В страдную пору довольно широко привлекались поденщики. Совершенно иной тип сроковых работников представляли помесечные.

В литературе по отношению к сроковым работникам вообще употребляется термин «батрак», при этом обычно имеют в виду главным образом поденщики.

В. И. Ленин под батраком понимал типичнейшего представителя русского сельского пролетариата⁷, отмечал, что «...батраки составляют ... часть наемных рабочих»⁸ и появление батрачества связывал с развитием капитализма в сельском хозяйстве.

В Средней Азии положение было несколько иным. Здесь капиталистические отношения в сельском хозяйстве только начинали зарождаться. Между тем труд батраков применялся больше всего именно в той части Средней Азии, где до самой революции сохранялись все феодальные институты, все классы и прослойки феодального общества. Это дает нам основание считать, что батрачество в Средней Азии было связано с феодализмом и должно трактоваться как феодальный институт. Под термином «батрак» мы понимаем работника,

наняемого на определенный срок (обычно на год или сезон) за определенную заранее плату деньгами или натурой. Характерными чертами батрачества было то, что батраки жили и питались у хозяина, получали от него одежду.

По отношению к поденщикам, по нашему мнению, больше подходит определение «сельскохозяйственный рабочий». Причем, капиталистическими мы считаем хозяйства, ведшиеся такими сельскохозяйственными рабочими-поденщиками, которые являлись не подсобной силой, каковой они были в феодальном хозяйстве, а основными производителями, когда хозяйство от начала до конца велось их трудом.

Работники назывались в разных районах по-разному. Для обозначения работников на долгий срок (годовых, сезонных) в Бухаре и в Ферганской долине широко применялся термин «етим» (дословно сирота)⁹. В кишлаках Бухарского ханства этот термин употреблялся для обозначения работника вообще, независимо от возраста, в Фергане же — чаще для молодого работника. Кроме термина «етим», употреблялся термин «карол», «карори» («карор» — по-арабски договор)¹⁰. В Хорезме для обозначения батрака использовался термин «дехкан» и редко термин «етим»¹¹. Для обозначения помесечных работников употреблялся термин «ойлик» (ой — месяц), для поденных работников — «мардикер» (по-таджикски — работник). В Хорезме поденщики назывались «гуллики» (от «кун» — день).

Наши материалы в основном освещают институт батрачества на феодальной ступени, они собирались нами именно в

⁹ А. Хамраев. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве XIX в., Ташкент, 1948, стр. 28; К. Шаниязов. К вопросу о социальных отношениях у карлуков Южного Узбекистана в конце XIX — начале XX в., СОН, 1959, № 3, стр. 51; Он же. Историко-этнографический очерк карлуков южных и западных районов Узбекистана, Автореферат канд. дисс., Л., 1960, стр. 9; М. Г. Вахабов. Указ. соч., стр. 129; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXIV, М.—Л., 1962, стр. 119; Полевые записи 1964, 1965, 1966 гг.

¹⁰ А. М. Давыдов. Кокан-Кишлакская волость перед земельно-водной реформой, Ташкент, 1926, стр. 138; Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, М.—Л., 1954, стр. 28; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 49; Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Труды АН ТаджССР, т. XXVIII, 1960, стр. 56; М. Г. Вахабов. Указ. соч., стр. 129; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 119; Полевые записи.

¹¹ О. Шкапский. Амударьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 130, 192; М. Ю. Юлдашев. Феодальное землевладение в Хиве XIX в. до присоединения ханства к России, СОН, 1959, № 3, стр. 45; А. Кошчанов. Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в., Канд. дисс., Ташкент, 1967, стр. 150, 155; Полевые записи.

⁴ А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), стр. 168—169.

⁵ Е. Зелькина. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, М., 1930, стр. 54.

⁶ М. Г. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 128—130.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 170.

⁸ Там же, стр. 106.

плане изучения феодальных производственных отношений. Наряду с этим другие наши материалы говорят о новом значении батрачества — как формы использования труда в хозяйствах капиталистического типа¹².

Использование труда сроковых работников имело место во всех районах Средней Азии. Однако их роль и значение по районам были неодинаковы. Поэтому мы их рассматриваем по областям.

Использование труда батраков для ведения полевых работ имело широкое распространение в Бухаре. А. Губаревич-Радобыльский считал, что в Бухаре «весьма значителен процент безземельных сельскохозяйственных рабочих, которые... служат годовыми работниками — батраками»¹³. О применении труда батраков на поле и в усадьбе у таджиков долины реки Хингоу, входившей в состав Бухарского ханства, говорит М. Рахимов. Автор констатирует, что только самые «бедные, маломощные крестьяне, не находя другого выхода, вынуждены были работать в качестве батраков в хозяйстве баев и феодалов»¹⁴. Об участии батраков в полевых работах у карлуков Южного Узбекистана сообщает К. Шаниязов. По материалам автора, в земледельческих хозяйствах работников обычно нанимали на один сезон — 8 месяцев, в скотоводческих хозяйствах — сроком на год¹⁵. Н. А. Кисляков, посвятивший специальную монографию патриархально-феодальным отношениям Бухарского ханства, к институту батрачества подходит как к капиталистической категории и не рассматривает его подробно¹⁶.

Приведем несколько конкретных примеров землевладений, ведшихся руками сроковых работников, записанных нами в кишлаках Гиждуванского района Бухарской области. Нами изучено хозяйство жителя Гиждувана Абдурашидбая. Он был крупным торговцем. Сам Абдурашидбай жил в Гиждуване, где имел большую усадьбу с садом площадью в 9 танапов¹⁷. В кишлаке Дегресс (недалеко от Гиждувана) ему принадлежало 40 танапов орошаемой земли, расположенной в 8 местах.

¹² Т. Ташбаева. К характеристике плантационных хозяйств дореволюционного Туркестана (по этнографическим материалам), журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 7.

¹³ А. Губаревич-Радобыльский. Экономический очерк Бухары и Туниса (опыт сравнительного исследования двух систем протектората), СПб., 1905, стр. 34.

¹⁴ М. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк), Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XLIII, Душанбе, 1957, стр. 143, 144.

¹⁵ К. Шаниязов. Указ. соч., стр. 51.

¹⁶ Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 119.

¹⁷ Один танав в Туркестане составлял 0,18 га, в Бухаре — 0,25 га и в Хорезме — 0,40 га.

В Дегрессе он держал две пары волов, двух лошадей с арбами, двух ослов.

На земле бая сеяли пшеницу, ячмень, джугару, люцерну и бахчевые. Несколько танапов отводили под хлопчатник и местную гузу. У бая постоянно работали четыре годовых батрака (етим), трое из которых в основном были заняты полевой работой в Дегрессе, а один — в саду. Кроме того, все они выполняли различные работы по усадьбе бая в Гиждуване. В период сбора урожая фруктов все трое етимов работали в саду, а в горячую пору етим, отвечающий за сад, участвовал в полевых работах. Все етимы жили и питались в усадьбе бая в Гиждуване. В год каждому взрослому батраку землевладелец давал по 200 танга, один новый и один поношенный костюм. Наш информатор Р. Абидов попал в дом бая 9—10-летним мальчиком и в течение двух лет смотрел за скотом. Жил он вместе со взрослыми батраками и получал 80 танга в год¹⁸.

Батраки обрабатывали землю и бухарского землевладельца из кишлака Мирзаен (Гиждуван) Абдураимбая. Он также был крупным торговцем, имел много земельных участков, расположенных в различных местах: Мирзаене, Наймане, Карзоводе. В кишлаке Мирзаен у него было четыре участка орошаемой земли (около 30 танапов), что в условиях Средней Азии является небольшой площадью, и сад площадью в два танапа. В большой усадьбе, которая находилась в этом же кишлаке, у бая было две пары волов, три лошади с арбами. Для многочисленной своей семьи бай держал несколько дойных коров и много мелкого скота. Бай постоянно нанимал трех батраков (етим). Один из работников в основном следил за садом, двое работали на поле. Все они работали в усадьбе, смотрели за скотом, помогали в других делах. Все етимы жили у Абдураимбая, получали питание, два раза в год бай должен был давать им полный комплект одежды (шапка, рубаха, сапоги, халат и штаны), а также плату деньгами — по 180—200 танга¹⁹.

Амин (старшина) из кишлака Малай Мирзаен Рахмат имел более 50 танапов орошаемой земли. Из рабочего скота у него было три пары волов и несколько лошадей. Кроме того, у него было много мелкого скота. Амин Рахмат постоянно держал четырех годовых работников (етим), которые выполняли всю работу на поле и в усадьбе. Жили работники у бая, пищу для них готовили отдельно. Каждому батраку за год

¹⁸ Полевые записи 1964 и 1966 гг. в кишлаке Янги-Рабат Гиждуванского района Бухарской области.

¹⁹ Полевые записи 1964, 1966 гг. в кишлаке Мирзаен Гиждуванского района Бухарской области.

работы амин должен был платить по 200 танга и в конце года выдавать полный новый комплект одежды. По сообщению информатора, землевладелец часто нарушал эти условия, пользуясь своим положением амина²⁰.

Несколько хозяйств нами изучено в одном из самых больших кишлаков Гиждуванского района — Гаждумаке. Все землевладельцы, имена которых нам удалось установить, были одновременно и торговцами. Умарбай имел 45 танапов земли, расположенной одним массивом (бир пайкал ер), и сад в четыре танапа. Много у него было и рабочего скота: две пары волов, две рабочие и две скаковые лошади. Из продуктивного скота — три коровы. Кроме того, бай занимался и скотоводством — у него было около 500 голов баранов. Для работы в этом довольно большом хозяйстве держали четырех работников (етим), которые обрабатывали землю, смотрели за садом, работали на байской усадьбе. В помощь им в страдную пору нанимали нескольких поденщиков. Всем этим ведал в основном сын бая, сам Умарбай больше был занят торговлей. Все батраки жили на скотном дворе, местом ночлега для них служил хлев. За год работы каждый етим получал по 300 танга²¹, один раз новую одежду (рубаха, штаны, сапоги), а также питание²².

Другой торговец из кишлака Гаждумак — Абдукаримбай — имел около 40 танапов удобной земли в различных кишлаках. Сам землевладелец жил в Гаждумаке, где имел большой двор и два танапа приусадебной земли. При усадьбе держал двух волов, лошадь с арбой, осла, корову. В кишлаке Найман (в трех километрах от Гаждумака) бай имел еще 8 танапов земли, расположенной четырьмя участками. Для работы на усадьбе и для обработки земли в Наймане бай держал одного батрака (етим). Зимой работник жил в усадьбе, с весны до осени перебирался в кишлак Найман для обработки земли. Кроме питания, етим получал от бая один полный костюм и 100 руб. в год²³.

Как рассказал информатор Р. Нигматуллаев, в 1898 г. условия работы были тяжелые. Бай кормил плохо. Обычным горячим блюдом была похлебка из дробленой джугары, заправленная кислым молоком (гужа). «Особенно было обид-

но, — говорит информатор, — когда семья бая ела плов, а работнику доставался только его запах» (дословный перевод). Если етим просил хлеба сверх того, что давал бай, ему отказывали. И одежду бай старался давать старую. Наш информатор вынужден был уйти из-за постоянного недоедания²⁴.

Опишем хозяйство Наслабая из кишлака Карши-Кузот. Он имел 32 танапа удобной земли, расположенной одним массивом. В своей большой усадьбе, которая находилась в этом же кишлаке, бай держал две пары волов, три лошади и две арбы. Много было у Наслабая мелкого скота. Имел он также маслобойку. Для работы в усадьбе и на поле он держал четырех годовых работников (етим). Батраки жили на скотном дворе (молхона). Внутри хлева было сделано глиняное возвышение (супа), на котором они спали и ели. Помимо платы деньгами и питания, каждый етим получал за год работы два комплекта одежды — один летний и один зимний²⁵.

Житель кишлака Убачили Кудратбай имел 50 танапов пахотной земли и сад в два танапа. Много у него было рабочего скота: четыре пары волов, две лошади с арбами и 15 ослов. Из продуктивного скота он имел 8 коров, до десяти теллят, много мелкого скота. Владел также шестью маслобойками. 25 танапов земли было отведено под хлопок. Несколько танапов засевали американским хлопчатником, остальные — семенами местного сорта. До пятнадцати танапов засевали пшеницей и льном. Остальная земля отводилась под люцерну и бахчевые. Для работы на земле и в усадьбе Кудратбай постоянно держал пять батраков (етим). Каждому батраку он должен был платить в год 220—250 танга, давать одежду и пищу. Жили етимы на мужской половине дома (в мехмонхоне). По сообщению информатора, в горячее время — весной и осенью — Кудратбай нанимал в помощь батракам 6 поденщиков²⁶.

Работников держали не только крупные землевладельцы, торговцы и чиновники различного ранга, но и владельцы небольших участков, иногда ремесленники.

Мелкий торговец из кишлака Дукуен Шарофбай имел более 8 танапов поливной земли. Для ее обработки он держал пару волов. Кроме того, у него было две коровы, около полутора десятка голов мелкого скота. Больше половины всей земли занимала пшеница, на двух танапах сажали гузу, столько

²⁰ Полевые записи 1964, 1966 гг. в кишлаке Мирзаен Гиждуванского района Бухарской области.

²¹ Сообщение относится к 1914—1915 гг. и по тому времени эта плата считалась высокой.

²² Полевые записи 1964, 1966 гг. в кишлаке Сармижон Гиждуванского района Бухарской области.

²³ Сообщение информатора относится к 1918—1919 гг. По словам информатора, на 100 руб. в то время можно было купить два пуда пшеницы и джугары.

²⁴ Полевые записи 1964 г. в кишлаке Гаждумак Гиждуванского района Бухарской области.

²⁵ Полевые записи 1964, 1966 гг. в кишлаке Гаждумак Гиждуванского района Бухарской области.

²⁶ Полевые записи 1964, 1966 гг. в кишлаке Убачили Гиждуванского района Бухарской области.

же занимал клеверник, остальное — бахчевые. Для работы на поле и в усадьбе Шарофбай держал одного работника (етим), в помощь которому весной и осенью нанимал поденщика. Батрак получал 200 танга в год. Ему полагались также одежда и питание (утром и в обед — чай, вечером — горячее)²⁷.

Встречались случаи, когда к использованию труда сроковых работников прибегали имевшие землю ремесленники, кустики, хотя в этой среде чаще имела место сдача земли в издольную аренду. Усто (мастер) Халик из Гиждувана имел 7 танапов земли и пару волов. Сам он занимался ремеслом. Землю обрабатывал годовой работник (етим), которому в страдную пору помогал сын Халика²⁸.

Эксплуататорами батраков были и те, которые обрабатывали свои земли чужим трудом вследствие отсутствия рабочих рук в семье, временного недуга и т. д. Жума-бобо из кишлака Хонсолар имел 10 танапов поливной земли, расположенной небольшими участками в восьми местах. Довольно много было и скота: пара волов, лошадь, осел и корова. Сам землевладелец был в годах, сыновей не имел и поэтому для работы на поле и ухода за скотом держал батрака (етим). По мере своих сил хозяин помогал етому в полевой работе. На земле сеяли пшеницу (6—7 танапов), бахчевые. Полтора танапа занимал клеверник.

Работник жил и питался у Жумы. За год работы получал 200 танга. Наш информатор Ш. Рустамов был етимом в этом хозяйстве в течение 14 лет. Увидев, что из работника получился хороший хозяин, Жума отдал за него свою дочь — вдову с двумя детьми²⁹.

Наряду с хозяйствами, которые существовали только трудом батраков, нами изучены в Бухаре и другие, ведшиеся смешанным способом, когда землевладельцы часть земли обрабатывали силой работников, а часть отдавали в издольную аренду. Например, Отамурад из кишлака Хаузак (Гиждуван) имел более 50 танапов поливной земли. Из рабочего скота у него была пара волов, лошадь с арбой, пять ослов. Для семьи бай держал двух дойных коров, владел также мельницей. Земля в основном обрабатывалась издольщиками (каранда). Около 40 танапов земли бай сдавал в обработку четырем издольщикам. На остальной земле и в усадьбе постоянно работали два годовых работника, в помощь которым в разгар полевых работ бай нанимал одного-двух поден-

щиков. На земле етимы сеяли пшеницу, джугару, разводили бахчевые. Три танапа занимал клеверник. Каждый етим получал задание на день. Например, в период пахоты один работник должен был вспахать не менее двух танапов земли. Етимы выполняли и всю работу в усадьбе, смотрели за скотом. Они жили здесь и питание получали от бая³⁰.

Об использовании годовых работников в качестве основной рабочей силы и на поле, и в усадьбе землевладельцев общали и другие наши информаторы.

Столь же широкое распространение, как в Бухаре, имело ведение хозяйства сроковыми работниками в бывшем Хивинском ханстве.

На распространение в Хорезме сроковых работников-батраков указывал один из лучших дореволюционных исследователей местного сельского хозяйства Ор. Шкапский. Он дал наиболее полную характеристику условий работы батраков: «Дехкан есть батрак, нанимаемый землевладельцем для полевых и других работ. Срок найма обыкновенно годичный, а плата заключается в выдаче дехкану полной одежды (халат, рубаха, штаны, сапоги и шапка), а также питания и деньгами 20—25 тиллей (т. е. от 26 руб. 10 коп. до 32 руб. 62 коп.)», он также сообщил, что батраку хозяин поручал не только ведение полевых, а «всякого рода работы»³¹. О том, что основными производителями сельскохозяйственной продукции в Хивинском ханстве в XIX в. были работники, а не издольщики, высказал мнение М. Ю. Юлдашев, который пришел к этому выводу на основе изученных им документов архива хивинских ханов. М. Ю. Юлдашев отмечает, что в Хивинском ханстве людей, работавших по найму, называли «дехканами», что «дехканин — это фактически батрак» и что «вознаграждением за его труд были питание, одежда, иногда мизерная плата деньгами»³².

Об использовании труда батраков писали и другие авторы. В частности А. Садыков отмечает, что батраки работали у крупных землевладельцев, условия найма были кабальные³³. А. Кошчанов говорит, что дехкане-батраки составляли «низшую социальную прослойку», что это были безземельные или малоземельные крестьяне, которые работали, жили и кормились у землевладельцев³⁴.

³⁰ Полевые записи 1964 г. в кишлаке Даштак Гиждуванского района Бухарской области.

³¹ Ор. Шкапский. Указ. соч., стр. 130, 192.

³² М. Ю. Юлдашев. Указ. соч., стр. 45; Он же. К истории крестьян Хивы XIX в., Ташкент, 1966, стр. 47.

³³ А. Садыков. Экономические последствия установления протектората царской России над Хивинским ханством, Канд. дисс., М., 1954, стр. 130, 131.

³⁴ А. Кошчанов. Указ. дисс., стр. 155, 256.

²⁷ Полевые записи 1966 г. в кишлаке Дукуен Гиждуванского района Бухарской области.

²⁸ Полевые записи 1966 г. в кишлаке Хонсолар Гиждуванского района Бухарской области.

²⁹ Полевые записи 1966 г. в кишлаке Хонсолар Гиждуванского района Бухарской области.

Наши материалы подтверждают мнение М. Ю. Юлдашева о том, что основными фигурами эксплуатируемой прослойки дехкан в Хорезме были не издольщики, а батраки. К такому выводу мы пришли в результате опроса более ста пожилых людей, живых свидетелей прошлого в Хивинском и Ургенчском районах Хорезмской области. Все информаторы утверждали, что в этих районах землевладельцы для обработки земли использовали в основном сроковых работников, которые назывались здесь термином «дехкан» («ер эгалари кунинча дехкон ишлатган»).

По сообщению многих информаторов, их отцы работали батраками в течение всей своей жизни. Например, отец информатора Оллабергенова Худайбергенова не имел своей земли и жилья и всю жизнь был батраком в различных хозяйствах³⁵.

В Хорезме многие наши информаторы начинали свою трудовую жизнь батраками в чужих хозяйствах. Такие малолетние (с 10-летнего возраста, а то и меньше) батраки обычно смотрели за скотом, помогали в усадьбе (нянчили детей, убирали), помогали на поле (на чигире, следили за волами). Довольно часты были случаи, когда подростки трудились без платы, работая за проценты с долга своих родителей.

Среди наших информаторов немало было таких, которые, всю свою жизнь проработав в хозяйстве какого-либо одного бая, не только ничего не приобретали, но даже оставались должниками. Например, Исмаил Бабаджанов, сейчас ему 96 лет. По сообщениям однокишлячников, он, рано оставшись сиротой, попал в дом ханского чиновника Абдулазизмайрама и всю жизнь проработал у него. Когда Исмаилу было около 40 лет, он попросил бая женить его на те деньги, которые причитались ему за работу. Землевладелец не только отказался женить батрака, но и выгнал его ни с чем и распространил слух, что работник оказался неблагодарным человеком. Обман и жестокое отношение человека, на которого он честно работал, оставили настолько глубокий след в его душе, что он не пожелал вспоминать подробности своей жизни у бая, сказав, что они ему очень неприятны³⁶.

В Хорезме, как и в Бухаре, батраков держали и ханские сановники, и землевладельцы, которые занимались только сельским хозяйством, и промышленники или торговцы, имевшие земли в кишлаках, иногда и небогатые крестьяне.

Землевладелец Кори из кишлака Искандер Чакка имел более 20 танапов земли, расположенной в двух местах. Для

обработки земли он держал две пары волов и имел двух лошадей с арбами. Кроме того, у него было много мелкого скота. Более половины всей земли занимали посеы гузы, на остальной площади сеялись пшеница и люцерна, а также разводились бахчевые. Кори держал трех работников. Дехкане работали на него, смотрели за скотом. Жили они в мехмонхоне, получали питание. В год каждый получал 6 тиллей и один полный костюм. Если работники выполняли казу, плату за это получали отдельно — 3 тиллей за весь срок работы на казу. По сообщению информаторов, почти все работники были должниками Кори, т. е. одежды, которую они получали, не хватало на год и нужно было еще покупать. Так же было и с питанием. И работники прикупали и то, и другое, беря деньги в долг у землевладельца³⁷.

Ханский советник Мамат-мерам (очевидно «махрам»), который жил в Хиве, имел в кишлаке Бадирхан 50 танапов земли, расположенной одним массивом и орошаемой четырьмя чигирями. Два танапа занимал сад. У него было три пары волов, несколько лошадей, две арбы, много мелкого скота. На его земле сеяли пшеницу, гузу, люцерну, джугару, бахчевые, овощи, хлопок. Землю обрабатывали годовые работники, которые привлекались баем и к работам на его усадьбе в Хиве.

В течение 10 лет всю эту землю обрабатывала семья Оташевых. В семье было пятеро мужчин рабочего возраста — отец и четверо сыновей. Семья жила на обрабатываемой земле, работники получали питание от бая. За год работы каждому дехканину бай давал 12 тиллей и один полный комплект одежды из пяти предметов (шапка, рубаха, штаны, халат и сапоги). По сообщению информатора, одежды и питания, которые предоставлял землевладелец, не хватало, и поэтому все полученные за работу деньги уходили на приобретение дополнительной одежды и на питание. Обработать большой участок в 50 танапов пяти батракам было трудно, а бай скупился на наем в страдную пору поденщиков, он нанимал их только на несколько дней. От тяжелой работы умер один из братьев, и после этого семья ушла в другой кишлак, где стала обрабатывать на издольных началах 30 танапов земли другого бая³⁸.

Другой ханский чиновник — хивинский судья (кази) Маширип также был собственником значительных земельных владений. Сам он с семьей жил в Хиве, а земли его были

³⁵ Полевые записи 1965 г. в кишлаке Шейх Мавлон Кият Хивинского района Хорезмской области.

³⁶ Полевые записи 1966 г. в кишлаке Шейх Мавлон Кият Хивинского района Хорезмской области.

³⁷ Полевые записи 1965, 1966 гг. в кишлаке Искандер Чакка Ургенчского района Хорезмской области.

³⁸ Полевые записи 1965 г. в кишлаке Урта-Яб Хивинского района Хорезмской области.

расположены в разных кишлаках. В кишлаке Сангар, находившемся рядом с городом, в его пользовании находилось 12 танапов земли, расположенных тремя участками. Земля была вакуфная, с нее платили ежегодно одному из медресе в Хиве натурой — определенное количество зерна. Земля орошалась тремя чигирями, два из них принадлежали кази, третьим владели сообща несколько соседей. На этой земле Машариپ держал пару волов, двух верблюдов, лошадь с арбой. На земле сеяли пшеницу, разводили бахчевые, до 3—4 танапов занимал клеверник.

Всю землю обрабатывали два работника, которые здесь жили. На казу с этой земли должны были посылать одного человека. Эта повинность также лежала на обрабатывавших землю работниках. Кроме того, они часто привлекались судьей для различной работы на его усадьбе, находившейся в Хиве³⁹.

Приведем описания хозяйств ургенчских баев, которые, владея земельными участками, в то же время являлись промышленниками и торговцами. Все они были владельцами кожевенных заводов.

Ургенчский бай Шукурулло имел кожевенный завод в Ургенче и 40 танапов земли в кишлаке Юкорибог. Здесь же было небольшое строение для жилья и содержания скота. Для обработки этой земли Шукурулло держал здесь две пары волов, трех лошадей с арбой, двух ослов. Землю обрабатывали батраки, которых было шестеро. Все они жили здесь и получали питание от землевладельца. За год работы каждый дехканин получал 8—10 тиллей и один комплект одежды⁴⁰.

Другой промышленник и землевладелец из Ургенча, Матниез, был хозяином двух заводов в Чимбае и Ургенче. В Шабазе имел магазин. Сам Матниез жил в Ургенче. Кроме кожев заводов и магазина, он имел много земли: около 30 танапов в Каракалпакии, столько же земли в Чимбае, около 20 танапов земли в кишлаке Чакка-Шоликор, расположенном недалеко от Ургенча. Землю в Каракалпакии и Чимбае сдавал на половинных началах в обработку издольщикам (ярымчи). Участок земли в 20 танапов, которая находилась в Чакка-Шоликоре, он обрабатывал трудом батраков (дехкан). Работников было трое. Так как земли было много, в страдную пору землевладелец нанимал им в помощь 1—2 поденщиков (гулликичи)⁴¹.

³⁹ Полевые записи 1965, 1966 гг. в кишлаке Сангар Хивинского района Хорезмской области.

⁴⁰ Полевые записи 1965, 1966 гг. в кишлаке Чакка-Шоликор Ургенчского района Хорезмской области.

⁴¹ Там же.

Ургенчский кожевник Сарибай, кроме кожзавода, имел 40 танапов земли, которую обрабатывали 6—8 батраков. Одним из них был наш информатор Н. Аллабергенов, который работал за проценты с 30 тиллей, занятых у Сарибая его отцом. По условию он должен был работать бесплатно до возвращения долга. Информатор проработал более 10 лет и только благодаря революции смог уйти от бая⁴². В Хорезме, как и в Бухаре, батраков эксплуатировали землевладельцы и помеще.

Один из наших информаторов, Каландар Худайбердыев, житель кишлака Искандер Чакка (Ургенч) около 10 лет был работником у своего дяди Машарипа — жителя Турткуля. У дяди было 7,5 танапа поливной земли, пара волов и лошадь с арбой. Каландар работал на поле, выполнял всю работу на усадьбе. Иногда ему помогал дядя. Каландар жил и питался у дяди, тот его одевал, но платы за работу не давал. Как говорит информатор: «Работал я, как дехканин, а расплачивался дядя со мной, как с племянником. Просить же мне было неудобно»⁴³.

Худояр из кишлака Искандер Чакка имел два участка земли: один в 5 танапов, второй — 1,5 танапа. У него была пара волов, две лошади с арбой. На земле разводили рис. Хозяин держал одного работника, который работал на поле и в усадьбе, смотрел за скотом, выполнял повинность по очистке оросительной системы (казу — 30—40 дней). Работник жил и питался у хозяина, получал в год 12 тиллей и один полный костюм⁴⁴.

Некоторые землевладельцы обрабатывали трудом батраков только часть своей земли. Другую часть они сдавали в аренду. В Хорезме в издольную аренду сдавались обычно дальние участки земли, в то время как на землях, находившихся поблизости от дома, держали работников. Это позволяло землевладельцам надзирать за своими работниками и в нужное время привлекать их для работы в усадьбе. Так, в хозяйстве крупного землевладельца Мухаммед Панахбая земли, находившиеся в отдаленном районе — Ильялы, обрабатывали издольщики, а участки, расположенные в окрестностях Хивы, где жил бай, обрабатывали батраки. Здесь у него земли было так много, что ее обработкой были заняты 83 батрака вместе с их семьями⁴⁵.

⁴² Полевые записи 1966 г. в кишлаке Уйрат Ургенчского района Хорезмской области.

⁴³ Полевые записи 1965, 1966 гг. в кишлаке Чакка-Шоликор Ургенчского района Хорезмской области.

⁴⁴ Полевые записи 1966 г. в кишлаке Искандер Чакка Ургенчского района Хорезмской области.

⁴⁵ Полевые записи 1964 и 1966 гг. в г. Хиве и Хивинском районе Хорезмской области.

Несколько иной характер институт батрачества приобрел в Ферганской долине. Там батраки составляли подсобную силу. Более всего это проявлялось в том, что они не были заняты в полеводстве — главным для них был уход за рабочим скотом и подсобное хозяйство.

Это отмечено в литературе по Фергане, где редко говорится об использовании труда батраков на поле. Так, В. П. Наливкин отмечал, что «наемный труд... почти совсем не практикуется, причем... наемный рабочий всегда годовой»⁴⁶. А. Шахназаров и В. И. Массальский писали, что срочные рабочие встречаются «изредка, как исключение»⁴⁷. Не противоречат этому и работы более позднего времени, в которых также отмечено, что батрачество не получило широкого распространения и лишены средств производства дехкане больше шли в дольщики, а наем годовых и срочных работников практиковался в незначительных размерах⁴⁸. Лишь А. Аминов отмечает, что «наемный труд имел... сравнительно большее распространение в Кокандском ханстве, чем в Бухаре и Хиве». Возможно автор имел в виду наемный труд в капиталистическом хозяйстве, которое появилось в конце XIX в. в Туркестане.

По нашим материалам батрачество в Ферганской долине также не имело широкого распространения. От наших информаторов, уроженцев Ферганской долины, мы мало получили сведений о привлечении батраков в полеводство. Основными производителями сельскохозяйственной продукции были издольщики.

Данные о такого рода хозяйствах в Ферганской долине содержатся в труде В. Юферева⁴⁹. М. М. Бушуевым упоминается хозяйство Мирзы Абдураимова (Наманган), имевшего 180 танапов земли, в обработке которой участвовали 10 годовых работников⁵⁰. А. Давыдовым описаны хозяйства, в которых батраки работали на поле. Так, мулла Нишан Нурмухамедов

⁴⁶ В. П. Наливкин. Очерки земледелия в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 28.

⁴⁷ А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 84; В. И. Массальский. Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 440.

⁴⁸ Н. Н. Александров. Земледелие в Сырдарьинской области. Отд. оттиски из журн. «Туркестанское сельское хозяйство», за 1916—1918 гг., стр. 232; К. В. Космачевский. Организация хлопководческих хозяйств на орошаемых землях Туркестана, М., 1922, стр. 33; П. И. Галузо. Туркестан—колония, М., 1929, стр. 22; А. М. Давыдов. Указ. соч., стр. 138; Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, стр. 28—29; Современный кишлак Средней Азии, вып. VI, Ташкент, 1926—1927, стр. 53; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч.

⁴⁹ В. Юферев. Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 14—48.

⁵⁰ Туркестанское сельское хозяйство, Ташкент, 1911, № 12, стр. 884.

из кишлака Катта-Кишлак имел 90 танапов земли. 25 танапов обрабатывал один годовой батрак, которому помогали нанимаемые в горячую пору 5—6 мардикеров⁵¹. У Тиллябая Абдурахманова 8 танапов земли обрабатывал один годовой батрак (карол)⁵². Но в основном батраки, по материалам этого автора, работали на усадьбе и следили за рабочим скотом.

В Ферганской долине нами записано два случая ведения хозяйства трудом батраков, т. е. использования их на полевых работах. Это хозяйство Турдибая из кишлака Майгир, у которого его собственную землю (30 танапов) обрабатывали четыре издольщика, выращивая рис и хлопок, а три годовых работника (карол) обрабатывали 24 танапа земли, взятой им в издольную аренду. На этой земле батраки выращивали в основном пшеницу и немного сажали хлопок⁵³. Второе — это хозяйство Муллобалтабая из кишлака Туячи (Избаскан)⁵⁴, у которого было 75 танапов земли. На земле бая работали 4—5 издольщиков, которые выращивали хлопок и лен. Участок в 15—20 танапов земли обрабатывали работники (карол) бая, на ней сеяли пшеницу. Таким образом, в обоих хозяйствах большая часть земли сдавалась в издольную обработку, меньшая, но тоже значительная, часть обрабатывалась работниками под непосредственным руководством хозяина. При этом издольщики выращивали трудоемкие, требующие постоянного надзора культуры, а работники выращивали культуры, которые были менее трудоемки: пшеница, например, шла в основном на питание и не имела товарного значения.

В Фергане батраки, как правило, использовались на различных подсобных работах в личном хозяйстве бая, а не на поле, которое обычно обрабатывали издольщики. Батраки смотрели за рабочим скотом, который бай держали у себя в усадьбе, предоставляя его издольщикам только в те дни, когда он требовался для полевых работ. Кроме того, батраки работали в саду, занимались перевозками грузов, выполняли различную домашнюю работу: кололи дрова, носили воду и т. д.

При знакомстве с биографиями наших информаторов, которые в основном происходили из бедных слоев дехканства, выяснилось, что большинство из них в раннем возрасте (12—14 лет) отдавалось в работники. В Фергане батраки, как

⁵¹ А. М. Давыдов. Указ. соч., стр. 9.

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ Полевые записи 1964, 1965 гг. в совхозе № 8 Избасканского района Андижанской области.

⁵⁴ Полевые записи 1964, 1965 гг. в кишлаке Туячи Избасканского района Андижанской области.

правило, были молодые неженатые люди. По достижении 17—18 лет, часто же после женитьбы батраки стремились стать издольщиками.

В Фергане почти всегда батраки нанимались на год, но часто, если хозяин не желал упустить хорошего работника, он всячески закабалял его, и батрак не мог покинуть такого хозяина годами. Жили батраки в хлеве или на мужской половине дома (мехмонхона), питание и одежду получали от хозяина. Помимо этого, в зависимости от возраста, работоспособности и опытности работника, они должны были получать заранее оговоренную плату (деньгами или натурой). За все это работник был обязан выполнять любую работу, данную хозяином. Естественно, что эксплуатация была не ограниченной во времени. Хозяева всячески стремились закабалить работников, и нередко, работая годами, батраки не только не получали никакой платы, а даже становились должниками. Одним из путей превращения молодого работника в неоплатного должника была женитьба его на средства бая. Так, около тридцати лет проработал бесплатно в хозяйстве Шодмонбая (Избаскан) Камилджон бува. В дом бая он попал в 16 лет (1897 г.). Когда ему было 24 года, бай женил его, и вплоть до смерти бая (1927 г.) Камилджон с женой работал на него⁵⁵.

Другим, также широко распространенным методом удержания хорошего работника в хозяйстве была невыплата годами работнику денежного вознаграждения. Последний, боясь потерять заработанное и надеясь когда-либо получить его, вынужден был продолжать работать.

По сообщениям отдельных авторов и наших информаторов, годовая плата батракам равнялась в среднем сумме от 40 до 60 руб. (4—6 тиллей)⁵⁶. Иногда плата была выше, иногда батрак ее вообще не получал. Наш информатор Д. Ахмедов сообщил, что в 15 лет он был отдан отцом сроком на год в работники Юсупали. По договору хозяин должен был платить 70 рублей в год. Такую высокую плату информатор объяснил тем, что в страдную пору отец мальчика помогал в хозяйстве бая⁵⁷.

По данным литературы и нашим материалам, в Ферганской долине, в отличие от исследованных нами районов ханств, батраки (годовые и сезонные), за редким исключе-

нием, не составляли основной рабочей силы в полеводстве, их главной задачей было обеспечить условия для производства, которое в этом районе Узбекистана находилось в руках издольщиков. По большей части в качестве батраков работали в юном возрасте — до 17—20 лет.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. использование труда срочных работников имело место во всех областях Узбекистана, представляя собой одну из распространенных форм эксплуатации крестьянства, «одно из звеньев всей системы угнетения» народа. Работники, в отличие от издольщиков, получали заранее оговоренную плату деньгами или натурой. Как правило, они жили у землевладельцев, получали одежду (кроме поденщиков) и питание.

Роль и значение срочных работников в разных районах были различны. В Бухарском и Хивинском ханствах основной формой эксплуатации дехканства являлся наем срочных (в основном годовых) работников, которые были главной силой в сельскохозяйственном производстве. В Бухаре и Хорезме трудом срочных работников обрабатывали свою землю не только крупные, но и мелкие хозяйства. Работниками были малолетние и взрослые люди, нередко семейные, которые в течение всей своей жизни работали батраками в различных хозяйствах.

В Ферганской же долине, в этом наиболее развитом в социально-экономическом отношении районе Узбекистана, срочные работники не являлись основной рабочей силой, а подготавливали условия производства для издольщиков. В Фергане работников держали в основном хозяева крупных землевладений. Их земля обрабатывалась, как правило, издольщиками, срочные же наймиты выполняли подсобную работу: смотрели за скотом, работали в усадьбе, в страдную пору должны были помогать издольщикам хозяина в поле. И работниками там были в большинстве молодые люди, которым не доверяли производство. После женитьбы они обычно становились издольщиками. Естественно, имели место случаи, когда в батраках ходили взрослые, нередко семейные люди в течение всей своей жизни. Обычно ими становились сироты, попавшие в дом бая в детстве, или бедные одинокие люди, представлявшие наиболее удобный объект для эксплуатации.

Как в районах ханств, так и в кишлаках Ферганы условия жизни и работы батраков были очень тяжелыми. Зачастую они выполняли не только полевую, но и всякую другую работу в хозяйстве землевладельца. Круг обязанностей работника не оговаривался, и он выполнял все, что ему велел хозяин. Часто батраки работали весь день, иногда даже ночью.

Институт срочных работников также являлся феодальным, характеризуясь чертой, свойственной общественным

⁵⁵ Полевые записи 1964 г. в совхозе № 8 Избасканского района Андижанской области.

⁵⁶ В. П. Наливкин. Указ соч., стр. 28; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 48; Н. Н. Ершов. Указ. соч., стр. 56; Сообщения наших информаторов.

⁵⁷ Полевые записи 1964 г. в кишлаке Туячи Избасканского района Андижанской области.

производственным отношениям при феодализме — личной зависимостью работника от землевладельца. В Узбекистане, где крестьяне в изучаемый период юридически не были закрепощены, они фактически находились в личной зависимости от землевладельцев. Для этого баи принимали различные меры: это предоставление средств при свадьбе, похоронах и т. п. экстренных случаях. Одним из способов превращения работника в неоплатного должника была женитьба его на средства бая или воспитание сироты в его доме. Другим способом удержания работника была невыплата годами причитающейся ему платы якобы до окончательного расчета и т. п.

Наряду с работниками, которые были заняты в хозяйствах чисто феодального типа, в конце XIX — начале XX в. появляются работники, по условиям найма и характеру работы близкие к сельскохозяйственным рабочим капиталистического типа. Таковыми являлись, во-первых, работники плантационных хозяйств. Во-вторых, к ним относились работники хозяйств, которые целиком были построены на труде поденщиков и помесячных работников, в отличие от набираемых в страдную пору для помощи издольщикам и батракам. Эти две последние категории представляли собой работников, которых «фермер нанимает... тогда, когда в них нуждается, и потому они..., в особенности зимой, остаются совсем без работы»⁵⁸.

Социальная природа батрачества, труд батраков в феодальном сельском хозяйстве еще недостаточно изучены. Значение же вопроса говорит о необходимости в дальнейшем разработки его с привлечением для исследования дополнительного широкого материала.

Х. Ташев

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО УЗБЕКОВ СРЕДНЕГО ЗАРАФШАНА

Долина Зарафшана благодаря своим природно-климатическим условиям издавна привлекала к себе внимание. На протяжении многих лет сюда переселялись и обосновывались представители многих народов и этнических групп. Поэтому сельское население Зарафшанской долины отличалось до революции пестротой и разнообразием своего состава.

На левобережье по среднему течению Зарафшана в конце XIX — начале XX в. проживали узбеки, таджики, арабы, казахи, иранцы, а позже и русские. Однако основную часть сельского населения составляли узбеки. Они делились на оседлых и полuosедлых. Оседлые узбеки в основном занимали орошаемые земли и частично жили в предгорьях, занимаясь главным образом земледелием. Полuosедлые узбеки селились на территориях степного характера и занимались преимущественно животноводством и в меньшей степени — богарным земледелием. Особенностью хозяйственной деятельности узбеков — найман, сарой и хитой являлось сочетание животноводства с неполивным и поливным земледелием.

Изучение традиционного быта в прошлом кочевых, полукочевых скотоводческих народностей Узбекистана началось еще до революции¹. Однако до сих пор не было всесторонне исследовано традиционное хозяйство узбеков долины Зарафшана.

¹ Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе, СПб., 1874; Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, СПб., 1889; Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843; А. Д. Гребенкин. Узбеки, сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872; А. П. Хорошин. Бухарское ханство, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 289—330; В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, «Записки РГО», т. VI, СПб., 1880, стр. 58—81; Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 483.

Полуоседлое население обширной территории, охватывающей горную и степную зоны средней части Зарафшана, во второй половине XIX в. в основном перешло к оседлости. Но отдельные группы, населяющие склоны гор Кара-тепа, степные просторы, Джаму и Уртачуль, узбеки найман из селений Кушкудук, Шуркудук, Каттафуруш, Иммат, Лафак, Кличили, Галасуфи, Амандарвиш, Галли, Кар, Хонуй, Бахрин, Кечкельдык, Хайрашайх, узбеки сарой из селений Гирды-Курган, Амандара, Тартувлы, узбеки хитой из селений Джаркудук и другие, продолжали вести полуоседлый образ жизни и основным занятием у них было скотоводство. В своих хозяйствах они разводили главным образом овец, лошадей, верблюдов, а также держали крупный рогатый скот.

Скотоводством занималось не только полуоседлое, но и оседлое земледельческое население. Дехкане использовали скот на пахоте, при обмолоте зерна, для извлечения воды из рек и колодцев и на других подсобных работах. Скот использовали для своих целей также торговцы и кустари.

Сельское население заботилось о повышении продуктивности скота, старалось извлечь возможно большие выгоды из его разведения. Но достигалось это с большим трудом. В Каттакурганском уезде, например, в 1888 г. насчитывалось 158 500 голов скота², в 1889 г. — 158 550³, в 1891 г. — 164 650 голов скота⁴. Из приведенных данных видно, что в 1888—1889 гг. рост общего поголовья скота был очень невысоким.

В 1920 г. по сравнению с 1887 г. общее поголовье скота в Каттакурганском уезде сократилось на 46%, в том числе овец — на 83,2, лошадей — на 43, верблюдов — на 73 и крупного рогатого скота — на 59%. Упадок скотоводства в первые годы Советской власти явился результатом гражданской войны, разорившей сельское хозяйство края.

До революции скотоводы левобережья Зарафшана, несмотря на все усилия, не могли добиться заметных успехов в развитии скотоводства. Экстенсивное ведение хозяйства не способствовало умножению поголовья скота и улучшению его породности, поэтому скотоводство в долине Зарафшана находилось на более низком уровне, чем на остальной территории Средней Азии.

В 1911 г. в волостях Пайшанбе, Джуйшагир, Ярбаши, Чимбай, Дамарык, Калькурган, Джам, Ангор, Давул, Чашмаоб 24 925 хозяйств имели 21 008 голов крупного рогатого скота и 93 880 овец. Таким образом, в среднем на одно хо-

² Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг., Самарканд, 1890.

³ Обзор Самаркандской области за 1888 г., Самарканд, 1893, стр. 19.

⁴ Обзор Самаркандской области за 1889 г., стр. 10.

зяйство приходилось 0,85 — менее одной — головы крупного рогатого скота и 3,77 овцы⁵.

В данной работе мы не имеем возможности дать подробную характеристику каждой отрасли животноводства, поэтому остановимся на овцеводстве, как на самом традиционном занятии населения обследованных нами областей.

В сравнении с оседлым земледельческим населением полуоседлые скотоводы владели значительно большим количеством скота. Так, в 1911 г. в Чимбайской волости в среднем на каждое хозяйство приходилось 24,8, в Джамской — 19, Чашмаобской — 13,3 овцы, в то время как в других волостях, где население занималось земледелием, среднее количество овец на хозяйство снижалось до 2,46. Но наряду с этим оседлое и полуоседлое население Зарафшанского оазиса занималось также разведением овец местной породы «жайдари». Эта порода, приспособленная к жаркому климату степей и полупустынь, на протяжении многих лет непрерывно улучшалась, что обеспечивало ей широкое распространение в хозяйствах скотоводов. Но шерсть ее груба, поэтому «жайдари» разводились ради мяса и сала.

Жители долины имели большой опыт и в разведении каракульских овец. Часть изучаемой территории до революции находилась под властью Бухарского ханства, где учет поголовья скота не производился. Поэтому мы не располагаем сведениями о его наличии в Зияутдинском и Керменинском бекствах.

Статистические данные о Каттакурганском уезде относятся к концу XIX в. Согласно этим данным, поголовье каракульских овец в уезде составляло: в 1887 г. — 2000⁶, в 1888 г. — 500⁷, в 1891 г. — 2000⁸, в 1892 г. — 2500 голов⁹. К 1911 г. их число возросло до 10 070 голов¹⁰.

До второй половины XIX в. каракульские овцы разводились главным образом в пределах Бухарского эмирата и лишь позже на территории, находившейся под властью русского генерал-губернатора. Разведение высокопродуктивных породистых каракульских овец получило особенно широкое распространение в средней части степной полосы — Уртачуле. Каракульская овца давала смушку, шерсть, мясо, молоко. Часть настриженной шерсти употреблялась в хозяйстве для собственных нужд, остальное продавалось.

⁵ Материалы для характеристики народного хозяйства в Туркестане, ч. II, СПб., 1911, стр. 79.

⁶ Обзор Самаркандской области за 1887 г., стр. 5.

⁷ Обзор Самаркандской области за 1888 г., стр. 8.

⁸ Обзор Самаркандской области за 1891 г., стр. 10—11.

⁹ Обзор Самаркандской области за 1892 г., стр. 25.

¹⁰ Материалы, характеризующие народное хозяйство в Туркестане, 1911, СПб., стр. 38—39.

Во второй половине XIX в. овцеводство стало чуть ли не единственным направлением в скотоводстве. Оно привлекало к себе внимание предпринимателей, которые всеми мерами старались поддерживать поголовье овец на максимальном уровне, т. к. это обеспечивало им высокие прибыли. И действительно, прибыли скотопромышленников исчислялись большими суммами. Так, например, в 1879 г. в одном только Ургуте от овцеводства было получено 8000 руб. прибыли, что составляет в среднем 300 руб. на одного крупного владельца овец¹¹. В горах и предгорьях овцеводство приносило хозяевам еще более высокие доходы.

Скотопромышленники имели своих компаньонов среди скотоводов, которые выступали в роли перекупщиков. Например, в конце XIX — начале XX в. перепродажей скота занимались в селении Худжум (Уртачуль) найманы из рода агран Хушвакткарван и Ташкулькарван, в селении Тарыкпая найман из рода джагалбайлы Баркабай, в селении Актунлы — Даниярбай, Тангатарбай и другие зажиточные люди¹². Они скупали от 300 до 1000 и более овец на рынках в Гузаре, Карши и даже на рынках Северного Афганистана, откармливали их в течение определенного времени, а затем продавали на базарах Каттакургана, Бухары и других городов.

С завершением окота к владельцам овец за каракульскими смушками приезжали перекупщики, продававшие их на экспорт. Купленные у скотоводов каракульские смушки отдавались на выделку мастеру. Он выравнивал на шкурках морщинки и сушил их в тени, положив изнанкой вверх. Потом с помощью работников переносил смушки к берегу ближайшего озера, отмачивал и мыл их в течение двух часов. Затем они высушивались. Готовые смушки складывались парами и укладывались партиями в 1000—2000 штук в большие глиняные кувшины (хумы), посыпались ячменной мукой и небольшим количеством соли. В хум заливалась вода. Для одной партии смушек требовалось 8 ведер воды, 3 пуда ячменной муки и 2 фунта поваренной соли. Выделанные таким способом смушки промывались в проточной воде и сушились на сухом песке опять изнанкой вверх.

Эта работа в Бухаре производилась в мае—июле в течение 15 дней. Кроме расходов на ячменную муку и соль, перекупщики смушек платили мастеру по 18 руб. за сотню выделанных смушек.

Готовые смушки торговец хранил в специально предназначенном для таких целей караван-сараяе и приглашал к себе

¹¹ Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане в 1874—1889 гг. СПб., 1889, стр. 86.

¹² Полевые записи, 1963, 1964 гг.

комиссионера (посредника). Он сортировал смушки и готовил их к отправке по 10 штук в связке. В Бухаре смушки продавались по 30—48 руб. Сизые смушки были дешевле — 18—30 руб. связка. Только в Россию за год отправлялось 500 тыс. смушек.

Не всегда погодные условия благоприятствовали скотоводам. В долине Зарафшана для овцеводства особо тяжелыми были 1877, 1893, 1917, 1918, 1922 гг.¹³ Особенно катастрофическим был 1892 г. В этом году большой урон скотоводству нанес массовый падеж овец. Толстый снежный покров в течение 60 дней не давал возможности выпастить овец на естественных угодьях. Не оставалось ни одного пастбища, свободного от снега. В том суровом году для овец можно было найти подножный корм лишь на отдельных участках вокруг Каттакургана и Джумы. И только мелкие скотоводы пасли своих овец вблизи селений, отыскивая для этого пригодные клочки лугов. В Карнабе и окрестных селениях погибло 67% всего поголовья овец¹⁴. Причиной гибели скота явилась нехватка кормов. Даже в условиях обычной для этих мест зимы, когда запасались в достатке корма, скотина сильно теряла в весе, а весной, жадно поедая зеленую траву, болела и гибла в большом количестве.

В прошлом полуоседлые найман, сарой и хитой, а также живущие вокруг них представители других узбекских племен, занимавшиеся скотоводством с давних времен, приобретали в этой области огромный опыт. Традиции и обычаи, связанные с овцеводством, переходили от отцов и дедов к детям. Знания и опыт, приобретенные предыдущими поколениями, проверялись жизненной практикой, закреплялись и совершенствовались потомками.

Прежде чем описывать производственный быт скотоводов из узбекских племен найман, сарой и хитой, необходимо коснуться наименований, принятых у скотоводов для обозначения той или иной группы овец.

У узбеков найман ягнята до годовалого возраста назывались «кузы», на втором году — «туклы», на третьем самки — «тусох», а самцы — «шишак», на четвертом — «навчари», на пятом — «пяндж», на шестом — «манг» и на седьмом — «чанг»¹⁵.

¹³ Т. В. Арасимович. Очерки экономики каракулеводства в УзССР, Ташкент, 1928, стр. 8.

¹⁴ Там же, стр. 8—9.

¹⁵ У представителей племени сарой: до годовалого возраста — «туклы», между годом и двумя самки — «тусох», самцы — «шишак», от 3 до 4 лет — «гори», 5-летние — «пяндж», 6-летние — «монг», 7-летние — «шанг». У локайцев 3—5-летние овцы именовались «чори», у карлуков — до годовалого возраста «тухлы», 2-летние — «шишак», от 3 до 4 лет «чори». (Б. А. Кар-

«Навчари» — овцы четырехлетнего возраста — считались достигшими поры зрелости. На седьмом году жизни овца становилась и предназначалась на убой — «чанг» (пыль) — в этом возрасте от овцы пыль летит.

Овца, ягненка которой прирезали, чтобы снять с него смушку, именовалась «марри». Если ягненок оставляли на приплод, овцу называли «кузила куй» (овца с ягненком), здоровых овец, способных давать потомство, называли «совлук», болезненных и часто болеющих — «кирры».

В племенах найман, сарой, хитой и других, населяющих окрестные территории, поголовье овец делилось на отары — «сурыки». Количество овец в сурыке было 600—800 голов, а в отдельных случаях более 1000 голов. В каждом сурыке предводительствуют козлы, именуемые «сарка».

В зависимости от размера сурыка за овцами присматривало трое — пятеро чабанов. Чабаны-скотоводы каждое время года пасли овец в разных местах, на разных пастбищах. Узбеки найман из селений Аймахол, Узимли и Бештал, расположенных в Зирабулакских горах и на горных склонах, весной содержали овец на пастбищах Яккатут, Сарыташ, Эгриджар, летом перегоняли их в другие места — Нисбали, Хазармас, Кирсай, осенью — на пастбища Гульшан, Хаккар, Ходжарды, зимой — на Актумшук, Кызыл газа и Игизак¹⁶.

Чабаны из селений Кальта, Чуккиташ, Саври агач, Пулитчи, Учтут, Актунлы, Тарыкпоя весной держали пастбища Эгриджар, Чанбил и Джартепа, летом — Узункудук, Зартепа, Турткутан, осенью — пастбища Уртачуля, зимой же перегоняли скот на пастбища близ горы Тим.

Узбеки-сарой, населявшие селения Гирдыкурган, Туль, Тарамуш, Каль, Джилман, Айриташ, весной использовали пастбища Бешбулак, летом — пастбища Джамской степи, а осенью и зимой пасли стада на пастбищах первое и второе Талли и на склонах Каратепинских гор¹⁷. Скотоводы селений Амандарвиш, Хонуй, Галли и Сепки весной и летом держали овец на пастбищах Уртачуля, осенью и зимой пасли их на склонах гор Абдуллахан и Карача.

Бедные скотоводы использовали для выпаса своих малочисленных стад пастбища, расположенные вблизи селений, богатые же угоняли овец на дальние луга. Каждое селение

мышев а. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 104; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 71). У карлуков овца, ягненок которой прирезан для смушки, называется «марри», овца с ягненком, оставленным на приплод, — «кузила куй», овцы, содержащиеся для получения приплода, — «сувой» или «совлук», болезненные овцы — «кирры» (К. Шаниязов. Там же, стр. 71).

¹⁶ Полевые записи, май 1965 г.

¹⁷ Полевые записи, 1965 г.

имело свои пастбищные угодья, где создавались необходимые условия для пастбы и содержания скота. В местах выпаса строились загоны (кутаны), значение которых в скотоводстве было исключительно велико. Кутаны в зимнее время были основными местами пребывания овец, куда их пригоняли вечером с пастбища. В ясные дни стада паслись, но когда начинались бури и метели, они содержались только в загонах.

В конце XIX — начале XX в. скотоводы узбеки найман, сарой и другие, населявшие эту землю, широко использовали открытые загоны, полуоткрытые типы загонов встречались редко. Открытые загоны обычно не имеют крыш. Площадь загона зависит от количества овец в сурыке. Если он предназначался для 500 овец, длина его ограждения по периметру равнялась 55 м, высота — 1,5 м. Для возведения оград использовался дерн, иногда ограды строились из глины или складывались из камня, для той же цели применялись колючие растения, янтак и ветви саксаула.

Для загона выбирались возвышения, откуда беспрепятственно стекала дождевая вода в случае непогоды. В условиях Карнабской степи загоны строились в местах, защищенных от свирепых в здешних местах ветров и холодов. Обязательной была близость загонов к колодцам и другим источникам воды.

Иногда вблизи загона строилось специальное для чабанов глинобитное жилище или же устанавливалась войлочная юрта, а иногда сооружался шалаш, где чабан мог укрыться от непогоды и отдохнуть. В особой землянке (ертула) хранились продовольственные запасы.

Для кормления овец неподалеку от загона имелись кормушки (охур), изготовленные в форме желобов из дерна или глины. Кормушки устанавливались таким образом, чтобы овцы могли спокойно поедать корм при любой непогоде и корм не разносило ветром по сторонам.

В отдельных случаях кормушки сооружались внутри загона. В этом случае загон делился специальным забором надвое. На более обширной его части содержались здоровые овцы, на меньшей — больные и слабые животные, требующие за собой особого ухода. Такие загоны строили люди, занятые уходом за отарой, и только для выполнения тяжелых строительных работ нанимались работники со стороны.

Для того чтобы сберечь овец во время холодов, чабаны устилали землю в загонах слоем старого овечьего помета. Богатые скотоводы строили вблизи загонов хранилища и держали в них некоторые запасы кормов — хлопковые семена и ячмень. Летом у загонов наметывались стога сена, создавались запасы грубых кормов.

Необходимым условием для разведения скота на обширных степных просторах было наличие воды. Через степные и полупустынные пастбища реки не протекали, вода добывалась из колодцев, роль которых в этих местах была исключительно велика. Колодцы были разной глубины — от 3—5 до 30—35 м. У колодца для водопоя сооружались желоба (нова) и небольшие бассейны-сборники, куда наливалась извлеченная из глубины вода. Отсюда она и поступала в желоба.

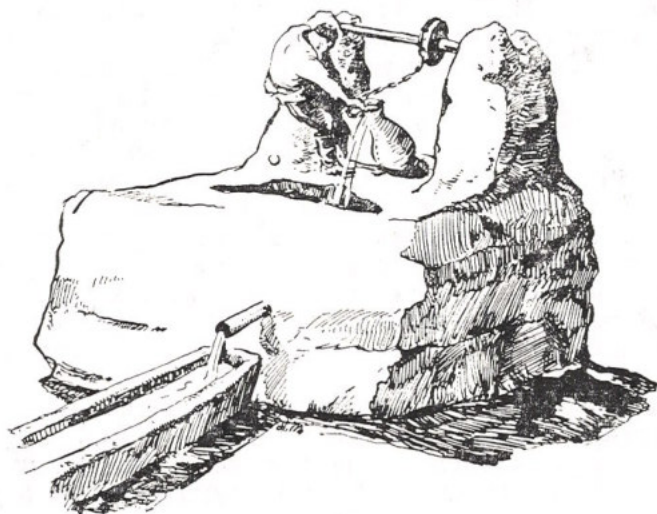

Рис. 1. Кудук (к. Худжум). Вид спереди.

В Карнабе и окрестной местности постоянно ощущался недостаток воды, и для того чтобы избежать потерь от фильтрации, дно, стенки бассейна и даже желоба плотно выстилались булыжником.

Воды, извлекаемой из колодца за день, хватало, чтобы напоить от 500 до 1500 голов овец. Колодцы эксплуатировались в течение 30—40 лет.

Для извлечения воды из глубины сооружалось особое колесо — чигирь, устанавливаемое на основании из дерна или бревна (мула). Насаженный на деревянную ось чигирь имел желобчатый обод, на который накидывалась прочная шерстяная веревка. К одному ее концу привязывалась бадья (кавга), сделанная из бычьей кожи, другой конец оставался свободным. С помощью всех этих приспособлений и извлекалась из колодца вода. Скотоводы бедняки изготавливали бадью из козьей или овечьей шерсти.

Качество воды в колодцах было неодинаковым. В одной части колодцев вода была солоноватой или даже соленой, а в другой — пресной.

При значительной глубине колодца один человек оказывался не в состоянии обеспечить водой все поголовье овец и тогда на этой работе использовался рабочий скот — ослы, лошади, верблюды.

Чем глубже колодец, тем меньшее количество воды можно извлечь из него за день. Это требовало от чабанов особой заботы о создании ее запасов заблаговременно. В необходимых случаях для этого выделялся особый работник — обкаш. Чтобы обеспечить водой всех овец, ему приходилось большую часть времени проводить у колодца. При чрезмерной его глубине человек и используемое животное трудились с предельным напряжением сил. После погружения ковша в воду впряженное животное, чтобы извлечь его на поверхность, проходило по земле расстояние, равное глубине колодца. Для повторного погружения животное проделывало тот же путь в обратном направлении. И так шла работа в течение многих часов.

Воду из кавги в бассейн-сборник сливал по канавке обкаш, о котором уже упоминалось выше. Ко времени прихода овец он набирал необходимое количество воды. Резервуар, в котором накапливалась вода для овец, имел отверстие, которое открывали с приходом отары, и вода через него выпускалась в поильную канавку. Пропускное отверстие имело свое наименование. Узбеки из племен найман и сарой называли его «кумыр куз» — угольный глазок.

Для отары в 500 овец в летний период требовалось 500 ведер воды. Кавга вмещала в среднем 5 ведер. Таким образом, ежедневно надо было извлечь из колодца по меньшей мере 100 бадей воды. При глубине колодца в 20 м на это требовалось 5 часов работы с использованием верблюда, после чего животное утомлялось и не могло больше работать. Надо сказать, что животное, занятое на работе по извлечению воды из колодца, преждевременно изнашивалось и выходило из строя раньше, чем на других работах. И даже при таких нелегких условиях скотоводы поили свои стада по достаточным нормам и считали их обеспеченными водой.

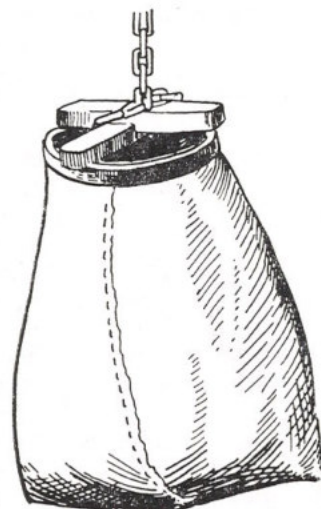

Рис. 2. Кавга.

Узбеки-животноводы оказывали постоянную заботу об умножении стада и повышении продуктивности скота. Для этого они использовали богатый опыт предшествующих поколений и по мере возможности совершенствовали его. Опираясь на вековой опыт, скотоводы разработали свои методы ухода, кормления и пастбы овец для всех четырех времен года.

Весна была важнейшим периодом в трудовой жизни скотоводов-чабанов. В это время года их заботы приумножались: надо было выходить после суровой зимы животных, получить от них приплод, сохранить его. Весной решалась судьба дальнейшего роста поголовья.

Скот содержался на весенних пастбищах, о которых упоминалось выше. Окот скота приходился на конец февраля — начало марта. Перед его началом чабаны отводили специальные места для суягных овец, тщательно подготавливались к приему ягнят. В это время чабаны следили за тем, чтобы овцы не ложились на снег или мерзлую землю, поили их теплой водой, предохраняли от простуды, считавшейся очень опасной для животных. Следили за тем, чтобы овцы в это время не были испуганы чем-нибудь.

Животные в период окота требуют особого ухода и заботы. Чабаны из собственного опыта знали, что не будь приняты меры предосторожности, можно потерять часть приплода. Суягные овцы переводились на усиленный рацион питания. В тех случаях, когда зимние пастбища были скудными и появление новой растительности запаздывало, чабаны изыскивали для овец дополнительные корма.

Попробовав свежую траву, овцы начинали жадно поедать ее, до сухой больше не дотрагивались, а поглощая одну зелень, они начинали худеть. Это могло привести к болезни животных. Мерой против этого служили ночные выпасы. От ночной сырости сухая трава размягчается и овцы поедают ее попеременно со свежей растительностью. От сухой созревшей травы, овцы прибавляют в весе, не болеют.

Полезные традиции прошлого продолжают и в наши дни. Юсуп Шаймарданов (совхоз «Карнаб») работал чабаном 16 лет. Основываясь на приобретенном опыте, он считает, что не надо позволять суягным овцам долго лежать, это мешает нормальному развитию плода. Надо почаще поднимать их, заставлять двигаться¹⁸. Чабан из Каттакурганского района Умбар Рузиев, говорит, что недопустимо переводить овец сразу, в один день, на весенний корм, если они до этого были на сухом корме. Наевшись свежей травы после долгого

перерыва, животные опасно заболевают поносом¹⁹. Перекорм зеленой травой таит в себе большую опасность для каракульских овец. У суягных овцематок, поевших излишне много, ягненок уже в утробе начинает обрастать длинной шерстью. Смушка, снятая с такого ягненка, не ценится.

Рузы-бобо из кишлака Куш-кудук еще до революции был чабаном в течение 40 лет. Ранней весной, когда овец подстерегают различные заболевания, он дает им сначала сухой

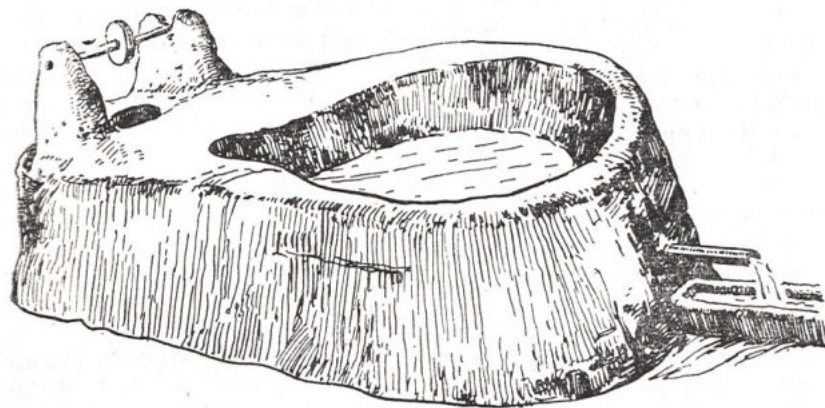

Рис. 3. Кудук (совхоз «Карнаб» Самаркандской области).

корм и после этого выводит на 2—3 часа на пастбище. Пригнав овец обратно в загон, опытный чабан снова задает им сухой корм и зерно.

Часть скотоводов, которая выпасала своих овец в степи и на горных склонах, место для скота приготавливала вблизи от загона. В непогоду овцы тотчас пригонялись в укрытие.

До революции скотоводы, следуя давнему опыту, проводили окот овец в самых примитивных условиях. Они укрывали суягных овец в укромных местах, меж холмов, среди скал, в ложбинах на склонах гор, в других защищенных самой природой местах и здесь принимали ягнят.

В иные годы окот наступал рано, когда еще не миновали холода и продолжали выпадать осадки в виде снега и дождя. В этих условиях для ягнят сооружали землянки или содержали их в специально вырытых углублениях, прикрытых сверху сухой травой. Отдельные скотоводы на время окота пригоняли овец поближе к селению и строили для них временные загоны (тул кутан).

¹⁸ Полевые записи, 25 мая 1964 г.

¹⁹ Полевые записи, 15 июня 1965 г.

Суягных овец пасли днем. Узбеки найман, хитой и сарой никогда не пасли их по ночам, так как объегнившаяся овца могла в потемках потерять ягненка. Поили овец раз в день.

В больших отарах, принадлежавших крупным скотоводам, за сутки ягнилось до 100 и более овцематок. Ягнят скотоводы оставляли для приплода. Баранчиков же оставляли лишь в известном количестве, необходимом для воспроизводства поголовья. Большинство их забивалось для того, чтобы добыть каракульские смушки.

На время окота в помощь чабанам нанимались дополнительные работники по 3—4 человека на отару. В хозяйствах среднего достатка со всеми делами управлялись члены семей сами. Период окота полон хлопот. Нужно позаботиться о каждом ягненке, приучить его к матери, распределить полученный приплод по группам.

Объегнившиеся овцы в течение 5—10 дней, а при плохой погоде и в течение более продолжительного времени, выпасались на близлежащих от овчарен пастбищах. Ягнята растут быстро. Уже через несколько дней ягненок находит среди овец свою мать и начинает пастись в отаре. По мере того, как взрослеют ягнята, расширяется территория их выпаса. Но все же, начиная с весны, пастбища распределялись таким образом, чтобы овцематки с ягнятами паслись поближе к колодцу. Для остальных овец отводились пастбища подальше.

Пасущиеся овцы обычно разбредаются и пасти их трудно. Поэтому чабаны при пастьбе на холмистых пастбищах выстраивали овец в одну линию. При таком построении отары ряды животных вытягивались в продольном по ходу движения направлении, а не поперек.

Чабаны перегоняли отару медленно, но остановок не делали. И не удалялись далеко от колодца. Пройдя от него на 1,5—2 км, чабан, после небольшого отдыха, гнал отару в обратном направлении. Таким образом, животные, которые паслись позади стада, оказывались теперь впереди. Дойдя до места, откуда начали пастись овцы, чабан гнал их в другом направлении.

В жару чабан часто менял место отдыха стада. Это позволяло лучше использовать пастбища и создавало условия для хорошего роста трав. Запас кормов на пастбищах возрастал.

Весной овец делили на две группы: одна из них составлялась из овцематок с ягнятами, в другую включались овцы без потомства. Овцематки с ягнятами, уже находящими свою мать, утром выводились на пастбища и паслись там до полудня. В полдень их вели на водопой. В это время чабан приучал ягнят самостоятельно пить воду. Для них выкапывались специальные ямки, так как ягнята не могли дотянуться до

поильной канавки. Ямки эти именовались «парчаб» и делались прямо в земле.

С водопоя после полудня овец снова пасли. Но в это время животные были предоставлены самим себе — одни из них щипали траву, другие отдыхали. Перед закатом ягнят соединяли с овцематками — каждого со своей матерью. Только после этого отара приводилась к месту отдыха, который устраивался поближе к кутану, чтобы уберечь ягнят от лис, шакалов и других хищников. Оставлять на ночь ягнят на пастбище было нельзя, они могли заснуть и потеряться.

Овцы без потомства выводились на пастбище рано утром. У узбеков найман, хитой и сарой овцы без потомства делились на три группы. В первую из них входили животные, предназначенные для забоя ради мяса или шкуры. Их называли «мазы» (мазы куй). Вторую группу составляли суягные овцематки (бугоз куй), срок окота которых был еще далеко впереди. В третьей группе находились яловые овцы, оставшиеся бесплодными (киср куй или буйдок куй).

Скотоводы начинали давать овцам соль (специальную, каршинскую) в начале весны, когда появлялась трава. Зимой соль из рациона исключалась. Чабаны считали, что овцы, не получая весной в достаточном количестве солей, не набирали веса в желаемой степени, не жирели. Они находили полезной для овец и траву, произраставшую на соленой почве, поэтому овец пасли не в одних и тех же местах, а перегоняли на засоленные участки пастбищ.

Овцы, у которых ягнята были забиты на смушки, и яловые овцематки паслись с утра без привода в загон, в середине дня животных поили и снова гнали на пастбища, где они паслись вволю. В мае заканчивалась первая стрижка овец. Отары с той поры начинали угонять на дальние летние пастбища.

Летняя пастьба у скотоводов длилась с конца мая до начала августа. В летний период овцы паслись с раннего утра до полудня, т. е. до наступления жары, затем их вели на водопой. После водопоя овцы вновь паслись до того, как солнце окажется в зените. Этот период выпаса именовался «гарм»²⁰. После второго водопоя животные отдыхали до 4 часов дня. И затем уже начиналось время длительной пастьбы — до утра.

Лето было очень ответственным периодом в работе скотоводов. Палящие лучи солнца изнуряли не только неокрепших ягнят, но и взрослых овец. И чабаны старались увести отары в места более прохладные и затененные, используя для этого

²⁰ Гарм—пастьба овец в самую жаркую пору, когда дуют горячие ветры («гармсилъ»). Пастьба в это время проводится и теперь, в наши дни.

каждую неровность рельефа. В самый зной овцы отгонялись на обдуваемые ветром склоны, в чащи кустарников или рощи.

Опытные чабаны пасли отары так, чтобы пастбища использовались наиболее разумно, чтобы трава не вытаптывалась скотом.

Летняя жара и дующие временами горячие ветры — суховей, создавали для чабанов трудные условия для работы, но с другой стороны эти ветры считались полезными. Чабаны верили, что они способствуют дезинфекции почвы и трав и предохраняют животных от болезней — различных эпизоотий. В этих целях чабаны для отдыха овец выбирали места, хорошо обдуваемые струями воздуха.

При устройстве загонов для отдельных отар чабаны учитывали направление ветров и соответственно выбирали место для отдыха животных. Место это противостояло ветрам.

Утром чабан гнал отару по ветру, а в полдень, ведя овец на отдых, шел навстречу ветру. При сильном ветре чабан направлял овец не прямо против воздушных струй, а так, чтобы они дули сбоку. Строго следили чабаны и за тем, чтобы солнце не светило животным в глаза. Только при этом условии они паслись спокойно.

Загон для овец делился надвое. Средняя часть его отводилась для отдыха животных, пригнанных с ночной пастбы. В конце загона было оборудовано еще одно место, используемое в другое время суток.

В летний период овцы паслись вблизи от колодца. Ночью же их угоняли на дальние пастбища. Хорошо откармливая овец, чабаны готовили их к случке.

В начале сентября чабаны начинали оставлять летние пастбища, переходя на осенние. Осенью овец поили раз в сутки. Режим пастбы в это время был следующим. Овец начинали пастить на заре и около полудня вели на водопой. Потом следовал отдых до середины дня, и отара пригонялась с пастбища уже поздно вечером. С полуночи до зари овцы снова были на отдыхе. Такой режим соблюдался вплоть до начала зимовки скота.

Режим водопоя определялся в зависимости от состояния пастбищ, характера растительности, условий погоды и качества воды. Опытный глаз чабана безошибочно устанавливал, каким должен быть оптимальный водный режим для овец. В зависимости от продуктивности пастбищ применялись и различные методы содержания овец на подножном корму.

На участках со сравнительно бедной растительностью овцы рассеивались на широком пространстве и часто перегонялись с места на место. На густых травах отара подольше паслась на одном месте. Чтобы овцы поедали траву лучше, их пригоняли на одно и то же место повторно по несколько раз.

Осенью одной из важных работ была стрижка шерсти, которая проводилась на пастбищах в удобных для этого местах или вблизи от селений. Для стрижки овец использовались ножницы — киллык или кайчи. Богатые скотоводы прибегали к наемной рабочей силе, оплата была сдельной: за стрижку 10 овец работник получал шерсть с одной овцы.

В конце сентября — начале октября начиналась случка овец. К этому времени каждый скотовод готовился заранее, откармливая овец на лучших пастбищах, специально предназначенных для содержания овец в период, предшествующий случке. Овец пасли и днем и по ночам, давая им необходимый отдых. Отары отдыхали обычно после вечерней (и частично ночной) пастбы до восхода солнца.

В большинстве скотоводческих хозяйств, принадлежавших узбекам найман, сарой, хитой, уход за баранами-производителями поручался особым чабанам, хорошо знакомым с правилами ухода за ними. За три месяца до случки производителей пасли на жнивье — ячменных и пшеничных полях, которые именовались «ангар»²¹. На этих хлебных полях произрастали также питательные для овец виды трав — спайноцветник овечий, миртук восточный, хориспора нежная, полынь и др. Помимо пастбищных трав, им давали и зерновой корм. В начале октября бараны-производители случались с овцами в течение 40 дней²².

Обычно случка проводилась в период, когда отары паслись на осенних угодьях. Каждый хозяин стремился получить от овец побольше двоен. Опытные скотоводы считали, что большое количество двоен — это результат особо искусного откорма овец. Для этого необходимо, говорили они, чтобы овцы были приведены к месту случки за 2—3 недели до ее начала и паслись здесь²³.

К увеличению числа ягнят-двоен стремились и другими путями, совершая действия, которых требовали старинные суеверные обычаи. Например, навешивали на рога барана расколотый пополам арбуз, сыпали на рога зерно.

До революции у большинства скотоводов в целях улучшения породности овец практиковался частый обмен баранами-производителями. Обмен происходил и между районами. В результате порода овец улучшалась.

Отдельные скотоводы владели высокопородными стадами овец, которые были созданы преимущественно путем отбора лучших производителей. Узбеки найман, скрещивая курдючных овец с каракульскими, добились улучшения породы каракульских овец.

²¹ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 73—74.

²² Там же, стр. 74.

²³ Полевые записи, 1963, 1964 гг.

Для зимовки животных скотоводы выбирали места, наиболее благоприятные для этого и удобные для самих скотоводов. Одни из них для зимовки предпочитали селения (кишлаки), другие выбирали место неподалеку от них, третьи находили удобные для зимовки места подальше от селений. Например, некоторая часть узбеков найман на зимовку отправлялась на склоны гор Тим, Карачатаг. Преимущество пастбищ Карачатага состояло в том, что даже в самую суровую зиму снег здесь долго не залеживался. Отсюда родилась народная поговорка: «Будет на Карача снег — не будет скота у скотоводов».

Зимовка овец в среднем длилась три месяца. В холодную погоду и снежные бураны овцы содержались в загонах, но в тихую погоду их выводили на пастбища. Зимой, естественно, их пасли недалеко от загон. Опытные чабаны узбеки найман, жившие в Карнабской степи, и узбеки сарой, населявшие Джамскую степь, в зимний период не держали овец в одном месте, а постоянно перегоняли, заставляли животных быть в движении.

В снежную холодную зиму овец кормили в загонах, то и дело поднимая их и заставляя побольше двигаться, иначе они заболели бы болезнью боскок. Истощенных, обессиленных животных отправляли на двор к хозяину или же кормили отдельно. Чабаны говорили: отдельное кормление надо начать своевременно, а то и пища не принесет пользы. Только накопившие богатый опыт чабаны могли успешно провести зимовку скота.

В это время соблюдался особый режим кормления и овец поили только раз в сутки. Воду из колодцев доставали и накапывали перед самым пригоном овец на водопой, чтобы она не успела охладиться и сохранилась теплой, как в колодце. После водопоя стада вновь угонялись на пастбища.

Пастба овец в зимний период требовала от чабанов большого опыта и глубокого знания местных условий. Чтобы хорошо провести зимовку скота, скотоводам, и в особенности чабанам, приходилось много трудиться. В особо холодные дни чабаны сами проводили ночи в загоне, среди овец, поднимали их по нескольку раз, чтобы не дать залеживаться. В сильные холода практиковалась и такая мера, как прогулка овец на небольшое расстояние — несколько километров от загона, чтобы дать им возможность отогреться.

Частая смена погоды в зимний период, когда после стужи наступала оттепель или после снега начинался дождь, заставляла менять режим кормления животных, приспособляя его к погодным переменам.

Ведя овец кормить, чабаны задерживали животных, устремлявшихся к кормушкам первыми, чтобы корма достались

всему стаду. Овцы выводились из кошар сбитыми в плотную массу, чтобы могли обогреть друг друга.

Труд чабанов дал повод к появлению поговорки: если бестолковый чабан изнашивает одну пару сапог, знающий изнашивает четыре. Толковый скотовод не только ходит за стадом, он знает еще, что нужно овцам и как правильно их содержать в различных условиях.

В узбекских племенах, о которых ведется речь, за долгие годы выработались наиболее разумные приемы выращивания и лечения каракульских овец, так что чабаны могли оказать больным овцам и ветеринарную помощь.

Болезни овец лечились целебными травами, а раны смазывались жиром. Если животное заболело оспой, скотоводы, чтобы избежать распространения инфекции, прирезали овцу и сжигали ее шкуру. Однако не обходилось и без суевежных обычаев. Например, в землю вкапывали два деревянных стояка, и к бечевке, натянутой между ними, подвешивали священную книгу мусульман. Все овцы прогонялись между стояками. Существовал также обычай прыскать из рта водой на овец в случае, когда животные начинали сильно бляеть. Опрыскивать животных приглашался специальный человек, который, соблюдая положенный обряд, набирал воду в рот из узкогорлого кувшина с особой осторожностью.

Богатые скотоводы старались залучить к себе в работники известных своим мастерством чабанов, у которых искусство ухода за овцами передавалось из рода в род.

Узбеки найман, хитой и сарой, являясь опытными скотоводами, имели в своей среде многих опытных чабанов, которые пасли не только свои стада, но нанимались и к соседям.

Обычно богачи брали в чабаны людей средних лет, выбившихся из наемных работников на харчах. Нелегко было им стать чабанам. С малолетства наемный работник на харчах (етим) начинал работать помощником чабана или подпаском (чулик) и исполнял эти обязанности в течение 10—15 лет. Только после этого он мог стать опытным пастухом.

Вся жизнь чабана проходила на пастбищах. К семье он навещался редко, а воспитанием детей не занимался вовсе. Оплата труда чабана была низкой. Кроме денег, ему выдавалось ежемесячно два пуда муки, соль.

Постоянно чабан имел с собой пастуший посох (таёк), заплечный мешок для хлеба, сделанный из козьей кожи (чанок). Кроме того, чабан носил с собой чашку (коса), пиалу (пиела), ложку (кошик), ибо пищу готовил себе сам. Посуда хранилась и перевозилась в кожаном мешке (таркич). Чабан непременно имел при себе иглу, нитки, шило, кремь, бритву, нож. Все эти предметы также укладывались в кожаный мешок (гудар).

Как видим, труд чабанов и их помощников был очень тяжелым. Неслучайно, что оценкой их труда является такая поговорка: «Дехканин избавляется от труда в дождь, чабан же — только после смерти».

В заключение можно сказать, что население горной и степной части Зарафшана, которое ранее вело полукочевой образ жизни, во второй половине XIX в. в основном перешло к оседлости. Однако отдельные этнические группы узбеков (найман, хитой, сарой) продолжали вести полuosедлый образ жизни, и основным занятием у них было скотоводство.

Скот разводило в небольшом количестве и оседлое население, преимущественно та его часть, которая жила на окраинах оазисов, на границах со степью.

Крупный рогатый скот и рабочих лошадей полuosедлые узбеки использовали в основном на сельскохозяйственных работах. Они разводили не только рабочий, но и продуктивный скот, который снабжал их молоком. Однако ведущей отраслью все же оставалось овцеводство.

Опираясь на многовековой народный опыт, полuosедлые скотоводы постоянно улучшали породность, повышали продуктивность каракульских овец. Опыт отцов передавался сыновьям. Так складывались определенные традиции, которые неукоснительно соблюдались. Развитие животноводства привело к возникновению собственной специальной терминологии. Особая традиция сложилась в методике выпаса овец.

Таким образом, при разведении каракульских овец у узбекских животноводов сложилась целая система профессиональных, бытовых и хозяйственных навыков и обычаев.

Х. Исмаилов

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

За годы Советской власти произошли коренные изменения в материальной культуре народов Узбекистана.

Вопросами развития материальной культуры занимаются архитекторы, искусствоведы, археологи, этнографы. Результаты их исследований публиковались в виде отдельных статей и монографий¹. Однако материальная культура населения Ферганской долины изучена еще недостаточно.

Тема эта довольно обширная: она охватывает вопросы поселения, жилища, одежды и пищи. Осветить все эти вопросы в одной небольшой статье не представляется возможным. Поэтому автор говорит лишь о поселениях и жилищах узбекского сельского населения Ферганской долины, опираясь на материалы, собранные во время полевых этнографических исследований.

В создании этой работы значительно помогли материалы, собранные во время маршрутных этнографических экспедиций, проведенных в 1968, 1969, 1970 годы. Используются также литературные источники.

¹ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище, «Советская этнография», 1949; № 2; Она же. Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951; Она же. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии, «Советская этнография», 1963, № 6; А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в конце XIX—начале XX в., Труды Института этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 94—104; Т. Файзиев. Социалистическое переустройство поселений и жилищ узбеков-кураминцев Ташкентской области, «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965; А. Н. Жилина. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР, «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 121—145; Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962; Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, и др.

Весьма важным показателем уровня жизни той или иной группы населения являются характер и степень благоустроенности населенных пунктов. Поселение как «первичная форма территориального объединения жилищ и сосредоточения населения»² считается одним из элементов материальной культуры. Производственные отношения и социальный строй являются основными факторами, определяющими характер того или иного поселения, отражающими степень культуры и благосостояния его жителей.

Основная масса населения Ферганской долины жила и живет в кишлаках. Например, только в Андижанской области таких кишлаков насчитывается около двух тысяч³. Размеры, типы, планы этих кишлаков, хозяйственный и культурный облик их весьма разнообразны.

Ферганская долина относится к числу наиболее плотно населенных районов Узбекистана и Советского Союза. Долина занимает 4,2% территории республики, но здесь проживает 2,3 млн. человек, т. е. 28,3% всего населения Узбекистана. Средняя плотность населения Ферганской долины — 130,6 человека, что почти в 7 раз выше средней плотности по Узбекистану. Особенно высокую плотность населенности имеет восточная часть долины — Андижанская область. Сравнительно слабо заселена западная и особенно центральная часть долины, где еще много заболоченных и занятых песками территорий⁴.

Исходя из вышеизложенного, поселения Ферганской долины можно разделить на следующие типы: поселения в горных ущельях, на предгорных равнинах (в окраинных оазисах), на равнинах и поселки на новоосвоенных местах за годы Советской власти. Они отличаются между собой своими климатическими, физико-географическими и топономическими особенностями.

В горных ущельях встречаются кишлаки, представляющие собой жилища, беспорядочно расположенные вокруг горных водных источников — речек и ручьев. Такие кишлаки находятся на расстоянии друг от друга от 5 до 10, 15 и более километров.

Большинство ферганских кишлаков расположено в предгорных районах, где природные условия давали прекрасную возможность заниматься поливным земледелием. Своими благоприятными условиями Ферганская долина славится с древнейших времен. Кишлаки, относимые нами к этой группе

² К. Маркс. Капитал, т. III, Госиздат, М., 1957, стр. 314.

³ «Известия», 5 декабря 1968 года.

⁴ Узбекская ССР (Экономико-географические очерки), Ташкент, 1963, стр. 290.

более компактны, имеют, как правило, в центре кишлака общественные здания, мечети, чайханы, в некоторых есть даже базары, караван-сарай и др. Эти кишлаки обосновались у водных источников и магистральных дорог.

Основная масса кишлаков Ферганской долины расположена на равнине, известной своим плодородием и орошаемым земледелием. Это отразилось и на материальной культуре местного оседлого населения.

Кишлаки этой группы разные по своему размеру и внешнему виду. Преимущественно мелкие, они не огораживались глинобитными стенами. Обычно в центре располагалась жилая часть, состоящая из дворов с садами, огородами, виноградниками, огражденными дувалами. Население больших кишлаков разделялось на махалля, определялось по гузарам, а также по мечетям, возле которых жило. Например, кишлаки Жаханабад, Майгир, Пайтуг, Чуама, Туячи, Лугумбек, Чунг-багиш и другие имели от восьми до пятнадцати мечетей. Они разделялись на несколько махалля, имели свои гузары, где в определенные дни организовывались базары. В таких кишлаках, кроме дехкан, жили и ремесленники.

Кишлаки строились постепенно, по мере роста численности их населения. По рассказам старожил большинства кишлаков, жилые и хозяйственные помещения были выстроены 65—70 лет тому назад. Но следует отметить, что после андижанского землетрясения (1902 г.) многие кишлаки Андижанской области строились заново.

Обследованные нами старые кишлаки имеют несколько параллельных и пересекающихся улиц. У каждого кишлака есть большая, прямая (основная) улица, проходящая посреди кишлака. Кроме этой улицы, есть ряд боковых улиц, в которые вливаются узкие, кривые переулки, тупики между дворами и проезды. Существуют также улицы, идущие вдоль кишлачных арыков. По обеим сторонам этих улиц тянутся разные по своему внешнему виду глинобитные домики, огороженные глинобитными дувалами, скрывающими дворы постройками. Кишлаки, расположенные на равнине, утопают в зелени карагачей, тополей, чинар и тутовников.

За годы Советской власти в Ферганской долине, как и во всей республике, возникло много новых населенных пунктов. Они образовались прежде всего в тех районах, где добывают нефть и газ. На географических картах появились Ленинск, Киргили, Палванташ, Чимион, Северный Сох и другие города⁵. По внешнему виду и благоустройству они напоминают индустриальные города.

⁵ Ш. Музаппаров. Культура и быт узбеков нефтяников Ферганской долины, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1967.

Центральная часть Ферганской долины из-за неблагоприятных природных условий в прошлом была слабо освоена. Здесь расположена Язъяванская степь. За годы социалистического строительства большая часть земли Язъявана освоена и на ней образовались новые благоустроенные колхозные и совхозные поселки.

Перестройка кишлаков начинается с 30-х годов, когда коллективизация приобрела массовый характер. Сначала появились небольшие колхозы, куда входило несколько хозяйств дехкан. Постепенно эти колхозы укрупнились. По мере развития колхозного строя расширилось жилищное строительство.

Теперь в большинстве колхозов и совхозов Ферганской долины выстроены вполне благоустроенные жилые поселки. В них проложены прямые и широкие улицы, застроенные школами, магазинами, жилыми домами нового типа. Большинство совхозных и колхозных кишлаков электрифицировано, а расположенные вблизи трассы газопровода — газифицированы. Кишлаки постепенно укрупняются.

Совершенно новым явлением было строительство населенных пунктов совхозов, которые создавались в основном на необжитых раньше местах. Такие поселки были образованы в Учкурганской, Савайской, Кукумбайской и Чекской степях. Первые пять совхозных поселков были выстроены в 1926—1930 гг. Последние появились в послевоенные годы. Все поселки строились по генеральным планам. Поэтому они резко отличаются от старых кишлаков. Красивые здания, общественные и культурные учреждения (школы, библиотеки, клубы, больницы, амбулатории, детские ясли и сады, почтовые отделения, пекарни и столовые) протянулись вдоль правильно спланированных пересекающихся улиц.

В формировании рабочих поселков обследованных совхозов прослеживались два периода — довоенный и послевоенный. В 30-е годы вслед за образованием колхозов и совхозов велось оживленное строительство жилищ нового типа. В те годы в совхозных поселках были созданы необходимые условия для нормальной жизни населения. Тогда строились жилые дома в виде коттеджей, 2—3-комнатных квартир и общежития для одиноких. В годы войны здесь были расселены семьи рабочих, по большей части эвакуированных из районов, охваченных войной.

Следующий период массового строительства в совхозах — это 1950—1960 гг., когда в связи с общим ростом сельского хозяйства и подъемом совхозной экономики строились новые и перестраивались старые здания. Сейчас поселки совхозов приобрели совершенно иной облик по сравнению с довоенным временем. Улицы поселков заново спланированы, застроены

и застраиваются сотнями благоустроенных жилых домов, сооружаемых на основе принятых генеральных планов и в соответствии с современным культурным уровнем населения совхозов. Сейчас в совхозных поселках есть дворцы культуры и клубы, кинотеатры, парки и стадионы, жители пользуются электричеством, радио, газом, водопроводом и телефоном.

Огромными возможностями для расширения культурно-бытового строительства располагают совхозы Андижанской области. Так, после 1955 г. центральный поселок совхоза «Савай» приобрел городской вид. Здесь проживает 583 семьи восемнадцати национальностей. Белоснежные домики выстроились вдоль двенадцати широких асфальтированных улиц. Парк, стадион, сады, зеленые насаждения на улицах — все радует глаз. Все улицы поселка обсажены тополями, карагачем, фруктовыми деревьями. По обеим сторонам улиц проложены тротуары и прорыты арыки. На улицах установлены водопроводные колонки, откуда рабочие берут питьевую воду. Ночью улицы освещаются электрическими фонарями. К услугам рабочих совхоза и членов их семей — прекрасный зимний клуб. Зрительный зал рассчитан на 500 мест, несколько комнат отведено для кружковой работы, есть библиотека, шахматно-шашечная и теннисная комнаты. В клубе ежедневно демонстрируются кинофильмы, часто читаются лекции, выступают кружки художественной самодеятельности, а иногда приезжают артисты из городов Андижана, Намангана, Ферганы, Оша и Ташкента. Там же проводятся сессии поселкового Совета, встречи с передовиками производства и гостями, приезжающими сюда со всей республики.

В летний клуб вмещается 700 человек. На территории центрального поселка совхоза «Савай» есть стадион на четыре тысячи мест, хлебокомбинат, столовая, баня, универмаги и более двух десятков промтоварных и продовольственных магазинов, чайханы, гостиницы, комбинат бытового обслуживания, узбекская пекарня, где выпекаются лепешки.

Территория центрального поселка совхоза «Савай» в последние годы значительно расширилась. Сюда переселено много семей из отделений.

Наряду с новыми типовыми домами в центральном поселке совхоза встречаются еще дома старого типа, переделанные из построенных в 30-х годах бараков. В центре поселка размещен административный и культурно-бытовой сектор. Все постройки этого сектора сконцентрированы в одном месте. Тут же расположена большая часть жилых домов. Больницы и бани размещаются на краю поселка. Производственный сектор состоит из отдельных хозяйственных дворов, складов, нефтебазы, автотранспортного парка, сушилок хлопка,

навесов для хранения минеральных удобрений и сельхозпродукции. Он расположен на окраине, ближе к транспортной магистрали и основному массиву полей с таким расчетом, чтобы избежать проездов грузовых машин через поселок. При размещении хозяйственного сектора было учтено основное направление ветра, с тем чтобы не загрязнять воздух жилой части, чтобы сюда не попадали сточные воды. На другой окраине поселка, ближе к железной дороге, расположены лесосклад и деревообделочная мастерская.

На территории совхоза есть семь жилых участков, которые отдалены от центрального поселка на 3—8 км. Населенные пункты, расположенные на центральной территории отделения, образовались также в 30-х годах. В каждом пункте проживают сейчас от 300 до 500 семей, члены их работают в отделениях совхоза. В центре каждого такого поселка находятся административные и культурно-бытовые здания и конторы отделения, жилые дома, новые, типовые, и старые, выстроенные в 30-х годах. На окраинах, как правило, хозяйственные дворы.

Поселки в отделениях также строились на основе единого генерального плана. Поэтому во всех отделениях — однотипные клубы, избы-читальни, медпункты, чайханы, магазины, конторы и другие здания. Улицы отделений заасфальтированы, по обеим сторонам прорыты арыки, на берегах которых посажены деревья, а около контор и клубов разведены цветники. На улицах установлены водопроводные колонки. Все отделения обеспечены электричеством.

В 60-х годах во многих отделениях совхоза появились животноводческие фермы. В поселках животноводческой базы совхоза «Савай» проживают 479 семей тринадцати национальностей. И здесь в центре размещены административные, общественные, культурно-бытовые здания и жилые дома, есть клуб на 200 мест, медпункт, магазин, гостиница, школа, детские ясли и сад. Большая часть жилых домов выстроена в послевоенные годы. Это двух- и трехкомнатные типовые здания. Бараков там не было и поэтому следов старого строительства не видно. Большое место занимают конюшни, коровники, телятники, свинарники, склады для хранения кормов, зерносклады, силосоямы, мельницы.

За последние годы во всех отделениях совхоза «Савай» велось большое строительство. В каждом сооружении новые детские ясли, баня, роддом, больница, аптека. В двух отделениях за это время было построено по одной новой школе. Велось дополнительное асфальтирование дорог и тротуаров. На культурно-бытовое строительство за эти годы совхоз израсходовал 900 тыс. руб. Все отделения имеют хорошую связь с центральным поселком, ведущие туда дороги заасфальти-

рованы и по ним регулярно ходят автобусы, есть радио- и телефонная связь.

Населенные пункты других совхозов в общем повторяют друг друга. В основу их реконструкции положен единый генеральный план, принятый в 1938 г. для всех совхозов республики. Следует отметить, что строительство в совхозах до 1937 г. велось хаотически. Дело в том, что от разработанного в 1930—1931 гг. типового генерального плана для совхозов отказались, потому что в этом плане не был предусмотрен дальнейший рост поселков, отсутствовало разделение на секторы. В старом плане производственные постройки не вынесены в обособленный сектор, а разбросаны среди жилых и культурно-бытовых зданий. Работа по составлению генпланов для каждого совхоза с отделениями была завершена в 1937 г.

Однако не все совхозы на сегодня успели его осуществить. Благоустройство поселков прежде всего зависит от хозяйственных успехов, кроме того, на темпы реконструкции поселков влияют местные условия.

Центральный поселок совхоза № 8, ныне «50 лет Октября», расположен при железнодорожной станции Пайтуг. Здесь проживают 484 семьи четырнадцати национальностей. Поселок находится на расстоянии одного километра от райцентра Избасканского района.

При решении задачи размещения центрального поселка здесь также придерживались принципа разделения его на секторы. Производственный сектор размещен на окраине поселка, ближе к дороге, а культурно-бытовой — в центре. Все постройки этого сектора концентрируются вокруг большого совхозного парка, на территории которого размещены летний кинотеатр, школа, стадион, танцплощадка, чайхана, столовая, магазины и быткомбинат. Больница и баня размещены на другой стороне поселка.

В центре поселка вдоль улиц расположены новые типовые современные дома. До сих пор, однако, еще стоят бараки, выстроенные в 30-х годах.

В последнее время центральный поселок совхоза № 8 значительно расширился. Возник новый квартал. На краю поселка расположился государственный хлопкозавод, который перерабатывает хлопок совхоза и частично колхозов Избасканского района. Вокруг него образовался небольшой рабочий городок, составляющий один из кварталов центрального поселка совхоза.

На территории совхоза на расстоянии от 3 до 20 км от центрального поселка разместились еще 8 поселков, семь хлопководческих отделений и одна животноводческая база. В них проживают от 250 до 700 семей разных националь-

ностей. Перестройка поселков совхоза № 8 за последние годы идет быстрыми темпами. В течение 1960—1964 гг. было построено более 200 типовых квартир, телятник, свинарник, три коровника, сарай для тракторов и летняя мастерская.

Так же выглядят вновь возникшие на пустовавших ранее местах поселки других совхозов Андижанской области — в совхозах им. Ленина, «Кукумбай», «Кызылрават» и других.

Но есть в совхозах поселки, образовавшиеся из старых кишлаков, которые еще недавно входили в экономически слабые колхозы, не имевшие средств на их благоустройство. Эти колхозы влились в совхоз в 1957 г. На базе колхозов образовывались отделения совхозов. Лишь после слияния в них началась энергичная перестройка.

Они в большой степени реконструированы и благоустроены: появились новые административные и производственные здания и жилые дома, спрямлены и заасфальтированы улицы.

В 1957 г. в совхоз № 8 вошел колхоз им. Ахунбабаева, на базе которого образовалось 7-е отделение. Центром отделения стал старый кишлак Туячи. В этом поселке проживают семьи восьми национальностей.

Совхоз «Аим» образовался на базе колхозов, существовавших на территории кишлаков Аим, Дардак и др. В нем идет реконструкция всех кишлаков. Уже построены двухэтажные жилые дома как в центре, так и в отделениях, строятся новые хозяйственные, административные здания, большинство улиц заасфальтировано, обсажено деревьями, проведен водопровод.

Колхоз им. Фрунзе, вошедший в совхоз «Савай», был организован на месте маленького кишлака в 1945 г. Основную часть населения составляли эвакуированные в период войны азербайджанцы, которые жили вместе с узбеками, киргизами, татарами, русскими. Этот кишлак сейчас так же резко изменился, как и все поселки совхоза.

На эволюции этих кишлаков наглядно виден процесс приближения условий жизни сельскохозяйственных рабочих к условиям городского населения. Обновление быта сельского населения является результатом быстрого роста хозяйственных и культурных связей города и деревни. Современные социалистические города во все возрастающих размерах оказывают действительную помощь деревне в укреплении ее материально-технической базы, в повышении культурно-технического роста, в изменении быта. Помощь города деревне была и будет важнейшим средством улучшения культуры и быта села, укрепления дружбы рабочего класса и крестьянства.

Программа КПСС выдвигает как одну из важнейших перспективных задач строительства коммунизма постепенную ликвидацию социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней: «Постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским»⁶.

Это уже осуществляется. Строительство сельских населенных пунктов вступает в новый этап. Во многих крупных колхозах и совхозах составили свои генеральные планы переустройства поселков и претворяют их в жизнь. Вот факты. В честь столетия со дня рождения В. И. Ленина завершился второй этап Всесоюзного смотра-конкурса на лучшую застройку и благоустройство колхозных и совхозных поселков, проводимого ВДНХ СССР, Госстроем СССР, ЦК ВЛКСМ, министерствами сельского хозяйства и сельского строительства СССР, Союзом архитекторов СССР, редакциями газет «Сельская жизнь» и «Строительная газета».

Лауреатами смотра-конкурса стали 168 лучших сельских усадеб. В числе удостоившихся диплома ВДНХ СССР второй степени — центральная усадьба колхоза им. Ахунбабаева Избасканского района (кишлак Лугумбек) Андижанской области и усадьба колхоза им. Ленина Папского района (кишлак Гурумсарай) Наманганской области. Опишем поселок колхоза им. Ленина.

В колхозе им. Ленина 7600 жителей. Колхоз постоянно заботится о культурно-бытовом облике кишлака и нуждах колхозников в жилье. Здесь построены клуб, четыре школы, больница, полевые станы, производственные помещения. Строили и жилые дома. Однако строили бессистемно, «архитектором» был каждый застройщик.

Теперь колхозники решили строить колхозный поселок по-новому. За эталон были приняты одноэтажные одно- и двухквартирные дома на двух уровнях. При доме обязателен приусадебный участок в 15 соток, сарай во дворе, где можно держать скот. И конечно, в каждом доме — водопровод, канализация, природный газ. Колхозные угодья расположены в 40—50 км от центральной усадьбы. Поэтому выбрали такой вариант: строить четыре поселка — Гурумсарай (центральная усадьба), Пунган, Тепа-курган и Кирчин. Население, конечно, еще будет расти. Поэтому разделение на четыре поселка более целесообразно.

⁶ Программа КПСС, М., 1961, стр. 85.

Общее собрание колхозников обсудило генеральный план. Строительство рассчитали на пять лет. Общее капитальные вложения составили 6,1 млн. руб. Возведение четырехэтажной школы-интерната взяло на себя государство.

По генеральному плану в центральном поселке Гурумсаре предусмотрены: стадион с плавательным бассейном и другими спортивными сооружениями, парк культуры и отдыха, дворец культуры на 800 мест, летний кинотеатр, торговый центр, столовая и чайхана «Салом», автоматическая телефонная станция на 400 номеров, комбинат бытового обслуживания, здание правления колхоза, ряд других объектов хозяйственного, бытового и культурного назначения.

Жилой фонд в Гурумсаре — 430 одноэтажных и двухэтажных домов. Типы домов выбрали с таким расчетом, чтобы количество комнат в одной квартире было 3—5—7. Всего во всех поселках будет построено более 1300 домов. В Гурумсаре и других поселках в домах предусмотрен водопровод, канализация, природный газ, паровое отопление, усадьба 15 соток. В Пунгане, Тепа-Кургане, Кирчине, кроме жилых домов, будут построены школы, мастерские бытового обслуживания, клубы. Везде зеленые зоны. Улицы и тротуары покроются асфальтом. Между мостовой и тротуарами цветники, кустарники, деревья. Обязательно уличное освещение.

Колхоз заключил договор с передвижной механизированной колонной, которая вместе с субподрядными организациями ведет в основном жилищное и культурно-бытовое строительство, прокладку водопроводных, канализационных, электрических и газовых сетей, выполняет дорожные работы. Часть объектов (здания хозяйственного назначения) возводит межколхозная строительная организация. Создана и своя колхозная строительная бригада из 120 человек, которую возглавил инженер-строитель Х. Мансуров.

Позаботились о материалах. Расширили колхозный кирпичный завод. Сейчас его мощность — 6 млн. штук жженого кирпича в год. Широко используется рваный камень, запасы которого неисчерпаемы в окрестностях колхоза.

Ввели должность заместителя председателя колхоза по капитальному строительству. Этот пост занимают только опытные организаторы.

Строительство в колхозе стало постепенно общим делом. И вот результаты: в 1965 г. освоены 964 тыс. руб., в 1966 г. — 1167 тыс. руб., в 1967 г. — 1200 тыс. руб. План 1968 г. был 1800 тыс. руб. Примерно половина этих средств — кредит Госбанка, остальное из колхозной кассы.

С начала строительства новых поселков 210 колхозных семей уже справили новоселье. В Гурумсаре выросли три но-

вых квартала, построены стадион, комбинат бытового обслуживания, магазины, правление колхоза, детский сад-ясли, заканчивается строительство школы-интерната, автоматической телефонной станции. Улицы покрыты асфальтом, освещены. Проложены сети водопровода, канализации, газопровода, сделана подводка их к квартирам.

Важную роль в развитии новых совхозных и колхозных поселков играет то, что за послевоенные годы построены и достраиваются новые асфальтированные и грунтовые дороги, связывающие колхозные и совхозные центры со своими отделениями, районными и республиканскими центрами.

В горных и предгорных районах Ферганской долины в прошлом жили скотоводческие полукошачьи племена — турки, кипчаки и курама. Они постепенно вливались в состав узбекского оседлого населения. Надо сказать, что полуоседлый образ жизни этих групп населения сказывался и на характере их материальной культуры, например в облике усадеб. В горных и в предгорных районах усадьбы разбросаны, со всех сторон открыты. Лишь в некоторых случаях они огорожены со стороны дороги. Такие усадьбы в прошлом возникали в местах зимовок.

В указанном типе усадеб строились глинобитные дома, имеющие маленькие отверстия в стене — дымоходы. Внутреннее убранство было очень бедно. Темные, грубо оштукатуренные, закопченные стены, необмазанные потолки представляли собой резкий контраст с благоустроенными домами оседлого населения долины. Но и такие дома появлялись не во всех кишлаках. Постепенно у полукошачьих племен гор и предгорий сложился свой вид кишлака, с кривыми улицами, беспорядочно разбросанными домами.

В равнинных местах усадьбы размещались близко друг к другу. Каждая была огорожена глинобитным дувалом. Вдоль дворовых стен вытягивались жилые и хозяйственные постройки. В некоторых кишлаках помещения в усадьбе выстраивались по кругу или имели Г-, Е- и С-образную форму.

В новых поселках, которые образовались за годы Советской власти, усадьбы расположены по плану, размеры их обычно одинаковы, дворы размещены вдоль улиц — в один ряд.

В прошлом на строительстве жилья использовались местные материалы: лессовая глина, из которой возводили глинобитные стены — пахса-дувал и изготовляли сырцовый кирпич — гувала. Из древесных пород для стен и кровли шел преимущественно тополь. Для ворот, дверных коробок, балок, режее колонн, применялся строительный лес из карагача, для внутренних частей шел тут. В условиях Ферганской долины дерево имело особое значение. Оно использовалось не только

как конструктивный материал, но и как художественно-декоративный. Резьбой украшали деревянные части комнат и айванов табоданов, отделывали потолки, колонны, дверные створки, а больше всего деревянные решетки перед айваном.

По сообщениям мастеров-строителей из всех растворов наиболее широко были распространены лессовые и гипсовые. Лессовые растворы применялись и применяются при кладке стен из гувала и сырцового кирпича, а также для грубой штукатурки сырцовых и каркасных стен и смазки кровли. Перед кладкой стен лесс сначала тщательно очищали, потом создавали из него тестообразную массу. Для смазки стен или кровли в лессовый раствор добавляли солому.

Рис. 1. Внешний вид дома постройки 1940—1945 гг., крытого камышом.

В кишлаках Ферганской долины в строительстве применяются разные способы. Прежде всего надо сказать о способе возведения стены из битой глины — пахса-дувал. Стены из битой глины применялись в жилых постройках по всему Узбекистану. Место, где будет стоять дом, очищалось и выравнивалось, затем рядом делалось небольшое углубление для приготовления раствора из лесса. Масса долго вымешивалась ногами. Когда же раствор был готов, над колом возводили первый ряд битой глины, после его подсыхания другой и так далее. Высота каждого равняется 50—60 см. Пахсы в бедняцких домах не превышают трех слоев, богатые дома насчитывают от 5 до 7 рядов пахсы. По рассказам стариков, в Ферганской долине стены из битой глины обычно возводили приезжие таджики. Брались они за дело в большинстве случаев втроем. Один копал, смешивал лесс, второй укладывал кам-

ни на месте кокола, третий приносил воду, камни. Во время работы один подавал наверх раствор с помощью лопаты с длинной ручкой и острым лезвием, второй тщательно укладывал каждый кусок глины, подравнивал ладонью. Таким образом воздвигались стены из битой глины.

Постройки из сухих глиняных комков — гувала — также имели широкое распространение. «Очень характерным и издавна распространенным в Ферганской долине строительным материалом служат так называемые «гувала»⁷.

Гувала употребляются для кладки стен, заполнения каркаса и т. п. В XIX в. они применялись для возведения стен жилых построек в городах, но в последние десятилетия их продолжают применять для жилых построек только в кишлаках, в городах же используют лишь для кладки стен, окружающих дворы, и стен хозяйственных построек. Гувала отличаются легкостью изготовления и дешевизной. Этот вид строительного материала больше распространен в восточной части долины, чем в западной⁸. О широком применении гувала в Ферганской долине свидетельствуют сообщения акад. А. Ф. Миддендорфа, посетившего в 80-х годах Ферганскую долину. Он пишет: «Поселяне предпочитают складывать стены из глиняных шаров, величиною с голову, высушенных на солнечном припеке горизонтальными слоями, соединяя их глинистым раствором, служащим как бы цементом. Я видел этот тип постройки, попеременно с глино-саманными слоями, в употреблении преимущественно там, где угрожали размывания. По всей вероятности, исправление размывших полос при этом облегчается»⁹.

Сырцовый кирпич в Ферганской долине стали употреблять в конце XIX в. Но некоторые исследователи этого мнения не разделяли. Например, в своей книге Миддендорф упоминает, что «глиняных кирпичей я не встречал»¹⁰. Писарчик, исследовавший строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в конце XIX — начале XX в., утверждает, что тогда, когда Миддендорф был в Маргелане, некоторые здания были сооружены из сырцового кирпича¹¹. Таким образом сырцовый кирпич в Средней Азии

⁷ Это куски глины, обработанные в виде овальных комков длиной около 30 см и диаметром около 15 см, которые после изготовления еще в сыром виде обваливаются в самане. В глину саман не добавляется.

⁸ К. А. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX в., Труды Института этнографии, н. с., т. XXI, М., 1954, стр. 227.

⁹ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 367.

¹⁰ А. Ф. Миддендорф. Указ. соч., стр. 367.

¹¹ К. А. Писарчик. Указ. соч., стр. 229—230.

вошел в употребление в народном строительстве давно. Он изготовлялся двух типов: квадратный и прямоугольный. Квадратный сырцовый кирпич шел главным образом на закладку промежутков между деревянными стойками в каркасе. Прямоугольный кирпич употребляется для кладки стен.

Жженный кирпич получил распространение только в конце прошлого столетия¹². После революции с образованием колхозов и совхозов жженный кирпич широко применяется уже по всей долине.

С изменением бытового уклада населения Ферганской долины меняются и строительные приемы, и материалы. Дома колхозников и рабочих совхозов строятся из сырцового и жженого кирпича. В настоящее время в сельских местностях редко встречаются дома, покрытые черепицей, распространенной в 30-х годах. Современные дома сельского населения Ферганской долины ничем не отличаются от домов городского населения.

В Ферганской долине еще довольно широко распространен каркасный способ строительства домов. Каркасные конструкции есть двух видов: однорядная и двухрядная. В каркасной стене основными элементами являются нижняя и верхняя обвязки, угловые вертикальные стойки и диагональные брусья между ними. Стойки обвязки соединялись на углах шипами. Угловые стойки и подкосы между ними служили несущими частями конструкции. Для заполнения каркаса сырцом или гувала вводились дополнительные ригеля и подкосы.

Однорядный каркас воздвигается для создания тонких стен, он дает возможность сэкономить площадь застройки, удобен для устройства проемов. Но этот тип каркаса мало устойчив. Кроме того, в стенах однорядного каркаса ниши не устроишь. Раньше, как правило, дома с каркасной конструкцией стен не имели фундамента. Обычно срезали лишь верхнюю часть грунта, выравнивая и утрамбовывая дно. Нижняя обвязка каркасной стены укладывалась непосредственно на невысоком, из нескольких рядов, кирпичном или каменном основании. Толщина одинарного каркаса составляла около 16—25 см.

По сообщениям информаторов, в изучаемых нами районах в старину в основном применялся однорядный каркас (прежде всего из-за недостатка строительных лесовых материалов). Во время Андижанского землетрясения большинство домов из однорядного каркаса разрушилось. О каркас-

ных конструкциях построек свидетельствуют исследователи прошлого столетия Наливкины¹³.

В прошлом в Ферганской долине встречались еще такие конструкции, которые возводились обычно на втором этаже. Эти конструкции представляли собой вертикально или веерообразно расположенные стойки. Каркас такого типа встречается в легких постройках второго этажа — балахонах.

Для жилых помещений более состоятельных семей или когда застройщик имеет большой запас строительного материала делается более устойчивый каркас из стоек, подкосов и ригелей. Внутри стен таких двухрядных каркасных сооружений ставятся ряды связанных ригелями стоек, между которыми размещаются проемы и ниши комнаты. Для заполнения каркаса служат сырцовые кирпичи или гувала. Стена двухрядного каркаса доходит до 40—60 см толщины. Среди населения существует такая поговорка об устойчивости каркасных сооружений: «синч уйим — тинч уйим».

Каркасные стены снаружи и внутри первоначально штукатурились глино-саманным раствором, а начисто в жилых комнатах — ганчем, иногда и гулганчем. В богатых домах комнаты внутри оштукатурены ганчем и расписаны.

Каркасная конструкция считается самым рентабельным способом строительства жилых домов. Деревянный каркас удобен при сборке и разборке, долговечен в условиях жаркого климата и дает возможность быстро исправлять и заменять утраченные части.

Постройкой и отделкой домов занимались опытные мастера — бинокор. Плотники составляли основную бригаду. При строительстве каркасных зданий они руководили всей работой — планировкой здания, определением его внешнего и внутреннего вида и т. д. Они же распределяли работу между рабочими. Например, один месил глину, другой подвозил подготовленную глину к мастеру, третий подавал ее, четвертый клал стены, а мастер в это время требовал: «лай — кесак, лай — кесак». Среди мастеров, однако, считался самым высококвалифицированным штукатурщик по алебаstrу, ганчу.

При строительстве жилого дома самая большая тяжесть выпадала на долю семьи застройщика. Все члены семьи участвовали в строительстве. Особенно много приходилось работать женщинам, они с утра до позднего вечера готовили пищу и чай для рабочих.

Раньше перед началом строительства нового дома обязательно организовывалось угощение, резали барана или дру-

¹² К. А. Писарчик. Указ. соч., стр. 230—235.

¹³ В. П. Наливкин, М. В. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886.

гих животных. Делались жертвоприношения и читались суры из корана.

Во время постройки нового дома соседи и родственники застройщика приносили пищу, фрукты, молоко. Этот обычай назывался «йўқланди», или «устани йўқлаш». Они же приходили и помогали в работе. После окончания строительства застройщик должен был дарить мастеру сарупа. Когда семья въезжала в новый дом, устраивалось «ўй тўйи» — новоселье. Тогда родные, соседи и близкие товарищи приходили сюда уже с подарками. Хозяин дома угощал их. После новоселья знакомые женщины приходили с дастарханом, чтобы поздравить с новосельем. Этот обычай, «йўқланди», и сейчас бытует в сельских местностях.

Удовлетворение потребности народа в жилье — одна из главнейших задач, поставленных нашей партией. Партия и правительство проявляют повседневную заботу об обеспечении народа жильем.

Центральный Комитет Коммунистической партии Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР рассмотрели вопрос о мерах по улучшению жилищного и культурно-бытового строительства на селе.

В постановлении Центрального Комитета Компартии Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР «О мерах по улучшению жилищного и культурно-бытового строительства на селе» намечена широкая программа сельского строительства, поставлена задача перестроить колхозные и совхозные поселки, расширить строительство коммунальных и бытовых предприятий, с тем чтобы максимально приблизить сельский быт к городскому.

Время требует ломки устаревшего подхода в застройке села. Главную роль при этом должно сыграть укрепление производственной базы — фундамента сельского строительства. Поэтому в постановлении указывается, что: «Строительству на селе необходимо придать всенародный характер. Следует обеспечить широкое участие в нем местного населения, колхозников и рабочих совхозов, а также их семей, организовать обучение их строительному делу и за счет этого полностью укомплектовать сельские строительные организации кадрами, создать специальные строительные бригады в колхозах и совхозах»¹⁴.

Примером этому может служить жилищное и культурно-бытовое строительство, осуществленное в селах Ферганской долины в 1958—1966 гг. За этот срок было сдано в эксплуатацию жилых домов в колхозах силами колхозников, сельской интеллигенции: в 1958 г. — 698 тыс. м², в 1960 г. — 500 тыс. м²,

в 1965 г. — 588 тыс. м², в 1966 г. — 798 тыс. м² общей полезной площади¹⁵.

Во время полевых этнографических экспедиций по Ферганской долине мы обследовали 7 районов, 30 колхозов и совхозов. В них было обследовано 23.263 жилища, десятки хозяйственных и общественных зданий. Из обследованных нами жилых помещений 3407 домов являются типовыми, 7339 построены силами колхозников и сельской интеллигенции по составленному типовому плану, 1107 возведены межколхозной строительной организацией, 11 210 зафиксированы как старые, стоящие более ста лет. Характерно, что из обследованных нами 23 263 жилищ 12 343 окружены глинобитными дувалами, в 1729 домах дувалы оштукатурены и побелены, 7024 дома имеют сад и цветники.

Изучение жилищ связано с изучением природных условий, занятий, технических навыков, социальных отношений населения, а также семейных структур, религиозных верований исследуемого народа. Все эти стороны жизни народа нашли свое отражение в жилищах, в его типах, размерах, планировке, внешнем и внутреннем облике и т. д.

Учеными-этнографами, занимавшимися вопросами строительства в Средней Азии в XIX — начале XX в., принято разделять типы жилищ на ферганский, бухарский, хивинский и шахрисабзский, особенности которых выражались в конструкции, строительных приемах, планировке и т. д. Так, например, ферганский тип отличается устойчивостью конструкции стен с двухрядным каркасом¹⁶.

Разнообразие жилищ, сохранившихся до наших дней в обследованных нами районах, говорит о том, что в Ферганской долине есть еще и другие типы жилищ — припамирские, смешанные, которые появились путем взаимообогащения и взаимовлияния строительной техники узбеков, таджиков, русских и др.

Традиционное узбекское жилище — это замкнутый комплекс с глухими глинобитными дувалами, ограждающими от улиц и соседних дворов. Все жилые и хозяйственные постройки окнами и дверьми обращены во двор. Такое устройство и расположение жилищ было характерно в Ферганской долине в конце XIX — начале XX в.

Из-за затворничества женщин во многих кишлаках дворы делились на две половины — ташкари и ичкари. Дома имели специально построенную дарвазахону или делились неболь-

¹⁴ «Правда Востока», 15 июля 1969 г.

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет, Статсборник, Ташкент, 1967, стр. 209.

¹⁶ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 278.

шой стеной. В некоторых жилищах внутрь двора вела дорожка — йулакча.

Ташкари служило для приема гостей, для досуга мужчин — гап, гаштак, а также жильем для посторонних мужчин. На ташкари основным помещением являлась мехмонхона, часто она состояла из двух комнат — одной большой и другой поменьше (дахлиз) с длинным айваном. В состоятельных домах, кроме мехмонхоны, в ташкари еще были утинхона, кухня и др. У большинства жителей периферийных кишлаков мехмонхоны вовсе не было.

Ичкари, где проводили большую часть времени члены семьи, состояло из основных жилых комнат, кухни, складов, зерносклада, утинхоны, коровника, курятника и др. У состоятельных хозяев была еще тандырхона. Летняя и зимняя кухни строились отдельно. Если при доме росли гранаты и виноград, то для хранения их также выделялось помещение.

Во внутренней половине двора часто строили много жилых комнат — это осталось, видимо, от больших патриархальных семей. Женатых сыновей старались не выделять. Даже после смерти отца братья зачастую раздела не производили, особенно если были связаны одним ремеслом. Таким образом сохранялись большие семьи.

Следует отметить, что в некоторых кишлаках обследованных нами районов деление двора производилось по-другому. Так, например, в кишлаке Жаханабад Избасканского района Андижанской области наряду с делением двора на две половины существует деление и на три части. Этому способствовало расположение самого кишлака. Кишлак Жаханабад расположен вдоль арыков Жаханабад и Майгир и дворы поселян размещались, как правило, между этими арыками рядами. С одной стороны рядов — колхозные поля, с другой — средние ряды дворов. У средних дворов двери с двух сторон. Первая дверь, т. е. дверь первой ташкари — открывается в сторону арыка. В этой части двора — тандырхона, курятник, хлев, специальное место для стирки. Они загорожены с четырех сторон глинобитными дувалами, в которых имеются внешняя и внутренняя двери. Там же цветники. Через внутреннюю дверь можно войти во внутренний двор. Вторая ташкари — со стороны улицы. По дорожке-йулакче можно войти во двор (дорожка тоже имеет со стороны ташкари дверь). Итак, мы описали двор, где два ташкари, которые огорожены глинобитными дувалами, с четырьмя дверями. Патриархальный быт и затворничество женщин — вот причины возникновения таких замкнутых дворов. В кишлаке Жаханабад нам пришлось ознакомиться с подобными дворами у Исмаила Мирзаева, Акбара Махмудова, Абдурашида Усманкулова и многих других.

Расположение дворов и размещение в них жилищ дает яркое представление о социальном положении сельского населения изучаемых нами районов. В богатых домах каждая половина двора состоит из нескольких отдельных построек, они впечатляют своим богатым оформлением — алебастровая штукатурка, ганчевая резьба. Двери и оконные проемы, колонны айвана украшены резьбой и расписаны. В менее богатых семьях для ташкари выделялась только одна комната — мехмонхона — с изолированным входом. В большинстве бедных дехканских семей разделения двора на две половины не было. Во время приема гостей — мужчин хозяйка с детьми уходила из дома к соседям, иногда там и ночевала.

Рис. 2. Внешний вид жилого дома нового типа.

Итак, узбекское жилище ферганского типа, характерное для XIX — начала XX в., как правило, двухкомнатное (большая комната — уй, маленькая — дахлиз) с открытым айваном. Бывают еще жилые комнаты в виде полуоткрытого айвана — чукур айван — со съёмными ставнями.

Припамирские типы жилищ имели другую планировку дома и примыкающих к нему хозяйственных построек. Такие дома считаются старинными, но они и сейчас встречаются в кишлаках обследованных нами районов. Характерна для таких домов С- и О-образная планировка. Все помещения под одним сплошным покрытием. С улицы пристраивались навесная дарвазахона, с левой стороны от входа расположен навес для корма скота, потом коровник, затем следуют две большие жилые комнаты с большим полуоткрытым айваном. По всему фасаду айвана — 8 колонн-стоек. С правой стороны от входа — мехмонхона, склады, утинхона, специальная тандырхона и решетчатый айван. Мы описали жилье Ибайджана

Мирзаева из кишлака Жаханабад Избасканского района Андижанской области. Такие дома строились 70—80 лет тому назад, в настоящее же время не строятся.

Ферганский жилой дом солиден по конструкции, и толщина стен в 60—70 см — обычное явление, причем все четыре стены толстые. Но наличие большого числа глубоких ниш сводит стены фактически к толщине однорядного каркаса¹⁷.

В старину был очень распространен жилой дом под плоской крышей. Здесь жилые и хозяйственные помещения строились отдельно друг от друга. Они предназначались для главы семьи — отца и матери, и женатым сыновьям со своими семьями. Таким образом, в этих домах жили одновременно две, три, реже четыре семьи. Как правило, они вели хозяйство вместе и питались из одного котла. Нам пришлось побывать в таких домах в кишлаке Майгир того же района. Дома Эгамберди Байкузиева и Казакбая Далимова выстроены 150—170 лет назад. Дом Далимова — один из оставшихся невредимым во время андижанского землетрясения.

Плоская земляная кровля в домах ферганского типа имела едва заметный уклон для стока дождевой и снеговой воды, которая поступала в деревянные желобки (тарнави). Земляная кровля представляла собой хорошую теплоизоляцию. Но из-за недолговечности глино-саманной смазки кровля постоянно нуждалась в ремонте.

Почти во всех обследованных нами домах есть традиционные айваны. Айван обычно имеет с двух сторон боковые стены. Посреди помещения устраивают очаг-мури. Переднюю часть айвана поддерживает ряд столбов. С задней стороны на айван выходят оконные проемы и двери. Двери, двухстворчатые и одностворчатые, сориентированы на юг, реже — на восток.

Для Ферганской долины еще характерны жилища старинного типа с плоской двухскатной кровлей. Такие крыши в других местах не встречаются. Об этом пишет и В. Л. Воронина: «Такое устройство кровли (хорилик-уй) известно только в Фергане»¹⁸. Во время полевых работ нам приходилось встречать такие дома в вышеупомянутых кишлаках. В Фергане же строились дома и с двумя скатами — куш хари¹⁹.

В 1930—1940 гг. получает большое распространение строительство домов из двух комнат, с двухскатной крышей, по-

крытой черепицей или кровельным железом. Эти дома отличались прежде всего своим планом. Они строились фасадом на улицу, тщательно штукатурились и белились. Большинство домов колхозников и рабочих совхозов было выстроено среди огородов, приусадебные участки их окружены дувалами.

Жилой фонд совхозов рос по мере роста самих совхозов. Сейчас строительство жилищ в совхозах сделалось одной из сторон их деятельности. Во всех изучаемых совхозах есть строительные отделения, укомплектованные квалифицированными кадрами, возглавляемыми инженерами — строителями. Каждое отделение имеет свою строительную бригаду. Много лет работали главными инженерами Маркарян (в совхозе «Савай»), Маматказин (в совхозе № 8). Бригады строят общественные, хозяйственные и частично жилые здания. Если работу производит частный хозяин, строительные отделения ведут за стройкой контроль, требуя следовать типовому проекту. К обязанностям руководителей строительных отделов относится выделение приусадебных участков, планировка улиц.

Следует отметить, что интенсивное развитие совхозного производства в последние годы создало возможность увеличить число работников в строительных отделениях. Если в 1956 г. в совхозе «Савай» работало 67 строителей, то в конце 1964 г. их число увеличилось до 130. Совхоз отпускает застройщикам часть строительных материалов, в частности кирпич. Совхозу принадлежат кирпичный завод, который за год выпускает 1,5 миллиона штук кирпича, деревообделочная мастерская с несколькими пилорамами, где изготовляют деревянные детали зданий.

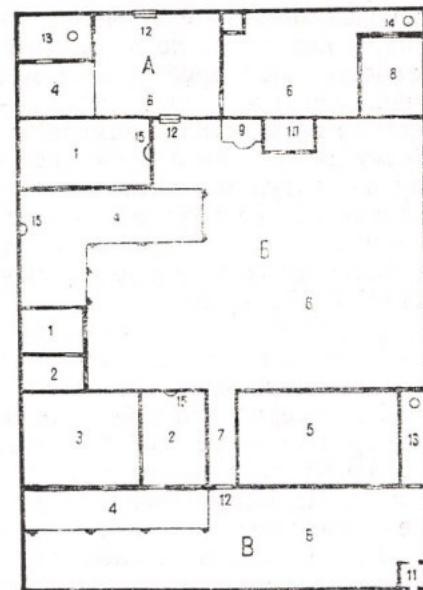

Рис. 3. Схематический план двора и комнат И. Мирзаева (к. Джанабад Избасканского района Андижанской области).

А — первая ташкари, Б — ичкари, В — вторая ташкари, Г — третья ташкари, Д — четвертая ташкари, Е — пятая ташкари, Ж — шестая ташкари, З — седьмая ташкари, И — восьмая ташкари, К — девятая ташкари, Л — десятая ташкари, М — одиннадцатая ташкари, Н — двенадцатая ташкари, О — тринадцатая ташкари, П — четырнадцатая ташкари, Р — пятнадцатая ташкари.

¹⁷ В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 18.

¹⁸ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище, «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 70—71.

¹⁹ К. А. Писарчик. Указ. соч., стр. 261, 270—276.

В изучаемых совхозах еще есть коммунальные и индивидуальные дома, выстроенные в 30-е годы. Дома того времени строились традиционно: с земляными крышами и земляным полом. В совхозе «Савай» старые дома составляют всего 10%, в других совхозах та же картина. Дома эти по большей части используются теперь как подсобные хозяйственные помещения, а некоторые подверглись перестройке — их приближают к современным требованиям. Крыши покрывают шифером или кровельным железом, потолки — фанерой, настилают деревянные полы, ставни заменяют застекленными окнами, дома белят с внутренней и внешней стороны. Вместо сандалов и мури — чугунные и железные печки или плиты из жженого кирпича. В совхозе «Савай» число отремонтированных жилых домов во всех отделениях за 1953—1958 гг. достигло 823. Индивидуальных домов для рабочих построено за пять лет (1953—1958) — 200.

Домов из пахсы в совхозах почти не видно. Лишь изредка каркасная конструкция встречается в индивидуальных постройках рабочих совхозов.

Характерно, что узбекские семьи совхозов сохраняют многие традиционные особенности жилища и поныне. При индивидуальном строительстве предпочитается южная ориентация домов. Народные традиции учитываются и при строительстве коммунальных домов.

Изучение жилищ населения показывает, что современные постройки сельскохозяйственных рабочих неодинаковы по своему типу. Это объясняется временем возведения постройки.

Во всех совхозах используются дома, выстроенные как самими совхозами, так и индивидуально в годы становления совхозов (1926—1930). Возведенные тогда жилища были разные: для постоянных семейных работников возводились коттеджи, трех-, четырехкомнатные дома, для холостых и временно нанятых — общежития типа бараков на 8—12 комнат. Эти здания имели земляные крыши и земляной пол, окна со ставнями. Сейчас они тоже перестроены, приспособлены для проживания семей.

Энергичное строительство началось в совхозах в годы подъема сельского хозяйства и общего роста материального и культурного уровня всей страны. Большая часть домов построена после 1950 г. В совхозе «Савай» в течение 1950—1962 гг. выстроено 201 однокомнатный дом и 211 трех- и четырехкомнатные.

Новые дома — это обычные дома городского типа, как правило, они строятся из сырцового кирпича, на каменном или цементном фундаменте, либо цоколе. Крыши делаются двухскатные, со стропилами и покрываются шифером или кровельным железом. Комнаты обычно высокие, светлые, с

большими окнами, деревянными полами и потолками, обшитыми фанерой.

Наибольшее распространение получили дома из двух или трех комнат. Например, в совхозе «Савай» такие дома составляют 60%, четырехкомнатные — 30%, последние разделены на две половины с разными выходами. Они предназначены для двух семей. В изучаемых совхозах преобладают малые семьи. Дома малых семей состоят обычно из двух или трех комнат. В некоторых индивидуальных жилищах сохраняются традиции строительства дома с айваном, который необходим в условиях жаркого климата. Иногда айваны стро-

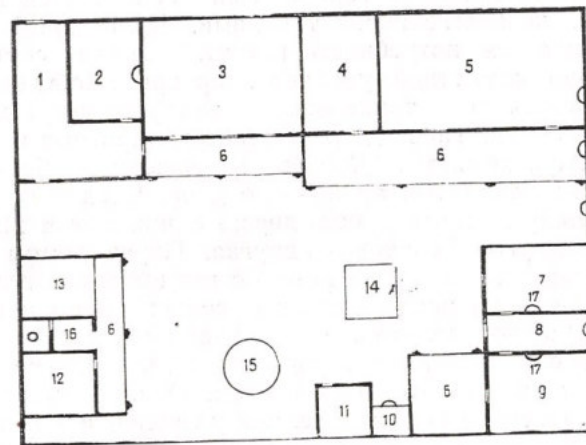

Рис. 4. Схематический план двора и комнат К. Далимова (к. Майгир Избасканского района Андижанской области).

1—йулакча, 2—ошхона (кухня), 3—мехмонхона, 4—амбархона, 5, 7, 9—жилые комнаты, 6—айваны, 8—дахлиз, 10—тандыр, 11—катак, 12—молхона, 13—айван-бостирма (полузакрытого типа), 14—баланд-сури (крытая беседка), 15—хауз, 16—туалет, 17—очаг-мури.

яется перед домом, иногда по всей его длине. Раньше айваны делались только открытыми, сейчас их часто застекляют. В совхозах Андижанской области, особенно в совхозе № 8, большое распространение получили дома, в которых мы видим дальнейшее развитие традиционной планировки с айваном между двумя комнатами, т. е. строится большая комната-гостиная, фасадом выходящая на улицу, к которой с двух сторон пристраиваются комнаты с айваном между ними. Иногда небольшие комнаты достраиваются по сторонам гостиной, так, что дом получается пятикомнатный. Эта планировка возникла в результате сочетания старых традиционных приемов с новыми, она удобна для семьи любого состава.

Характерной особенностью современного жилища сельскохозяйственных рабочих является деление его на несколько комнат с четко выраженным назначением каждой из них. В двухкомнатных домах большая комната служит обычно основным жильем семьи. Там спят, там же принимают гостей. В меньшей комнате, расположенной рядом с первой, обедают, сидят в свободное время члены семьи. Здесь находится печь из жженого кирпича, эта комната служит в зимнее время и кухней.

Дома из четырех и пяти комнат встречаются реже, но тенденция к строительству многокомнатных домов ширится. Жители села наравне с горожанами обзаводятся мебелью, бытовыми, хозяйственными товарами. Культурный уровень села повышается, потребности растут. Каждая семья хочет жить в многокомнатной, удобной квартире. В обследованных районах встречаются такие дома, в которых могут жить две отдельные семьи. Такие дома в плане квадратные и разделены на четыре комнаты. Две из них фасадом обращены на улицу, одна комната и айван — во двор. Вход в комнату со двора. Между комнатами есть дверь. В них может жить одна семья, на другой половине — другая. Перед домом приусадебный участок. Есть еще дома с квадратным планом, но разделены они на шесть комнат с соединяющим коридором. Дверь из каждой комнаты ведет в коридор.

Из сообщений информаторов следует, что раньше дома не имели никаких отопительных систем. Однако выход все же находили. Посреди комнаты делали углубление в полу и разводили огонь, а в крыше через отверстие выходил дым. Такой «отопительной системой» пользовалось большинство дехкан. Если в мехмонхоне разводили огонь, эта мехмонхона называлась «қора мехмонхона» или «қора уй».

Другой тип отопления — очаг-мури, самый распространенный в Ферганской долине. Когда появился очаг-мури, точно установить невозможно, но после его появления значительно изменились и планировка, и сама постройка жилища. Очаг-мури помещался обычно у задней или торцевой стены жилища. В большинстве же случаев у боковых стен айвана. Труба очага проводится в стене.

Для обогрева комнаты употреблялись и сандалы. Возле сандала кушали, принимали гостей, проводили семейные досуги.

С изменением быта сельского населения появились и новые виды отопления. В советское время в домах колхозников появились чугунные печи, плиты из жженого кирпича, печи голландского типа. В настоящее время в большинстве колхозов и совхозов проведена централизованная отопительная

система, паровое отопление. Широко используется в селах электричество, устанавливаются газовые плиты.

Теперь об освещении. Часто в старых домах делали так называемый туйнук, простое отверстие в крыше. Затем при строительстве дома стали оставлять специальные световые проемы в стенах, которые на зиму для утепления заклеивали бумагой. Позднее в домах более нового типа да и во многих старых домах вместо обычных рам кое-где стали использовать застекленную узорчатую панжару, большие итальянские рамы.

Рис. 5. Строительство жилого дома по типовому проекту.

Кишлаки Ферганской долины уже полностью обеспечены электричеством. Теперь каждый колхозник и рабочий совхоза имеет возможность осветить свое жилье и двор.

В обследованных нами кишлаках редко, но встречаются двухэтажные, четырехэтажные дома со всеми удобствами. За последние годы по мере возможности строятся многоэтажные дома.

Что касается хозяйственных построек, то в большинстве случаев в каждом дворе есть амбар, склады различного назначения: для топлива, корма скоту, под зерно (кандик), а также для хранения гранатов и винограда, дынь и арбузов. Кроме того, курятник, коровник, тандырхона, летняя и зимняя кухни. Часто за домом есть небольшая земельная площадь для выпаса мелкого рогатого скота, кур.

В большинстве дворов имеются сури с длинными четырьмя ножками, так называемые баланд-сури. Это большая квадратная деревянная кровать. Устанавливается она под фруктовыми деревьями или под виноградником. В летнее время

там проводят досуг, едят, отдыхают и принимают гостей. Такие сури и беседы в обследованном районе встречаются в каждом дворе. В Ферганской долине их по статистике более десяти тысяч штук.

Что касается типов усадьбы Ферганской долины, то их можно разделить на три группы: под одной крышей — припамирские, замкнутые, усадьбы без ограждения.

Жилые и хозяйственные помещения в некоторых кишлаках размещаются под одной крышей. Такие усадьбы имеют О-образную форму. С улицы можно попасть внутрь двора через дарвазахону.

Во время полевых работ мы ознакомились с 12 343 дворами, которые оказались окруженными глинобитными дувалами. Во двор можно попасть через специальные ворота. Жилые помещения с фасадом во двор расположены в центре, с двух сторон размещаются хозяйственные и подсобные постройки. Планы таких дворов С-образной формы. Из вышеуказанного числа дворов 1729 оштукатурены.

Как правило, эти дворы ограждены только со стороны улицы. Остальные три стороны или открыты или огорожены зелеными насаждениями. В таких дворах жилые помещения отделены от хозяйственных построек.

Для жителей Ферганской долины характерна любовь к зеленым насаждениям. У каждого двора свой рисунок сада-цветника. Даже при малых размерах участка зеленые насаждения обязательно входят в композицию усадьбы. Например, в колхозе имени Шермата Юсупова Избасканского района 15% дворов имеет вид сада, 61% дворов — полусада-полуогорода, а у 24% — половина земли под огородами, на половине засеян рис. В этих дворах зеленых насаждений меньше, чем в других.

Внутреннее убранство жилищ сельского населения Ферганской долины богатое. В большинстве домов земляные полы, но они закрыты циновками, затем паласами, а в более состоятельных домах на полу расстелены ковры, дорогие кошмы.

Стены украшены резьбой по ганчу. В ниши (мехраб) боковых стен ставят сундуки и шкафы с двустворчатыми дверками работы местных мастеров. В них хранится одежда, дорогая мануфактура, предназначенная для сыновей и дочерей. В них же почти до потолка укладывают скатанные ватные одеяла-курпа и подушки. На токча, помещенных на задней стене, с особым тщанием устанавливают разнообразную фарфоровую и медную посуду — чайники, пиалы, подносы, кумганы, узорчатую гончарную посуду. На другие токча складывают не имеющую яркого вида посуду и другие хозяйственные домашние предметы.

По традиции люди сидят на полу, на постланных вдоль стен узких тюфячках-курпачах. По стенам комнаты на вбитых в них колышках и протянутых бечевках и жердях развешивалась одежда, некоторые мелкие вышивки и разная домашняя мелочь. В некоторых домах, где есть совершеннолетние девушки, на стенах развешивали разнообразные вышитые орнаменты, полотенца, дастарханы и джайнамазы.

В жилой комнате самым почетным местом считалось то, которое находилось в удаленной от входа ее части. Называлось оно уйнинг туриси и предназначалось для гостей. В их отсутствие там сидел глава семьи.

Во внутреннем убранстве жилых домов ныне произошли значительные изменения. В домах появились железные кровати, диваны, столы и стулья, шифоньеры, посудные и книжные шкафы, этажерки, буфеты. Новые предметы используются и в украшении комнат. Широко вошли в быт швейные, стиральные машины, радиоприемники, телевизоры, электроприборы: утюги, холодильники, пылесосы.

Следует отметить, что комнаты молодоженов часто бываю убранные с подчеркнuto национальным колоритом, поскольку до сих пор родители стараются украсить их быт всем тем, к чему они сами привыкли с малолетства.

Из всего сказанного видно, что жилищные условия сельского населения Ферганской долины резко изменились. Старые дома подверглись значительной перестройке. Наиболее распространенными становятся дома городского типа, новой конструкции, которые по своему строительному плану, отделке и убранству приближаются к городским.

К. Шаниязов

О ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩЕ УЗБЕКОВ

Пищевой ассортимент узбекского народа разнообразен и довольно богат. Он связан как с природными, так и с хозяйственными особенностями страны.

Своим разнообразием и богатым ассортиментом выделялись кушанья оседлых земледельческих оазисов и городов еще дореволюционного Узбекистана. В их пище большое место занимали продукты земледелия (зерновые, овощи, фрукты). В питании же в прошлом полуседлых узбеков основное место занимали продукты скотоводства (мясо, сало, молоко). Однако в процессе слияния земледельческой и полуседлой частей узбекского населения различие в пище исчезает, утверждаются единые узбекские общенациональные блюда.

Национальные блюда узбеков имеют большое сходство с блюдами таджикского народа и сравнительно меньшее — с туркменскими и казахскими. Влияние на составление и способ приготовления пищи узбеков оказали и отдельные этнические группы (например, уйгуры). Это говорит о том, что состав и характер приготовления пищи узбеков складывался в результате взаимовлияния и в тесном контакте различных (в основном родственных) народов и этнических групп, проживавших длительный период совместно в среднеазиатском междуречье.

За годы Советской власти кухня узбеков значительно обогатилась новыми видами продукции и блюд, позаимствованных у других народов СССР и, в первую очередь, у русского народа. В быт узбеков вошла разнообразная продукция фабричного производства (макароны, вермишель, кондитерские изделия, консервы, колбасы и др.), а также хлебные изделия заводского производства. Возросла потребность на такие виды овощей, как картофель, помидоры, капуста, которые в дореволюционный период не имели столь широкого распространения.

В пищевой режим узбеков входят главным образом мучные, мясные, молочные и овощные продукты.

Хлеб (нон), один из основных видов питания узбеков, выпекается из пшеничной муки. До революции хлеб выпекался также из ячменной, джугарной муки. Она была значительно дешевле пшеничной. Мука готовилась на водяных мельницах (сувтегирмон), а также на мельницах, работающих на тягловой силе (каш-каш — у узбеков долины Кашкадарьи). Были распространены (особенно среди полуседлых узбеков) ручные мельницы (ёргичок, култегирмон) и зернотерки (болочик¹ у ферганских кипчаков). Как на зернотерке, так и на ручной мельнице работали главным образом женщины.

Хлеб выпекался из кислого теста. Закваской служил кусок кислого теста (хамиртуруш, очитги), оставляемый от предыдущей выпечки.

Для себя узбеки пекли обыкновенную круглую лепешку (уй-нон, оби-нон) разного размера и вида. Когда эти же лепешки готовились специально для продажи на рынке (бозор нони), то при выпечке лицевую сторону лепешки посыпали джутовыми семенами (кунжут), семенами мака (кук-нор), семенами чернушки (седона) и делали на ее поверхности орнаменты, надписи (как, например, в Самарканде). В праздники, на свадьбу и в других торжественных случаях пекли лепешки с прибавлением сливок (каймокли-нон), выжарков от бараньего и говяжьего сала (жиззали-нон), мелко нарезанного лука, посыпанного красным перцем (пиёзли-нон), тыквы (ковокли-нон) и пр. Из теста делали также небольшие круглые и пухлые лепешки в виде булочек (кулча или кулча-нон).

В городах и крупных селениях была распространена выпечка круглых, небольших по размеру лепешек особого приготовления (ширмой-нон, ширмой-кулча), а в сельских местностях — в виде булочек (загора), сделанных из муки джугары и кукурузы. Некоторые в прошлом полуседлые узбеки (например, кипчаки Северной Ферганы) пекли хлеб и из муки проса (тарик-нон, тарик-загора), итальянского проса (кунок-нон, кунок-загора), а также из чечевичной муки (ёсмык-нон или жасмык-нон).

Не менее распространенными были лепешки из пресного теста, называемые патир. Тесто делалось слоеное и неслоеное. Слоеный патир — сдобное тесто с большим количеством

¹ Болочик — два плоских камня диаметром 80—90 см, имеющие мелкие зубцы. На поверхность одного из них насыпали горсть зерна, а другим терли до тех пор, пока зерна не измельчались. Измельченное просеивалось, а оставшуюся в сите сечку пропускали через зернотерку вторично. Чтобы получить таким образом муку, требовалось много энергии и времени.

животного жира, сливок или растительного масла. В неслойный пати́р примешивали шкварки, молоко, иногда прибавляли мелко нарезанные лук или тыкву.

Описанные выше лепешки выпекаются в городах и сельских местностях и в настоящее время, но используют теперь исключительно пшеничную муку. Почти вышли из употребления лепешки из ячменной, джугарной, просяной муки, мало пригодной для изготовления хлеба.

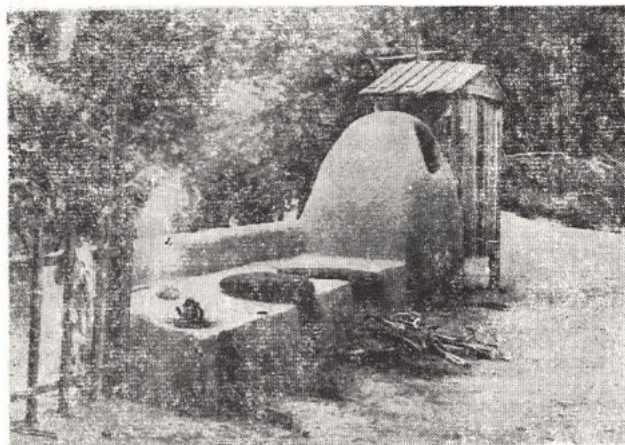

Рис. 1. Летняя кухня с очагом и тандыром для выпечки лепешек (Ферганская долина).

Все виды лепешек в основном выпекаются в особых печах — тандырах, которые в городах делали специальные мастера. В сельских местностях тандыры ставили сами же жители, иногда приезжие мастера по тандырному делу (тандырчи). Печи эти делались из необожженной глины². В некоторых местах (например, в Ташкенте) в глину добавляли конскую шерсть или шерсть крупного рогатого скота. В долине Кашкадарьи в тандырную глину примешивали лишь мелкую пшеничную солому.

Тандыр устанавливается на широком глиняном постаменте, высота которого несколько выше пояса взрослого человека. Тандыр обычно оборудуется у одной из стен двора или кухни (ошхона). В верхней части тандыра делается небольшое отверстие для выхода дыма, а в нижней части — для поступления воздуха.

² У узбеков Сайрама (Чимкентская область Казахской ССР) печи имеют вид ямы, вырытой в земле (внутри жилого помещения или на террасе—айване). Такая печь служила не только для выпечки лепешек, но и очагом для варки пищи.

В прошлом кочевые и полукочевые узбеки пекли хлеб в котлах. Отдельные племена (кипчаки, карлуки, локайцы) до Октябрьской революции, а в отдельных случаях вплоть до коллективизации сельского хозяйства, пекли хлеб на плоских раскаленных камнях (тош-това, тош-тоба) и на чугунных сковородках (топа-козон или топа, това). Пекли также хлеб (в виде круглой буханки), зарывая в мелкие горячие уголья, слегка покрытые золой. Такой хлеб (кумоч) употребляли в основном пастухи. В летнее время месили тесто для кумоча на молоке, что улучшало его вкус и питательные качества.

Еще до революции во всех городах и крупных селениях Узбекистана было развито промышленное изготовление хлеба в специальных хлебопекарнях (новвойхона). Среди владельцев пекарен были крупные предприниматели, державшие по нескольку мастеров-хлебопеков и подсобных рабочих. Они торговали прямо у пекарни и вразнос. Промышленной выпечкой хлеба занимались мужчины, специально проходя долгую выучку. Хлеб выпекали для продажи и во многих домах; в этих случаях выпечкой занимались женщины, а в отдельных случаях и мужчины. Это давало заработок многим семьям из горожан³.

Существовало много форм и типов хлеба. Так, например, ташкентские лепешки отличались небольшой величиной и толщиной (толстые только края лепешки, а середина — тонкая), самаркандские значительно большего размера и толще ташкентских, а бухарские в несколько раз больше, но они значительно тоньше ташкентских. Традиции, выработанные многими поколениями пекарей в городах и крупных селениях, в наши дни продолжают в государственных и колхозных пекарнях.

За годы Советской власти в связи с ростом городского населения Узбекистана и вовлечением женщин в работу в промышленности, сельском хозяйстве и других областях общественного производства, во много раз возросла потребность населения в покупном печеном хлебе. Поэтому во всех городах, рабочих поселках и крупных селениях построены пекарни, а также механизированные хлебозаводы, выпекающие хлеб местных сортов.

Узбеки сохранили чрезвычайно почтительное отношение к хлебу. Дети с малых лет приучаются тщательно подбирать каждую упавшую на землю крошку, «чтобы хлеб не был осквернен». В домах хлеб хранится в специальных ящиках (нон-сандык). Полукочевые узбеки в прошлом хранили хлеб в специальных мешках (нон-халта), сделанных из верблю-

³ Народы Средней Азии и Казахстана (Из серии «Народы мира»), М., 1962, стр. 305.

жьей шерсти. За едой разломить хлеб (лепешки не режутся) является обязанностью старшего в доме.

Из кислого теста, помимо лепешек, выпекали и выпекают теперь чалпак — тонко раскатанное тесто (величиной приблизительно с ташкентскую лепешку), жаренное в котле в раскаленном масле, бугурсок — ромбообразные пышки без начинки. В Ташкенте бугурсок делается круглой формы (величиной с орех или несколько больше, его бросают в раскаленное масло и жарят до тех пор, пока тесто не приобретет розовый цвет. Из кислого теста делают беляши с мясом, которые прочно вошли в узбекскую кухню, и пирожки с различной начинкой: с мясом и луком (гуштли самса), с тыквой (ошковок самса), со съедобными травами (утли самса), с капустой (карам самса), с картошкой (картошка самса), с горохом (нохутли самса). Все указанные виды самсы пекли в печах (тандырах), а в настоящее время пекут в духовках печных, электрических и газовых плит. Некоторые виды самсы делаются и из пресного теста: вараки самса — слоеная самса с мясной начинкой и жаренная в масле; тандыр вараки самса (способ приготовления последней такой же, как вараки самса, но только печется она в тандыре, а не жарится в масле), фармуда самса — четыре небольших пирожка круглой формы прилепляются друг к другу боковыми сторонами и пекутся в тандыре, и др.⁴

Из пресного теста также готовили, готовят и теперь, катламу. Это тонко раскатанное тесто, смазанное салом, растительным маслом, его накладывают в несколько слоев и зажаривают в масле или сале. Приготавливают также котирму — из раскатанного же теста, но его просто прилепляют к стенкам котла и пекут⁵; чалпак — тонко раскатанное тесто, жаренное в масле; чузма и юпка — такое же тесто, что и для приготовления чалпака, но печенное на стенках котла, предварительно смазанных тонким слоем масла. После того, как одна сторона теста испечется, его переворачивают, слегка смазывая испеченную сторону маслом, затем поверх кладут еще 10—12 слоев юпка. В некоторых местах (например, в Ташкенте) между слоями юпка кладут мелко нарезанное мясо, жаренное с луком и красным перцем. Чузма печется так же, как юпка, но каждый слой здесь складывают вдвое или вчетверо. Чузма значительно мягче, чем юпка. В Ташкенте отдельные слои чузмы так же, как юпка, перекладывают мясным гарниром. Мучные кушанья, как катлама, бу-

гурсак, чузма, готовились обычно для свадебных, семейных торжеств и поминальных обрядов, а чалпак готовили исключительно для поминального обряда.

Гилминди — также мучное блюдо. Оно широко распространено в долине Зарафшана. Приготавливается болтушка из муки и молока и кипятится на медленном огне при постоян-

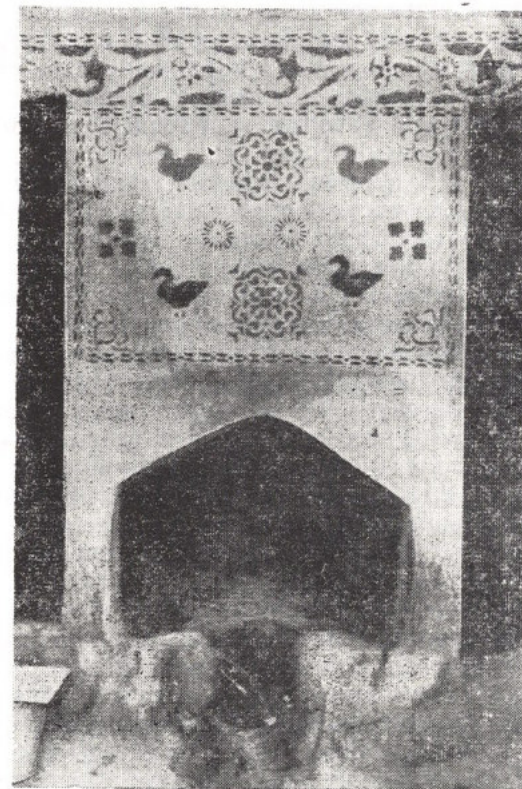

Рис. 2. Очаг внутри жилого помещения (Ферганская долина).

ном помешивании. Отдельно готово пресное тонко раскатанное тесто величиной с ташкентскую лепешку или несколько толще. После того, как обе стороны лепешки слегка обжарятся в котле, ее вынимают, наполняют двумя-тремя ложками мучной болтушки, складывают пополам и склеивают, придав ей вид полумесяца, затем опускают в кипящее масло. Гилминди считается самым сытным и лакомым угощением.

⁴ Подробно о видах современной самсы см.: К. Махмудов. Узбек таомлари, Тошкент, 1960, стр. 158—164 и 170—173.

⁵ Котирму обычно делали тогда, когда дома нет печеного хлеба или нет достаточного количества муки для лепешек. Тогда из небольшого количества муки на скорую руку приготавливают котирму.

Из муки можно делать бесконечное множество разнообразных видов кушаний. Из пшеничной муки делали аталу — жидкую похлебку, заправленную салом, умоч — затируху на пресном молоке или заправленную кислым молоком, маслом, угру (или ун-ош, кескан-ош) — тип супа-лапши, заправленного кислым, пресным молоком или маслом. Если ленты лапши делают несколько шире, рвут их руками и варят в мясном бульоне или в воде, это называется узма-ош, а жители Самарканда (узбеки юз, кырк, кунград и др.) называют это блюдо жулма-гужа. Кайла — отваренная в воде длинная лапша. После варки кайлу извлекают из котла, отцеживают воду, накладывают в тарелку, заправляют соусом из мяса и различных видов овощей. Эту же кайлу с тем же гарниром подают вместе с бульоном — лагман. Излюбленным кушаньем в прошлом кочевых и полукочевых узбеков, а также оседлого населения (особенно жителей Ташкента) является норын или бешбармак, сделанный из тонко раскатанного теста из пшеничной муки. После того, как куски теста предварительно сварятся в мясном бульоне или в воде, их вынимают из котла и раскладывают каждый кусок в отдельности (чтобы не прилипли друг к другу) и остужают. Из этого теста режут мелкую лапшу. Так же мелко режут баранье мясо, сало или сваренную конскую колбасу (казы) и мелко нарезанный лук. Все это (лапша, мясо, сало или казы и мелко нарезанный лук) смешивают вместе и подают, мясной бульон подается отдельно. Норын подается и вместе с бульоном, больше всего это принято у кочевых и полукочевых в прошлом узбеков (кипчаков и др.).

Из пшеничной муки делали также кайиш или кулчу. Тонко раскатанное тесто режется небольшими квадратами (умещающимися на ладони взрослого человека) и варится в кипяченой воде, заправляется мясным соусом, кислым молоком или маслом. Кулча-той: тесто приготавливают так же, как при кулче, но иногда квадраты режутся размером поменьше, варят же их в мясном бульоне. Готовый кулча-той выкладывается на плоское блюдо. Поверх сваренного теста укладываются нарезанные небольшими кусками вареное мясо, морковь, репа. При этом в отдельной посуде подавался бульон, которым запивался кулча-той. Если тонко нарезанное тесто, приготовленное как и для кулча-той, варится в кипящей воде и заправляется жареным луком, то называется оно мойкулча (у узбеков Самаркандской области), у ташкентцев называется шилпилдок. Последний, кроме масла, заправляется мясным и овощным соусом.

У оседлых, а также кочевых и полукочевых узбеков были широко распространены пельмени с рубленным мясом и луком, которые называются у большей части узбекского насе-

ления — чучвара или барак (у узбеков бассейна Зарафшана), ови (у кипчаков Северной Ферганы). Кушают пельмени как с бульоном, в котором они варились, а также без бульона, заправляя их кислым молоком, топленным или растительным маслом. Иногда (например, в Ташкенте) пельмени жарят в масле (кавурма чучвара), которые подаются на свадебных, семейных торжествах и на праздники. В городах и крупных населенных пунктах любят манты — вид пельменей крупного размера, в мясную начинку которых кладутся мелкие куски курдючного сала, мелко нарезанный лук, а в летний период кладут небольшую дозу укропа, кашныча. Манты варятся на пару, на особых решетках (манты-казан или каскан).

Среди узбеков распространено кушанье куймок — оладьи, для чего приготавливалась болтушка из пшеничной муки, пресного молока, масла и яиц. В Самаркандской, Бухарской, Сурхандарьинской и Хорезмской областях славится лакомое кушанье тухум-барак или маяк-барак. Для этого из куса тонко раскатанного теста (величиной приблизительно 8×8 см) делают продолговатые конвертики (или же придают этим конвертикам вид полумесяца), через верхнее отверстие которых наливают заранее приготовленную болтушку из яиц и топленого масла. Варят тухум-барак в кипящей воде. На блюде их заправляют кислым молоком.

Ряд видов кушаний приготавливали и из джугарной муки: буламук или бломик. Это густосваренный мучной кисель, разведенный пресным молоком и заправленный кислым молоком, маслом; для получения сикмона делали мягкое тесто, которое выжимали и выдавливали между пальцами в мясной кипящий бульон или в суп с машем; куртук — небольшие блинчики варятся в мясном бульоне или в воде. В последнем случае их едят, заправляя кислым молоком, маслом.

Выше мы рассказывали о мучных блюдах, для которых главным образом употреблялась пшеничная мука. Но из пшеницы, ячменя, джугары приготавливали еще целый ряд других видов кушаний, например, талкон. Готовился он из только что созревшего ячменя, который предварительно поджаривался в котле, очищался от шелухи и после этого измельчался в ступке. Затем полученную сечку и муку опять жарили в котле, добавляя туда немного масла, сахара (или сушеной дыни, тутовых ягод); ковурмоч — жаренная в котле на масле пшеница⁶. Ярма или жарма — похлебка, приготовленная из пшеничной или просяной крупы, которую заправляли маслом, пресным или кислым молоком. Ярму варили и вместе с

⁶ В Ферганской долине ковурмоч делается и из дробленого риса (окишок).

тыковой. Из пшеничной и ячменной крупы готовили (в частности узбеки долины Зарафшана, Сурхандарьи) густую похлебку — гужа-ош, бугдой-гужа (из пшеницы), арпа-гужа (из ячменя).

Из пшеницы готовили такие виды обрядовых кушаний, как халим и сумалак. Халим обычно готовился односельчанами коллективно по случаю религиозного праздника — курбан-хайта. Для этого варили пшеницу (в натуральном виде) вместе с мясом (баранина, говядина и редко — конина) в течение 10—12 часов, затем раздавали как односельчанам, так и прохожим, нищим. Сумалак, весьма распространенное в прошлом обрядовое кушанье, готовилось также коллективно⁷. Варили сумалак весной из муки и пшеничного сока (солод). Последний получался путем искусственного проращивания пшеницы. Полученные зеленые ростки (майса) рубились большим ножом (ош-пичок) и из массы выжимался сок. В одном из дворов устанавливался большой котел. Каждая женщина, желавшая принять участие в приготовлении сумалака, приносила по одной-две чашки муки и вручала ее кайвони, которая избиралась из среды опытных женщин, старших по возрасту⁸. Пшеничный сок и собранную муку опускали в котел, мешали, добавляя требуемое количество воды. Содержимое в котле варилось всю ночь. Утром следующего дня женщины приходили со своими чашками, и начиналась раздача сумалака.

Из джугары готовили кашевидную похлебку — джугари-гужа или просто гужа. Похлебка варилась и из проса — тарык-гужа, из итальянского проса — кунок-гужа. Гужа варится в воде и заправляется простым или кислым молоком. Она употреблялась как в горячем, так и в холодном виде. Из маша (сорт бобовых) готовили жидкий суп мошова; из маша и риса — мош-гуруч или мош-хурда. Варили этот суп как на мясном бульоне, так и без мяса, в масле, поджаренном с луком. Приправой для него служил укроп, кашныч, мелко нарезанный лук (особенно зеленый), красный и черный перец. Из маша с прибавлением в него риса готовили густую кашу — кичири или маш-кичири, заправляли маслом.

Рис использовался для приготовления жидкого супа — хурды или маставы, варился он в мясном бульоне или в бульоне, заправленном жареным луком с мелконарезанным мясом.

Из риса готовили также жидкий молочный суп — ширхурду и густую молочную кашу — ширгурунч или ширбиринж. Повсеместно употреблялась густая каша из риса с мясом и морковью — шавля. Варили эту кашу на растительном масле или животном сале. Такую же кашу варили (но без моркови) с прибавлением ловия (сорт бобовых).

Однако самым излюбленным кушаньем и традиционным блюдом узбекского народа является плов (палов), приготовляемый из риса в сочетании с мясом, луком и морковью. В него кладут жир, растительное или животное (обычно баранье) сало. В зависимости от мяса, способа приготовления и приправы плов имеет десятки оттенков. Особенно выделяется ферганский плов (ковурма-палов), самаркандский (софи или софаки-палов), хорезмский (чалов). Своеобразным вкусом обладает плов, который варится на обрядовых пиршествах (туй-палов или туй-ош).

В прошлом плов был пищей зажиточных людей. Основное население готовило плов только как праздничное блюдо и для приема гостей, в бедных семьях плов вообще являлся очень редким кушаньем. В настоящее время в городах и селениях плов стал обыденной пищей.

Плов с голубцами (кавардак палов) делается в основном в мае и июле, т. к. для голубцов идут только свежие виноградные листья. Однако теперь население научилось консервировать эти листья, что дает возможность готовить кавардак палов в любое время года. Для плова с голубцами мясо рубится с луком, после чего заворачивается в листья, каждый голубец перевязывается ниткой. Кладут голубцы в котел еще до риса.

Большое место в пищевом рационе узбеков занимает мясо (гушт) и мясные блюда. Мясо кладется во многие виды кушанья. Оно употребляется как в горячем, так и в остывшем виде (яхна-гушт). Те виды жидкой пищи, где отсутствуют мясо и жиры, узбеки называли «явгон».

Чаще всего употребляются баранина (куй-гушти), говядина (мол-гушти), козлятина (эчки-гушти), реже курятина (товук-гушти) и рыба (балык). Верблюжатину и конину в основном употребляли в прошлом полуоседлые узбеки. Однако жители Ташкента в значительной степени предпочитали конину.

Из мяса готовили крепкий бульон — шурво, самое излюбленное кушанье в прошлом полуоседлых узбеков. Оно повсеместно было распространено и среди оседлых узбеков. В шурво

⁷ В. П. Наливкин и М. В. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 126; К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 160—161.

⁸ Женщина, возглавлявшая варку, называлась «кайвони». Видимо, это искажение иранского термина «кятбону», т. е. госпожа, хозяйка дома (Г. П. Снесарев. Материалы о первобытнообщинных пережитках в бычаях и обрядах узбеков Хорезма, Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1937 г., М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 138).

кладут (кроме мяса) лук, морковь, тыкву, репу, красный перец и др. При употреблении полуоседлые узбеки крошили в шурво мелкими кусочками лепешку (оби-нон и особенно патир). Любимым кушаньем ферганских кипчаков была укма, приготавливаемая из легких овцы или козы. В легкие через гортань вливали 6—8 литров пресного молока, смешав с 1 кг курдючного сала. Затем, крепко завязав гортань шнурком (чтобы молоко обратно не вылилось), легкие опускали в мясной бульон (шурво).

Из мяса еще готовят кавоб или кокурма — жарятся порезанные мелкими кусочками мясо, почки, сердце, тонкие кишки и проч. с салом. Туда же крошатся мелкие кусочки лепешки. Тем же способом жарили зарезанных ягнят⁹ — барро-кавоб. Это очень распространенное кушанье узбекских овцеводов в летний период. Среди городских жителей и жителей крупных населенных пунктов был широко распространен жаренный на углях шашлык — сих каваб или просто кавоб.

Любимое кушанье из мяса у полуоседлых в прошлом узбеков и некоторых сельских жителей являлся тандыр кавоб или комма. Этот вид кушанья был широко распространен в некоторых районах Самаркандской, Бухарской областей и почти во всех районах Сурхандарьинской области. Особенно интересен способ приготовления этого вида кушанья. Зарезав овцу или козу, тушу освежевывали и очищали внутренности. Все, что шло в пищу, хорошо мыли, опять складывали внутрь туши и зашивали. Тем временем копали яму глубиной 60—70 см, разводили в ней огонь и поддерживали его до тех пор, пока стенки земляного очага не накаливались. После этого жар слегка заливался водой, чтобы получить побольше пару. Все четыре ноги туши связывались вместе, между связанными ногами продевался железный прут, и туша опускалась в яму спиной вниз. При этом прут упирался в края ямы, удерживая тушу таким образом, чтобы она не касалась раскаленных углей. Поверх туши кидали шкуру убитого животного, предварительно хорошо отделив ее и опалив шерсть на огне, и засыпали землей. Для выхода пара в тушу вставлялась трубочка (из камыша или носик сломанного хозяйственного сосуда — обдаста, верхняя часть которого, после того, как яма засыпалась землей, должна оставаться снаружи). Это же кушанье готовят теперь в тандыре, в котором обычно пекут лепешки. После того, как опустят туда тушу, верхнее отверстие тандыра плотно замазывают глиной. Комма или тандыр кавоб кушанье очень трудоемкое, на приготовление его идет целый день.

⁹ Особенно каракульских ягнят, шкурки с которых снимали для продажи.

Своеобразным национальным блюдом узбеков (особенно оседлых) является хасиб — колбаса из кишок барана или козы, куда кладется рис, мелко изрубленная селезенка, немного мяса, лук, кусочки курдючного сала. По вкусу добавляется кашныч, укроп. В процессе варки хасиб выделяет в воду жир, при незначительной приправе (лук, морковь, репа, кашныч, укроп и др.) отвар превратится в крепкий и вкусный бульон (хасиб шурво). Колбаса, сделанная из конины в смеси с конским жиром, также считается вкусным кушаньем.

Узбеки отличаются своим гостеприимством. Народная пословица гласит «мехмон отадан улуг» — «гость важнее отца». Когда в дом приходит гость, его стараются встретить достойно. У полуоседлых узбеков в прошлом бытовал обычай резать в честь почетного гостя барана или козла. Вначале гостю подают зажаренные в сале куски мяса, печень, сердце, почки, а вслед за этим, сделав некоторый перерыв, подавали бульон (шурво) и вареное мясо.

Когда крошат мясо, поставленное для угощения, то гостю дают самые лучшие куски. У отдельных в прошлом полуоседлых узбеков (например, у карлуков и кипчаков) самым почетным считались голени задних ног барана вместе с костью — токмалок, а также грудинка — туш и мясо с ребер — пичча. Токмалок подавался почетному гостю, а при отсутствии таковых — главе семьи. Его же подавали и жениху (у карлуков, кипчаков), когда он в свадебный вечер приходил в дом невесты. Токмалок, как видно, олицетворял щедрость жениха, а при подаче гостям — считался символом богатства и щедрости хозяина дома. Если жених накануне свадьбы не дал родителям невесты (у карлуков и кипчаков) обещанное количество овец или коз, то ему в свадебный вечер не подадут обычного токмалока. Этим самым дают понять, что он (жених) жадный и не достоин почта. А что касается пичча и туш, то эту часть бараньей туши обычно подавали (у карлуков) гостям из своего племени.

У многих узбеков дештикипчакского происхождения бытовал обычай подавать почетному гостю вареную голову, ножки. Этим самым хозяин дома показывал пример высокого уважения к гостю. А узбеки карлуки и тюрки считают указанный обычай предосудительным и подают голову только в кругу своей семьи. Причем детям до совершеннолетия баранью голову не дают.

Мясо заготавливали впрок. В летний период полуоседлые в прошлом узбеки резали нескольких овец и коз, мясо которых засаливали и сушили на солнце, запасаясь на зиму. Сушеное мясо хранили в шерстяных мешках — гушт-халта. Сало растапливали и сохраняли в глиняных горшках — хумах. Мясо долго хранилось и в вяленом виде. Было распро-

странено также хранение мяса жареными мелкими кусочками и залитого салом. Хранили его в глиняных кувшинах или в специальных мешках, сделанных из овечьих или козьих желудков.

Мелкие куски лепешки, залитые горячим супом из зажаренного мяса, составляли повседневную горячую пищу многих узбекских семей в зимний период.

В настоящее время население городов и селений бесперебойно снабжается мясом через государственные магазины и колхозные рынки. Кроме того, в ресторанах, столовых (ошхона), закусочных и чайных, имеющих в большом количестве не только в городах, но и сельских местностях, готовят преимущественно мясные блюда. Чаще всего это шурво, плов, шашлык, манты и другие виды национальных блюд. В большом ходу также блюда европейской и кавказской кухни. В столовых промышленных предприятий и на полевых станках колхозов тоже преимущественно мясная пища. В силу этого потребление мяса узбеками, по сравнению с дореволюционными годами, сильно возросло.

Итак, в состав большинства видов национальных блюд входят в основном продукты земледелия. Продукты животноводства, сочетаясь с разнообразными сельскохозяйственными культурами, еще больше расширяли пищевой ассортимент узбекского народа.

В создании национальных блюд основная роль, несомненно, принадлежала оседлой части узбекского народа, но значительную долю внесли и полуоседлые в прошлом узбеки. Точно так же нельзя не заметить некоторых фактов заимствования отдельных продуктов и видов блюд оседлыми узбеками у полуоседлых, и наоборот. Например, такое кушанье, как комма шурво, являвшееся лакомым блюдом в прошлом полукучевых узбеков, было позаимствовано оседлым населением. Такие виды, как мошхурда, мош-кичири, гужа, буламык и др., приготовляемые из сельскохозяйственных продуктов, были широко известны и полукучевым узбекам.

Рыбу узбеки употребляли в основном в жареном виде. В домашних условиях рыба использовалась очень редко. Обычно ее приготовлением занимались специальные повара (балык-паз) на городских рынках или на базарах крупных населенных пунктов. Жарили рыбу в растительном масле в котлах. У узбеков — рыбаков дельты Амударьи — рыба естественно использовалась чаще и ассортимент блюд из нее был разнообразнее. Они заготавливали рыбу и впрок. Коптили в печах или, выпотрошив и разрезав на тонкие слои, солили, вялили. Такая рыба называется какмач¹⁰.

¹⁰ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 347.

В большом употреблении, особенно в летний период, было молоко (сут). Как уже было сказано выше, молочные продукты широко применялись для заправки различных видов кушаний.

Коровье, овечье и козье молоко шло как в пресном, так и в заквашенном виде (катык). Из молока или молозива (огиз сути) только что принесшего плод рогатого скота (корова, овца и коза) делали лакомые блюда в виде запеканки — огиз и каганок (последнее название узбеков низовий Кашкадарьи), а уже из второго, третьего надоя молока (но все еще сохранявшего в своем составе молозиво) делали жидкое кушанье далама (у населения Бухарского оазиса и низовий Кашкадарьи).

Заквашенное молоко в большом количестве (особенно у полуоседлых узбеков) употреблялось в летний период. Из кислого молока при добавлении сырой воды и соли получался приятный напиток айран или чолоб.

В большом употреблении у полуоседлых в прошлом узбеков было верблюжье и кобылье молоко. Из верблюжьего молока тоже делали остро кислый напиток айран (туя-айран), а из кобылье молоко — слегка опьяняющий — кымиз или кумыс.

В настоящее время как пресное молоко, так и простокваша, кефир продаются жителям городов и крупных населенных пунктов государственными продуктовыми магазинами, которые получают продукцию со специальных молочных комбинатов.

В домашних условиях из коровьего, овечьего и козьего молока получали сливки (каймак). Их делали из пресного кипяченого молока или же из заквашенного кислого молока. Более распространенным является первый способ. Для этого кипятят молоко и дают ему слегка остыть, после чего на поверхности образуется слой сливок, которые собирают в отдельную посуду. В городах и крупных населенных пунктах сливки, как и молоко, продавались. В сельских же местностях сливки собирали и растапливали, получая таким образом топленое масло (сарыг ёг). Такой способ получения топленого масла был распространенным среди оседлой части узбеков.

Полукучевые в прошлом узбеки животного молока. Если заквашка делалась сразу в большом количестве, то из нее в тот же или на другой день сбивали масло в специальных сосудах — кувии (или кубе, гуппи)¹¹ при помощи мутовки — палки

¹¹ Маслобойка (куви) представляет собой высокий (70—80 см) узкий сосуд. Он бывает деревянный, выдолбленный из ствола дерева, или же делается из обожженной глины. В один прием в кувии вмещается в среднем 10 литров разведенного кислого молока (айрана).

(пишкак или пишкек) с крестовиной на конце. Это быстрый способ получения топленого масла, а вот другой. Незначительное количество кислого молока, оставшееся после сбивания, выливали в специальный мешок — айран-халта (или сузьма-халта, чакка-халта, касма), сделанный из шерстяной материи — шал (желательно из верблюжьей шерсти). В такие мешки вмещается до двух пудов сузьмы. Небольшие мешки (вмещавшие 5—10 кг сузьмы) делались и из хлопчатобумажной материи — маты как фабричного, так и ремесленного производства. Мешок (сузьма-халта) подвешивался на двух стойках. Постепенно из мешка вытекала сыворотка и оставалась там только густая масса в виде творога — сузьмы¹². Когда же мешок наполнялся до краев, все содержимое перекладывалось в котел или в другую посуду, разбавлялось теплой водой и определенными дозами вливалось в маслобойку, где при помощи мутовки сбивали масло. Сбивание каждой дозы продолжалось 30—40 минут. Вначале появлялся слой жира, называемый маска, который вылавливался деревянной ложкой при помощи специального прибора — атлау (у узбеков дельты Амударьи), ручка которого сделана из куска выдолбленного рога¹³. Маску, полученную после сбивания молочной массы (сузьмы), полуоседлые в прошлом узбеки перетапливали и получали топленое масло. Но чаще маску кладут в специальный мешок, сделанный из желудка овцы или козы, засыпают солью и выдавливают воздух, крепко завязывая отверстие. В таком положении маска сохранялась в течение года.

Оставшуюся после сбивания масла молочную жидкость, разбавленную водой (айран), солили и опять вливали в мешок, чтобы отцедилась вода. Спустя некоторое время айран опять сгущался. Из этой густой массы делали небольшие комочки круглой или продолговатой формы, их сушили на солнце до твердости. Это кисло-соленый сыр — курт или курут, он хорошо сохраняется. Употребляется курт с чаем вприкуску или распускается в горячей воде и используется в виде приправы для некоторых видов пищи. Из него также можно сделать кушанье — курутова. Оно было в ходу в бедных узбекских семьях дореволюционного периода. Способ приготовления курутова очень простой. Жидкую массу, полученную из кислого сыра после того, как он распустится в горячей воде, кипятят, разбавляя топленным маслом, и подают в жидком виде в косе.

¹² В Самаркандской, Бухарской и в некоторых районах Сурхандарьинской областей сузьму называют чакка.

¹³ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 373.

Из густой массы (сузьмы), кроме курута, делается еще сладкий сыр — иримчик и прессованная и слегка присоленная творожная мука гурак¹⁴. Для приготовления гурака творог кладется в котел и выпаривается до густоты. Выпаренный творог выкладывают на доску и сушат в течение суток. Просохшую творожную массу разминают руками и просеивают через сито — эляк (или илек в Хорезме). В полученную таким образом творожную муку добавляют немного соли, перемешав складывают ее в кожаный или из маты мешок и кладут под пресс. Гурак обычно сохраняется на зиму, он служит в качестве приправы или для приготовления напитка, напоминающего кислое молоко (катык). Разбавленный водой катык называется чолоб, а у узбеков дельты Амударьи — чулак¹⁵.

Сладкий сыр — иримчик — также готовится из выпаренной творожной массы, но без соли, высушивается на солнце и употребляется непосредственно после приготовления.

В большом употреблении у узбеков (как в прошлом, так и теперь) баранье и говяжье сало, которое предварительно жарят и затем уже употребляют в пищу. Кроме сала и масла животного происхождения, употреблялось также растительное масло (зигир-ёг, жувоз-ёг), выжимаемое в прошлом на примитивных маслобойках (жувоз). Получали это масло из различных смесей семян масличных культур (кунжута, льна, индау, дыни и др.). Теперь в массовом употреблении находится заводское хлопковое масло. При приготовлении пищи растительное масло предварительно сильно накаливают, так удаляются запах и горький привкус. Прочно вошло в употребление узбеков сливочное и топленое масло, приобретаемое в магазинах.

В пище узбеков в качестве приправы в значительном количестве используются различные как дикорастущие, так и культурные пряные травы: мята (ялпиз), душица обыкновенная (джамбил), базилик (райхон), буним персидский (зра), кишнец посевной (кашныч), укроп, петрушка, барбарис (каракант), перец черный (мурч), перец красный (каламбир, гаримдори) и др.

Употребляются самые разнообразные виды овощей. В большом количестве употребляется лук (пиёз), морковь (савзи). Важное место в рационе питания узбеков занимают также тыква, репа, огурцы, тарра. Последний вид овощей по виду и вкусу напоминает огурец, но значительно длиннее, чем

¹⁴ Иримчик и гурак делают у узбеков дельты Амударьи.

¹⁵ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 373.

последний. Тарра был распространен в ряде районов Ферганской долины. Едят его в сыром виде¹⁶.

В колониальный период началось культивирование таких видов овощей, как картофель, помидоры, капуста (карам), и многих других. Однако вплоть до Октябрьской социалистической революции не получили они широкого применения в кухне узбеков. В настоящее время указанные виды овощей производятся колхозами и совхозами Узбекистана в большом количестве. С появлением помидоров был изобретен особый вид салата — аччик-чучак (в Ташкенте), шакароб (в Бухаре), который делается из мелко нарезанных помидоров, лука с добавлением огурцов.

Летом большое место в питании узбеков занимают свежие фрукты: урюк, тутовые ягоды, персики, яблоки, груши, вишня, виноград, гранаты, айва и многие другие. Некоторые сорта винограда, яблок, а также айвы, груши сохраняются в свежем виде всю зиму.

Для семейных нужд готовят варенье (кием, мураббо) из таких видов фруктов, как урюк, вишня, яблоки (особенно мелких сортов), инжир и др. Из тутовых ягод, винограда или дыни делают патоку (шинни), являвшуюся одним из лакомых видов сладостей.

Важное место в питании (особенно сельского населения) в летний период занимают такие виды огородных культур, как дыни и арбузы. Из дынь делали некоторые виды продукции, как, например, кавун-коки (сушеная дыня) и кара-курут (у узбеков долины Кашкадарьи). Эти продукты заготавливались в избытке.

Кавун-коки получается следующим образом: дыня разрезается на множество тонких частей, с них снимается кожура, а мякоть оставляется сушиться на солнце, затем, не совсем еще высушенные, собирают вместе несколько полосок, закручивают их или кладут друг на друга. В таком виде они сохраняются всю зиму. Для кара-курута выжимают сок из дыни и арбуза, потом его варят в котле, добавляя туда немного муки. Полученную массу выкладывают ложкой на скатерть или циновку отдельными кучками и сушат на солнце. В сушеном виде масса приобретает черно-коричневый вид и потому носит название кара-курут (буквально — черносушеный).

Зимой и весной, вплоть до появления свежих фруктов и овощей, в большом употреблении сушеные фрукты, особенно такие, как изюм, урюк, а также косточки урюка, фисташки, миндаль и др.

В городах дореволюционного Узбекистана было очень раз-

вито кустарное изготовление различных видов кондитерских изделий. Многие виды сладостей не приготавливались в семье, а покупались в готовом виде у торговцев.

Производством кондитерских изделий особенно славилась Бухара¹⁷. Здесь готовили различные сорта халвы на жире. Наиболее распространенными сортами были пашмак и тери, известные у русского населения Средней Азии под названием «мочалка»¹⁸. Эти оба сорта халвы приготавливались из муки и жира, разница между ними заключалась в пропорции жира и муки. На пашмак сала шло гораздо меньше, чем на халву тери, поэтому пашмак отличался ломкостью. Своеобразна была халва сабуни — в виде небольших конусов, по форме и виду напоминающих местное мыло (отсюда и название халвы). Халва лафзи приготавливалась с толченым миндалем, урюковыми косточками, фисташками или грецкими орехами. Особой славой пользовалась жирная, тающая во рту халва оби-навог, приготавливаемая на лучшем кунжутном масле.

В Бухаре и в других крупных городах Средней Азии вырабатывался и вырабатывается теперь кристаллический сахар — навог. Для его приготовления в котле, наполненном насыщенным раствором сахара, натягивались от края до края нитки, на которых при остывании сахар оседал крупными кристаллами. Навог имел большой спрос, считался лечебным, «горячительным» средством. Его применяли как лекарство от слабости.

Халвогары занимались и изготовлением местных сортов конфет, которые так же, как и халва, делались из сахара и муки, но без жира. Наиболее распространенными были белые конфеты в форме подушечек — печак и в виде бугристых белых шариков с жареной горошинкой посреди — кандалот. Эти конфеты чаще всего подавались на свадьбах, их белый цвет имел символическое значение. Широко были распространены леденцы, нередко окрашиваемые в яркие цвета. Производство их в Бухаре выделялось в особую отрасль (каннот). Был распространен также своеобразный сорт конфет кандипечак, тянущийся леденец. Он был оформлен в виде длинной палочки, завернутой в яркие бумажки, концы которых завязывались бантами. Это лакомство покупали для детей.

К мусульманским праздникам приготавливали традиционную нишалду — пенистую жидкую массу из сахара (или виноградной патоки), яичного белка и отвара мыльного корня. Бухара славилась производством варенья из роз, для чего здесь был выведен специальный сорт чрезвычайно душистых

¹⁷ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, Ташкент, 1962, стр. 122—124.

¹⁸ О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 123.

¹⁶ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 112.

роз — гули мураббойи, другие сорта на варенье не шли. Это варенье, а также приготовляемый из сахара и розовых лепестков леденец — гулканд, считались целебными¹⁹.

Эти сладости в повседневном быту широко слоев населения употреблялись мало, они были достаточно дорогими. Их покупали к семейным праздникам или для поминальных обрядов. Традиции приготовления местных сладостей сохраняются и в настоящее время. Мастера-кондитеры работают в мастерских, объединившись в артели промысловой кооперации. Приготовление местных сладостей освоено и кондитерскими фабриками. Однако теперь имеют большой спрос разнообразные виды фабричных кондитерских изделий. По всему Узбекистану и за его пределами известны изделия ташкентской кондитерской фабрики «Уртак».

Большое место в питании узбеков занимает чай. В колониальный период он имел меньшее распространение, а уже в конце XIX — начале XX в. чай вошел в обиход повсеместно. В большей части территории Узбекистана пьют зеленый чай. Лишь в Ташкенте и в районах Ташкентской области употребляют черный чай. Его пьют как в общественных местах (чайхана), так и в семье. В большинстве случаев чай пьется без сахара. Воду кипятили в своеобразном кипятильнике — кумгане (чайгум, чайджуш) и в самоварах. Заваривается чай в фарфоровых чайниках, пьют его из небольших фарфоровых пиал. В настоящее время вошли в широкий обиход жестяные чайники-кипятильники промышленного производства.

Наряду с обычным чаем был распространен способ приготовления чая с прибавлением молока, соли, жареного сала или топленого, сливочного масла, что называлось «ширчой» (буквально — чай с молоком). И по сей день ширчой пьют во время утреннего завтрака в отдельных семьях (в особенности в сельской местности). Был распространен еще один способ приготовления чая — кара-чай или ёглик-чай. Для этого крошат в чашку (косу) мелкими кусочками лепешку, кладут немного жареного сала или топленого масла и соли, а затем заливают горячим только что заваренным чаем. Если вместо масла или сала в чашку кладут сливки (каймок), то такой чай называется иначе — каймок-чай. Он был очень распространен в прошлом в Бухарском оазисе. Кара-чай шел также утром на завтрак. Теперь его готовят редко.

У городского населения вошло в быт пить чай не только с лепешками, но и с хлебом, булочками со сливочным маслом, печеньем и др. В тех семьях, где есть корова (в основном в сельских местностях), на завтрак нередко подают пресное, кислое молоко, сливки или топленое масло. В зимний период

во многих семьях сельской местности и в отдельных семьях горожан по утрам регулярно готовят ширчой.

Раньше в полдень горячая пища не готовилась, поскольку взрослые члены семьи в это время были еще на работе. Летом, вместе с чаем и хлебом в середине дня ели фрукты, салат из помидоров, дыню, арбуз и др. Однако следует сказать, что в отдельных семьях городской и сельской интеллигенции закрепился постоянный режим — регулярно готовить обед к середине дня. Большая часть интеллигенции в это время обедает также в местах общественного питания: в столовых, кафе, чайных. На полевых станах колхозных бригад готовится обед, где члены бригад, работающие в поле, получают горячую пищу.

Горячий, сытный обед дома готовился лишь вечером. Узбеки ели сидя на полу, образуя круг. При этом старшие в семье и гости сидели на почетном месте. Перед тем, как принести пищу, стелили скатерть на полу или на низком столе (хон-тахта, чор-поя)²⁰. Во многих семьях (особенно городских) принято ставить на скатерть поднос с хлебом, сладостями. В наше время прочно вошло в быт завтракать или обедать за столом, сидя на стульях.

Жидкие блюда обычно подают каждому сидящему за столом в отдельных чашках или тарелках, а густую — на большом блюде. Такое блюдо подавали для всех сидящих, если их немного, или на несколько человек вместе. При этом первому блюду подается старшему члену семьи или гостю. По обычаю, сидящие за столом начинают есть тогда, когда начнет старший. Кушают при помощи деревянных или металлических ложек (кошик). Такой вид пищи, как плов, брали рукой.

В дореволюционном Узбекистане почти все виды густой пищи брали рукой, а жидкую как гости, так и члены семьи ели из одного или нескольких общих блюд. Такие общие блюда назывались (например, у карлуков) иннок-товок, что буквально означает блюда братства. Лица, евшие совместно из одного блюда, называли друг друга хам товок, буквально — люди общего блюда. Подавалась всего одна ложка и все ели по очереди этой ложкой.

Из опьяняющих напитков узбеки любили бузу, приготовляемую из проса и ячменя, и виноградное вино (мусаллас), которое употреблялось оседлыми жителями междуречья еще с древнейших времен. С распространением в Средней Азии мусульманства производство и потребление вина сильно со-

¹⁹ О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 124.

²⁰ В зимний период такой столик обычно заменяет сандал — столик, поставленный поверх комнатного очага.

кратилось, но не исчезло совсем. Оно уже не могло употребляться открыто, т. к. это строго преследовалось.

На образе жизни узбеков всегда очень сильно отражались пережитки родового и общинного строя, характерные черты старого быта. Тяжело ложился на бюджет трудового народа обычай обязательного обильного угощения всех родных, соседей и обитателей своего или даже соседних кварталов, селений при праздновании различных событий в семье (рождение ребенка, обрезание, свадьба и др.), а также при совершении похоронных и поминальных обрядов. И в наши дни все еще достаточно широко влияние привычки соблюдать все обряды в первозданном виде. Если широкое гостеприимство, обычай делиться всем с соседями и близкими должны поощряться, то расточительные пиршества и колоссальная трата денег и сил при этом не могут вызвать одобрения. Следует заметить, что молодое поколение все более утверждается в мысли о бессмысленности соблюдения этих обрядов и мало-помалу освобождается от влияния пережитков прошлого.

По народным представлениям, вся пища делилась на холодную, холодящую (савуклик) и горячую, горячащую (исиклик). Это старое, известное еще с давних времен, деление основано было якобы на делении темпераментов людей на холодные и горячие. В здоровом состоянии человек обычно не обращал внимания на состав пищи, но в случае болезни соблюдение соответствующей диеты имело большое значение, так как считалось, что человеку с холодным темпераментом полезна горячая пища, и наоборот.

Все сладости считались горячими. Из жиров горячими считалось, например, баранье и конское сало, ореховое масло; холодными же — говяжий жир, растительное масло; из злаков горячими считались: озимая пшеница, маш, кукуруза; холодными — яровая пшеница, джугара; из овощей горячими — тыква, морковь, свекла; холодными — репа, лук; из фруктов: горячими — дыни, груши, гранаты, винные ягоды (инжир); холодными — персики, яблоки, урюк и т. п. Молочные продукты считались в большей своей части холодными.

Отражением магических воззрений было перенесение на пищу свойств употреблявших ее людей. Поэтому считалось, что употребление остатков пищи ученых или ишанов, например, детьми, могло способствовать усвоению ими учености от первого или благодати от второго. Так как гость рассматривался в старом быту как лицо священное, как «дар бога», то и остатки пищи гостя считались обладающими благодатью и охотно съедались. В наши дни подобные представления в основном изжиты из сознания широких слоев населения. Отголоски их сохранились лишь среди отдельных отсталых людей.

Приготовлением почти всех видов пищи в узбекских семьях занимались женщины. Только на больших общественных угощениях (туй, гаштак, тукма и др.), некоторые виды кушаний, как плов, манты, шурпа, шашлык, готовили повара-мужчины.

Пища готовилась в чугунном котле — казане. Кухонная утварь состояла из металлической шумовки (капгир), ножа (пичок), большого тяжелого ножа с широким лезвием (ош-пичок или чопгич) и различных видов посуды. Посуда у полуоседлых в прошлом узбеков была сделана в основном из дерева, а у оседлых — из глины. Из дерева делали чашку — ёгоч-коса; блюдо, несколько большее, чем чашка, — ёгоч-товок; большое деревянное блюдо — карсан (у карлуков, кипчаков и узбеков дельты Амударьи), ложку — кошик или ёгоч-кошик; черпак — сусок, сузгич или чумич. Обязательными в домашнем обиходе были плетеная шумовка (чавли, чулпи) для вылавливания лапши, пельменей из кипящей воды; большие и маленькие плетеные корзины — сават²¹ и др.

Из глины были сделаны чашки — тош коса или сапол коса; блюдо — тош-товок или сапол-товок; большая глубокая миска — тогора или тош-тогора — для замешивания теста; различные виды сосудов для хранения воды: большой конусообразный сосуд — куза или тош-куза; такой же сосуд меньшего размера — гулча, тумча; небольшие сосуды для умывания — кумган (в Ферганской, Ташкентской, Хорезмской областях), дастшуй, обтова (в Самаркандской, Бухарской, Сурхандарьинской областях) или обдаста (в Ташкенте). Глиняными были также различных размеров кувшины: большие — хум, для хранения воды, зерна; небольшие — хумча, для хранения масла; крынки — хурма, а маленького размера — хурмача, для молока, и др.

В прошлом у оседлых узбеков была широко распространена посуда, сделанная из тыквы-горлянки (ковок), в которых носили воду (сув-ковок), держали молоко (сут-ковок).

Перед приготовлением любого вида пищи из муки, последняя предварительно просеивалась через сито (эляк). Мука просеивалась на скатерть, сделанную из бараньей или козьей шкуры — супра. Лицевая сторона супра, куда просеивалась мука, очищалась и хорошо обрабатывалась. Тесто замешивалось в большой глиняной миске (тогора), а у полуоседлых в прошлом узбеков для этого использовалось деревянное блюдо (карсан) или же котел (козон). Раскатывалось тесто при по-

²¹ Сават бывает двух видов: плоский — для хранения лепешек, сушеных фруктов и др., и глубокий, в котором сохраняли молоко, мясо.

мощи длинной скалки — уклад; были еще скалки небольшого размера, но сравнительно толстые — жува.

У городских и сельских жителей, помимо глиняной и деревянной утвари, немало встречалось предметов, сделанных из металла: чугуна — кумган, това и др., бронзы — поднос, медали — самовар, котел, обдаста, кумган и др. Были распространены также фарфоровые изделия (чайники, пиалы, лаганы и др.). Однако эти предметы, особенно фарфоровые, в основном были у зажиточной части населения.

В настоящее время фарфоровая посуда прочно вошла в быт, а для хранения продуктов и приготовления пищи используется алюминиевая, эмалированная, фаянсовая, стеклянная и пластмассовая. В узбекских семьях имеются такие предметы кухонного обихода, как металлические ложки, вилки, стеклянные и хрустальные рюмки, графины, стаканы и др., которые в прошлом были редким явлением даже в зажиточных домах. Все это говорит о том, что с изменением условий жизни, с улучшением материального благосостояния произошли изменения в традиционной узбекской пище и предметах кухонного обихода.

К. Кубаков

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ СЕМЬИ

В Советском Союзе в процессе успешного строительства социализма возникла новая в истории человечества семья высшего типа. Она развивается и укрепляется под непосредственным воздействием социалистической действительности. В этой связи большое значение имеет изучение истории развития семьи и семейных отношений.

До Великой Октябрьской социалистической революции вопросы структуры семьи и семейных отношений узбекского народа в литературе освещались очень слабо. Можно назвать лишь две работы, в которых затрагиваются указанные вопросы, это очерк А. Д. Гребенкина¹ и книга Наливкиных о быте оседлого населения Ферганы². В советское время вышла книга Бикжановой М. А., посвященная изучению узбекской семьи³.

После Октябрьской революции этнографы стали уделять больше внимания вопросам семьи. Однако они долгое время ограничивались изучением пережитков в семейном быту народов Средней Азии, их внимание было обращено в основном на патриархальную семью. Формы узбекской семьи рассматриваются в двух работах, посвященных изучению узбекского населения Хорезма, которые написаны на основании полевых этнографических исследований, проводившихся в 1940-х гг. в работах К. Л. Задыхиной⁴ и М. В. Сазоновой⁵ об исконном оседлом населении Южного Хорезма.

¹ А. Д. Гребенкин. Узбеки, «Русский Туркестан», Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 2, М., 1872, стр. 51—109.

² В. П. Наливкин и М. В. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886.

³ М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959.

⁴ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Амударьи, в кн. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции (1945—1948)», М., 1959, стр. 391—496.

⁵ М. В. Сазонова. К этнографии узбеков, Там же, стр. 67.

С начала 1950-х гг. этнографы-узбековеды приступили к изучению современной колхозной семьи. В 1955 г. вышла в свет монография, посвященная быту и культуре кишлака Айкыран⁶. В этой книге специальная глава, написанная М. А. Бикжановой, посвящена семье. В 1955 г. этот же автор выпустил специальную книгу об узбекской семье уже на материале Наманганской области. В книге дается характеристика большой патриархальной семьи, как господствующей формы семьи до революции, и освещается процесс ее видоизменения. Основные главы работы М. А. Бикжановой посвящены истории зарождения и развития новых форм семьи в советский период и сложению новых отношений в семье.

В последние годы появился ряд трудов, где в той или иной степени затрагиваются вопросы семьи, семейной обрядности. В монографии К. Шаниязова⁷, написанной на обширном этнографическом материале, рассматривается вопрос о происхождении узбеков-карлуков, дается характеристика их хозяйства, материальной и духовной культуры, изменений в их семейном и общественном быту за годы Советской власти. В своей диссертации Т. Файзиев⁸ в разделе «Семья и семейный быт» касается таких вопросов, как форма дореволюционной семьи узбеков бассейна Ангрена, положение женщины, брак и семейно-брачные отношения, обычаи и обряды. В недавно вышедшей книге «Этнографические очерки узбекского сельского населения»⁹ семье и браку посвящена специальная глава, написанная Л. Ф. Моногаровой о большой патриархальной семье и процессе ее разложения к началу XX в. В сообщении Н. Г. Борозны высказывается мысль, что оседлые и кочевые народы прошли одинаковые стадии в развитии семьи и семейных отношений¹⁰. Книга К. Д. Тюрина¹¹ посвящена истории раскрепощения женщины Средней Азии, изменению старых семейно-брачных отношений, формированию и развитию советской социалистической семьи.

Задачей настоящего сообщения является пополнение этнографических материалов о развитии узбекской семьи данными из северо-восточной части Самаркандской области. При-

водимые полевые этнографические материалы невелики по объему. Они характеризуют всего одну семью.

Кишлак Малтап, где нами собирались материалы, расположен в северо-восточной части Самаркандской области, в Галляаральском районе бывшей Янги-Курганской волости, в 8 км от железной дороги станции Милютинская, являющейся административным центром района. Основным источником водоснабжения кишлака Малтап вплоть до 1968 г. были колодцы и только в незначительной степени — вода родника Ходжабулак. В силу этого основным занятием населения было богарное земледелие и скотоводство.

Исследователи, изучавшие историю развития семьи узбекского сельского населения, отмечают, что в конце XIX в. в большинстве областей Узбекистана преобладающей формой семьи была большая патриархальная семья. Такая картина наблюдалась и в Самаркандской области среди полукочевых узбеков.

Кишлак Малтап представляет собой небольшое степное селение у подножия невысоких гор, которые население называет «Кызыл шух». В десяти километрах от кишлака в юго-западном направлении высится гряда Карачатау, а в северо-западном направлении вплоть до Нуратинского хребта — степь.

Мы нигде не встретили даже упоминания о прошлом кишлака Малтап, и потому нам приходится ограничиваться только сообщениями самих жителей кишлака. По словам 89-летнего С. Нарматовата, население Малтапа переселилось из кишлака Шахнава (ныне тоже Малтап), расположенного в Зааминском районе Сырдарьинской области. Первые переселенцы сначала обосновались там, где ныне находится кишлак Кукгумбаз-канглы (вблизи станции Милютинской), и жили там в шалашах (чайла). Однако условия для скотоводства здесь были далеко не благоприятны. При ознакомлении с окрестностями предкам современных малтапцев понравились обширные степные пастбища вокруг родника Ходжабулак. Пастбища эти были к тому времени заняты казахами. Пришельцы, собрав всех своих сородичей, вытеснили казахов и заняли понравившиеся им земли. Сначала они все вместе жили у родника, орошая его водой небольшие участки земли. Со временем, по преданию, провели канал из Туятартара и расширили орошаемые площади, разбили сады и виноградники.

Все это было до присоединения Туркестана к России. По неустановленной пока причине канал из Туятартара перестал действовать, и поля и сады высохли. До сих пор можно ясно различить расположение канала и отдельных орошаемых в прошлом участков, а также остатки корней бывшей карагаче-

⁶ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 173—178.

⁷ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, стр. 137.

⁸ Т. Файзиев. Узбеки-курама, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1963, стр. 15.

⁹ Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969.

¹⁰ Н. Г. Борозна. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Советская этнография», 1969, № 2.

¹¹ К. Д. Тюрин. Формирование советской семьи в Узбекистане, Ташкент, 1968.

вой роши (кайрагачзор). Видимо, это и явилось причиной появления в народе твердого убеждения, что вода родника Ходжабулак препятствует благоденствию: кто пьет из него, никогда не разбогатеет. И малтапцы покинули его окрестности: часть откочевала от родника на юг и образовала кишлаки Камар и Лапак, другая часть обосновалась ниже по роднику, и этот кишлак стал называться Катта Малтап (официально он продолжал носить старое название Ходжабулак в отличие от предыдущих, которые имели общее название — Кичик Малтап).

В 1920 г. в кишлаке Ходжабулак было 60 дворов, в кишлаке Камар — 17, в Лапаке — 38¹². Население в кишлаках увеличивалось очень медленно. Например, в 1926 г. в Ходжабулаке стало 69 хозяйств, в Камаре — 24, в Лапаке — 49¹³. В наше время эти кишлаки насчитывают приблизительно 170 дворов.

Население Малтапа — узбеки-кырк¹⁴. У большинства кырков вплоть до коллективизации сохранился кочевой образ жизни. К началу XX в. некоторая часть их осела, занималась земледелием. В предгорной и степной зонах скотоводство с круглогодичным содержанием скота на подножном корму оставалось одним из основных их занятий.

Племя кырк разделяется на несколько родов: карагуйли, карача, малтап, мулкуш, аламли, гадай, жаргак, сувунбай, абуз, чуввулак, кешкаут, гумсой, олмоли, чаянли и др. Жители Малтапа, кроме того, делятся на несколько групп. Группы эти, как и в ряде других мест Самаркандской области¹⁵, называются тупами. В Малтапе их всего пять: ковуш, бойлар, оюв, сувунбай и кашгар. Каждая семья, входящая в туп, вела самостоятельное хозяйство, но вместе с тем она имела самые тесные хозяйственные и экономические связи с другими семьями. Члены тупа, совершая погребальные обряды, свадьбы, отмечая другие семейные события, оказывали материальную помощь друг другу, всегда боролись за честь своего тупа, т. е. каждая семья несла ответственность за всех членов одинаково. Отдельные семьи обязательно участвовали в общем хашаре.

Из-за экономической и культурной отсталости до Октябрьской революции население кишлака Малтап сохраняло в основном большесемейный уклад. Население жило большими

неразделенными семьями, еще сохранявшими черты, свойственные большой патриархальной семье и близкие к тому семейному укладу, который Ф. Энгельс называет патриархальной домашней общиной. Основной чертой такой семьи Энгельс считал то, что «она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами: все они живут вместе в одном доме, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов»¹⁶.

Как отмечают О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова¹⁷, в конце XIX — начале XX в. среди узбеков преобладала форма большой патриархальной семьи преимущественно в два-три поколения, состоящая из нескольких брачных пар, называемая некоторыми исследователями семейного быта неразделенной семьей. Далее эти авторы указывают, что характерной особенностью патриархальных семей являлось господство в них мужчин. Главой семьи и ее полновластным хозяином был отец, все члены семьи были обязаны ему подчиняться.

В большой патриархальной семье иногда сохранялось единоначалие и после смерти отца. Тогда главой семьи становился старший из братьев или другой член, имевший наибольший авторитет в семье.

Экономической основой большой патриархальной семьи являлись земельные угодья и скот, находившиеся в руках отца. Земли обрабатывались силами всех работоспособных членов, главным образом, мужчин. Урожай с этой земли считался коллективной собственностью.

Исследователями отмечалось, что большие семьи являлись экономически более мощными единицами, чем мелкие хозяйства. Патриархальные общины давали большой доход классу эксплуататоров. Поэтому феодальный строй всеми способами старался сохранить общину и тем самым обеспечить феодалам значительно большие выгоды. Патриархальные отношения, затушевывая классовые противоречия, заставляли батрака считаться с баем не только как с хозяином, но и как со старшим, оказывать ему почтение.

В Малтапе было много неразделенных семей. Однако такие семьи сохранялись главным образом в среде богачей и зажиточного дехканства. Особенно большими по количеству и крепкими в смысле сохранения патриархальных традиций были семьи наиболее зажиточных слоев — баев и представителей духовенства. Это объяснялось как материальной заинтересованностью младших членов состоятельных семей в непосредственном участии в хозяйстве отца, так и заинтересо-

¹² Материалы Всероссийской переписи 1920 г., вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1927, стр. 17.

¹³ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в УзССР, вып. I, Ташкент, 1927, стр. 135.

¹⁴ Народы Средней Азии и Казахстана, М., 1962, стр. 172.

¹⁵ Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, стр. 128.

¹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1965, стр. 62.

¹⁷ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 173.

ванностью отца в сохранении помощников, необходимых для ведения крупного хозяйства. Старики рассказывают, что в кишлаке Малтап большие семьи были у Жуманбая, Каржавбая, Баватбая и Халбая. В их домах каждый день готовилась пища почти на 50 человек.

С. Каратаев (86 лет) остался без отца и почти всю свою молодость отдал работе в семье Каржавбая. Он рассказывает, что у Каржавбая было три жены, братья были объединены одним хозяйством, всего в этом дворе жили 30—35 человек.

В качестве еще одного примера можно привести рассказ Саттарова (родился в 1884 г.). Саттаров рассказывал, что до революции в составе семьи его было 13 человек: четверо братьев — Ташбай, Туйчи, Эшназар и Тагай, из которых двое были женаты, и несколько сестер. Жили они все в одном дворе. Хозяйство семьи было небольшое: они имели 20 муйин¹⁸ богарного посева, небольшой приусадебный участок (трамаи) и голов 40—50 скота. Глава семьи, старший из братьев, распределял работу по хозяйству между братьями. Сам он пахал, Туйчи был домашним пастухом и летом кочевал с овцами на джайляу. Эшназар и Тагай выполняли работу в основном по двору, чистили сарай, поили скот из колодца, а также работали на огороде.

Домашними делами занимались женщины. Здесь ответственной была свекровь: она распределяла домашний труд между невестками. Женщины ткали или вили веревки для скота, сбивали масло, готовили пищу, убирали двор и дом, ухаживали за детьми. Старшая невестка доила скот, кипятила молоко, утром готовила чай для мужчин. Вторая невестка пекла лепешки в тандыре, готовила квашеное молоко, убирала комнаты и смотрела за детьми.

Таким образом, до революции в силу того, что в руках отца были земля и все деньги семьи, сыновья оказывались в зависимости от него навсегда. Землю в свою собственность они могли получить лишь после смерти отца при разделе наследства.

Формирование новой семьи после Октябрьской революции явилось результатом изменений во всей жизни узбекского народа. Особенно благоприятные условия для своего развития семья получила после организации и укрепления колхозов.

В годы социалистического строительства процесс развития узбекской семьи шел по пути сокращения числа неразделенных и увеличения числа малых семей. Хотя еще и сейчас встречаются большие семьи, отношения между членами неразделенной семьи, в частности отношения между мужчина-

ми и женщинами, уже не могут быть такими, какими они были в старой патриархальной семье. Есть неразделенные семьи и в кишлаке Малтап.

Семья 85-летнего Т. Саттарова до 1957 г. состояла из 36 человек. У него шесть сыновей. Старший сын Махкамбай (42 года) окончил финансовый техникум в Самарканде и сейчас работает в административном центре Галляаральского района. Второй сын Беркбай (39 лет) работает в колхозе «Коммунизм», третий сын Эшбай (37 лет) чабан в том же колхозе, четвертый Кушбай (35 лет) окончил СамГУ и работает преподавателем в школе в Малтапе, Шербай (26 лет) вернулся с действительной службы в Советской Армии и учится в техникуме механизации Янгийольского района Ташкентской области, Ярбой (24 года) служит в Советской Армии.

Вся семья до 1957 г. жила вместе и питалась «из одного котла». У Ташбая Саттарова властный характер, он единолично руководил семьей и был требователен к каждому члену, все семейные вопросы решал сам и фактически являлся господином в своей семье. Он ведал доходами семьи (бюджет семьи складывался из заработков всех трудоспособных членов семьи, а также доходов с приусадебного участка и скота).

О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова отмечают, что в Айкыране, где в основном оседлое население, особо учитывалось социальное и имущественное положение будущих родственников¹⁹. Однако в Малтапе, где сильны родоплеменные традиции кочевого быта, происхождение имело абсолютное значение, более решающее, чем богатство. Недаром говорились: «бойлик бу кулнинг кири, бизга кизи яхши булса бас» (богатство — это грязь рук: нам достаточно, чтобы дочь была хороша). В семье Саттарова инициатива в женитьбе троих сыновей исходила от родителей. Здесь вопрос решал только отец и частично мать. Это, на наш взгляд, объясняется сохранившимися патриархальными отношениями в семье у малтапцев и еще весьма высоким влиянием старших на младших. Хотя официально хозяйство каждой молодой пары могло быть отделено, фактически до 1957 г. все пять сыновей жили в одном дворе и вели общее хозяйство. В этой большой семье было шесть коров, больше сорока овец и посевы на пяти приусадебных участках. Ответственным за семейное хозяйство и доходы являлся отец, без разрешения которого другие члены семьи не имели права ничего расходовать.

Семья Саттарова пользовалась определенным авторитетом среди населения своего кишлака, так как в семье все относилось с уважением к отцу и матери, жили дружно. Однако

¹⁸ Муйин — площадь размером 60×30 шагов.

¹⁹ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 176.

культурный уровень семьи был низким: во-первых, сильны религиозные пережитки, во-вторых, большинство членов семьи было совершенно неграмотным, особенно женщины.

В данной семье произошло то же, что наблюдали О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова в кишлаке Айкыран: «Уравнительный принцип, лежавший в основе распределения доходов, не соответствуя принципу индивидуального учета и оплаты труда в колхозе, перестал казаться справедливым всем членам семьи. Удобрства, доставляемые совместным ведением хозяйства, и долголетняя привычка не смогли задержать закономерный процесс изживания большесемейного уклада. Из семьи выделялись один за другим все сыновья. Выделение произошло с полного согласия и даже по инициативе родителей, не нарушило хороших отношений, сложившихся в семье»²⁰.

Первым отделился в 1955 г. старший сын Махкамбай. Отец дал сыну дойную корову, так как у Махкамбая к этому времени было двое детей. Затем отделился третий сын — Эшбай, чабан, ему тоже построили дом недалеко от отцовского дома. Дома для обоих сыновей были выстроены на общие средства. Остальные сыновья живут пока вместе в одном дворе.

Итак, на примере этой семьи видно, что распад большой неразделенной семьи на малые протекал естественным путем, по мере того, как сыновья становились взрослыми и приобретали экономическую самостоятельность.

О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова так писали об одной из айкыранских семей: «Разделиться эту дружную, хорошую семью заставило, по-видимому, помимо материальных соображений, стремление получить возможность каждому по своему усмотрению распоряжаться своими доходами, а также рост духовных потребностей, сложение более высоких современных отношений между супругами»²¹.

Следует подчеркнуть, что хотя все члены бывшей большой семьи стали жить раздельно, отношения между родственными семьями продолжают оставаться очень близкими. Все братья материально поддерживают друг друга, мать часто навещает своих детей и внучат.

Многочисленные факты разделения больших семей характерны не только для кишлака Малтап. Изучение процесса сложения новой семьи и развития новых семейных отношений показало, что в настоящее время основной формой узбекской семьи становится малая семья, состоящая из мужа, жены и их детей.

²⁰ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 206.

²¹ Там же.

Ф. Арипов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РАБОЧИХ СЕМЕЙ

Семья является одним из важных объектов для этнографического изучения любого народа. Она представляет собой социальную ячейку общества и изменяется по мере изменения этого общества. У узбеков, как и у других народов, при разных общественных формациях были разные формы семьи и брака.

В прошлом у народов Средней Азии господствовало натуральное хозяйство, производительность труда была низкой, экономика семьи базировалась на мелком единоличном хозяйстве. Все это явилось причиной долгого сохранения большой патриархальной семьи, в экономически отсталых районах даже вплоть до XX в.

До Октябрьской социалистической революции у узбеков существовали две формы семьи, сменившие в процессе общественного развития одна другую — большая патриархальная и индивидуальная малая.

Большая патриархальная семья размещалась в одном общем дворе и в целом составляла одну хозяйственную единицу. Характеризуя большую патриархальную семью, Ф. Энгельс писал, что «...она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода»¹.

В соответствии с историческими условиями и прежде всего с изменением форм собственности из большой патриархальной семьи постепенно начинают выделяться индивидуальные малые, иначе говоря, происходит смена одной формы семьи другой.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1948, стр. 681.

Этнографы в процессе распада большой патриархальной семьи на малые индивидуальные видят еще промежуточную, переходную форму семьи, которую они называют неразделенной семьей. К неразделенным они относят семьи, состоящие только из двух поколений, то есть отца и матери, с которыми живут все женатые сыновья. Третье поколение — дети, а также неженатые члены семьи во внимание не принимаются.

Присоединение Средней Азии к России еще более ускорило процесс распада большой патриархальной семьи на неразделенную и малую индивидуальную семьи. Элементы капитализма все более проникают в быт и сознание людей. Это приводит к разложению прежнего замкнутого натурального хозяйства, к новому направлению товарно-денежных отношений.

Новые общественные отношения все сильнее начинают сказываться на характере и форме хозяйствования, на численности и традициях семьи. Большая патриархальная семья, кое-где еще сохранившаяся, но уже отживающая, после Октябрьской революции утратила свою материальную базу, стала качественно другой. Решающей силой в изменении уклада семьи, характера взаимоотношений ее членов, а также формы, состава и численности стали земельно-водная реформа, коллективизация и индустриализация нашей страны, которые создали новую экономическую базу семьи.

Сегодня неразделенные семьи достаточно распространено явление, но характерной и определяющей формой узбекской семьи все же становится индивидуальная малая. Чтобы определить, какая из двух форм преобладает у современных рабочих-узбеков, мы решили изучать их семьи и семейный быт. В 1970 г. мы начали собирать этнографические материалы по этому вопросу на промышленных предприятиях сельскохозяйственного машиностроения, металлургическом заводе им. В. И. Ленина (Ташкентская область), трикотажной фабрике им. Тельмана, шелкомотальных фабриках Бухарской и Ферганской областей. Все эти предприятия были созданы в годы Советской власти, разница только в том, что фабрики появились в двадцатые и тридцатые годы, а машиностроительные и металлургические заводы строились после Великой Отечественной войны².

При сборе материалов по семейному и бытовому укладу рабочих семей, помимо этнографических сборов, нами были использованы анкетные данные. Собранные нами материалы свидетельствуют о том, что на современном этапе господствующей формой семьи у рабочих является индивидуальная малая семья, состоящая из двух поколений, т. е. из родите-

лей и их неженатых или незамужних детей, иначе говоря, семья одной супружеской пары.

Об этом свидетельствуют цифры и проценты, которые мы составили на основе собранных анкетных данных.

Опрошены были представители 728 рабочих семей. На семьи, состоящие из одного поколения, приходится 6,2% (45), из двух — 78,1% (569), из трех — 15,1% (110), и из четырех всего 0,6%, т. е. всего четыре семьи. Самое большое распространение имеет семья, состоящая из двух поколений³.

Процесс образования малой индивидуальной семьи у рабочих-узбеков проходил по двум линиям. С одной стороны — за счет отделения молодоженов из большой неразделенной семьи, а с другой — путем самостоятельного создания семьи.

Наше исследование упомянутых выше предприятий подтверждает, что рабочие-узбеки в подавляющем большинстве по своему социальному происхождению являются крестьянами и колхозниками, т. е. недавними выходцами из села. Например, из 620 рабочих выходцами из сельской местности оказались 502 человека, или 83%. Многие из них пришли на промышленное предприятие одиночками, не имея семьи. Значительное количество малых семей образовалось уже на новых местах. Рост общеобразовательного уровня, получение новых профессий, повышение квалификации сделали рабочую молодежь экономически более обеспеченной. Сейчас намного легче разрешается вопрос о жилье, теперь каждая фабрика, каждый завод располагает своим жилым фондом, много строится современных жилищ в городах и рабочих поселках. Все это помогает созданию молодых семей. Вот пример.

Рабочий, ветеран Ферганской шелкомотальной фабрики, бывший крестьянин С. Касымов пришел на фабрику в 1924 г. одиноким, здесь он обзавелся семьей. Один из сыновей (их четверо) служит в Советской Армии, остальные все женаты и живут со своими семьями отдельно, дочери вышли замуж. Рабочая этой же фабрики Азизова жила в одной большой неразделенной семье, состоящей из двенадцати человек. Когда умерли ее родители, семья распалась на три малых самостоятельных семейства.

Из выше приведенных цифр видно, что среди современных рабочих семей, хоть меньший, но достаточно значительный процент падает на неразделенную семью (15,1%). Ее не надо отождествлять с дореволюционной большой неразделенной. Современные большие семьи у рабочих, о которых идет речь, качественно новые, базой им служат социалистическая

² Завод «Ташсельмаш» был построен в тридцатые годы.

³ В данном случае несовершеннолетних детей относим ко второму поколению.

экономика и социалистические отношения, поэтому они по своему характеру ближе к сегодняшней малой семье.

Неразделенные семьи состоят из родителей, женатых сыновей и их детей. Встречаются и такие, которые включают в свой состав родственников по боковой линии — братьев, дядей, племянников и др. Современные большие семьи у рабочих характерны еще и тем, что в большинстве их старшая пара представлена только одним из супругов. Кроме того, мы почти не встречали семью, где бы родители проживали в доме замужних дочерей. В связи с этим надо вспомнить одну очень характерную особенность семейного быта узбеков, традицию не отпускать сыновей в дом родителей невестки. Молодожены всегда остаются в доме жениха. Если же хотят отделиться от семьи, они могут это сделать после появления первого ребенка.

Наши исследования показали, что на тех предприятиях, которые возникли на заре Советской власти, больше встречается семей из трех поколений⁴. На этих предприятиях неразделенных семей значительно больше, чем на предприятиях, возникших после Великой Отечественной войны.

При рассмотрении структуры современной рабочей семьи особый вопрос встает о ее численном составе, ибо это имеет важное социально-экономическое значение и позволяет сделать некоторые выводы о форме семьи. Эту характеристику мы находим в табл. 1.

Семьи рабочих из двух человек составляют только 7,7%. Чаще всего это недавно поженившиеся супруги, еще не успевшие обзавестись детьми, это может быть вдова с ребенком или пожилые супруги.

Семьи из трех человек (12,2%) состоят из супругов и одного ребенка, реже — супругов и одного из родственников. В семью, состоящую из четырех человек (14,6%), обычно входят супруги и дети. Если же 5, 6, 7 и более человек (65,5%) — это традиционные многодетные узбекские семьи.

Самой распространенной является семья, состоящая из 3—7 человек (69,6%), при этом самой многочисленной является семья, состоящая из 5—6 человек (30,7%). Итак, средняя численность семьи в 1967—1970 гг. составляла 5—7 человек, тогда как средняя численность семьи по Советскому Союзу по переписи 1959 г. равнялась 3,7, по Узбекистану — 4,6. Если взять однонациональную узбекскую семью, то она равна 5 человекам⁵.

Причиной того, что на обследованных предприятиях среднее число членов семьи превышает этот показатель по республике, явилось то обстоятельство, что в шестидесятые годы

брачного возраста достигло новое мужское поколение и в результате роста деторождаемости произошло увеличение численности молодой семьи.

Нам приходилось встречаться и с одиночками. В преобладающем большинстве это женщины-вдовы в возрасте больше 55 лет. Причиной тому служит кардинальное изменение положения старшего поколения — родителей. Прежде овдовевшая мать, потерявшая кормильца, всецело переходила на иждивение детей. Теперь же положение изменилось, значительное ко-

Таблица 1

Предприятие	Количество семей (в%), состоящих из... человек.													
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Трикотажная и шелкомотальная фабрики	12,0	17,9	14,3	10,4	13,3	8,2	7,8	6,8	4,8	1,8	1,2	1,2	0,3	
Металлургический завод	4,0	6,9	14,9	19,1	18,1	15,3	10,0	5,7	4,5	1,5	—	—	—	
В среднем	7,7	12,2	14,6	15,1	15,6	12,1	9,0	6,3	4,5	1,6	0,6	0,6	0,1	

личество рабочих женщин, овдовев, не переходят на иждивение детей, а продолжают вести самостоятельную жизнь. Например, мать сменного мастера Ферганской шелкомотальной фабрики М. Якубова — кадровый работник, имеет большой производственный стаж, сейчас она находится на заслуженном отдыхе. Овдовев, продолжает жить самостоятельно от детей. Другая работница той же шелкомотальной фабрики Ч. Разикова работала на фабрике 40 лет, сейчас вышла на пенсию. Муж ее погиб на войне. Осталась она с двумя детьми, но тоже не пошла на их иждивение, живет самостоятельно, занимает благоустроенную секцию. Таких примеров можно привести множество. Теперь пожилые люди, ветераны фабрик и заводов, стали материально независимыми. Они обеспечены пенсиями. Кроме того, о них заботятся рабочие коллективы, поддерживают их материально и духовно. Пожилые люди, живущие отдельно от детей, поддерживают крепкие связи с ними и в нужный момент приходят на помощь друг к другу. Если старшее поколение вынуждено жить по каким-либо причинам в семье детей, то оно живет у материально более обеспеченных детей, а не с младшим сыном, что было обязательным.

Чтобы глубже знать структуру современной рабочей семьи, нам необходимо остановиться еще на количестве детей в се-

⁴ Третье поколение — несовершеннолетние дети.

⁵ И. Мулладжанов. Народонаселение Узбекской ССР, 1969, Ташкент, стр. 156—157.

мье, ведь величина семьи определяется прежде всего числом детей (см. табл. 2).

Из общего числа исследованных 708 семей 13,6% имеют одного ребенка⁶, семей с 2—4 детьми больше половины — 58,9%, остальные, имеющие от 5 до 11 детей, составляют 41,1%. На каждую семью, исследованную нами, приходится в среднем четыре ребенка. Приведенные цифры показывают, что узбекская рабочая семья, как и остальные узбекские семьи, многодетна. Этому, несомненно, способствует ряд факторов: изменение материально-бытовых условий рабочих,

Таблица 2

Предприятие	Количество детей в одной семье (в%)									
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Трикотажная и шелкомотальная фабрики	23,1	19,4	24,0	11,0	12,1	5,2	1,04	2,6	0,52	1,04
Металлургический завод	19,5	19,3	16,2	12,1	22,2	3,4	0,95	0,45	5,9	—
В среднем	20,6	19,4	18,9	11,6	17,7	4,9	0,99	1,3	4,3	0,31

улучшение медицинского обслуживания, рост сети детских дошкольных учреждений, повышение культурного уровня и т. д. Например, на трех фабриках (шелкомотальных фабриках в Бухаре и Фергане и трикотажной фабрике им. Тельмана в Бухаре) есть несколько яслей и два детских комбината, объединяющих шесть детских садов. Эти учреждения размещены в специально построенных типовых помещениях, детей обслуживают люди с педагогическим образованием.

Итак, исследования подтверждают, что в структуре и численности современной рабочей семьи произошли большие качественные изменения. По сравнению с дореволюционным периодом число поколений в одной семье уменьшилось. Если раньше рабочая семья состояла из трех, четырех и более поколений, то теперь она состоит в основном из двух и — очень редко — из трех поколений.

Теперь мы переходим от рассмотрения внешней стороны семьи, т. е. ее формы и численности, к характеристике внутрисемейных отношений, которые в свою очередь тоже воздействуют на структуру семьи.

Определяя современные взаимоотношения членов рабочей семьи, не надо упускать из виду, что мы имеем дело в

⁶ Эти данные получены при обследовании 708 семей, а остальные — 611 семей.

основном с малой семьей. Мы не находим здесь тех сложных многогранных взаимоотношений членов семьи, которые наблюдаем в большой неразделенной семье. Члены современных малых семей — в своей массе молодые люди. Все они росли в советское время, учились в советской школе, работают на советских предприятиях.

Чтобы охарактеризовать отношения между членами в любой семье, необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о главенстве в ней. Как нам известно, в большой патриархальной и неразделенной семье в прошлом главой являлся старший в семье мужчина. Глава распоряжался бюджетом и всей хозяйственной деятельностью семьи, распоряжался по своему желанию имуществом. Все члены семьи независимо от возраста беспрекословно подчинялись ему. Он мог ущемить интересы любого члена семьи, так как подчинение его авторитету было непререкаемо. Управлял семьей он на основании законов шариата. В случае смерти главы семьи его власть переходила к старшему сыну, при отсутствии взрослого сына главой семьи становилась жена умершего главы семьи.

Коренная ломка старых понятий о главе семьи прежде всего наступила в рабочей среде. Теперь глава семьи — советчик, воспитатель. В большинстве своем он решает все семейные вопросы, советуясь с женой, при участии всех взрослых членов.

Сегодня у рабочих-узбеков по традиции чаще всего главой семьи называют мужчину, но это не является обязательным. Главой семьи может быть любой совершеннолетний член семьи, независимо от пола, имеющий определенные индивидуальные качества, авторитет, экономически больше поддерживающий семью. Например, А. Усманов, работающий крановщиком мартеновского цеха на металлургическом заводе им. В. И. Ленина, несмотря на свою молодость (ему 21 год) возглавляет большую семью, состоящую из его родителей и сестер.

М. Отабаев, работающий в прокатном цехе (30 лет), возглавляет семью, состоящую из 10 человек (родители, жена, дети). Таких примеров множество.

Ниже приводим результаты нашего обследования по определению возраста главы семьи.

Итак, 30—40 лет — самый распространенный возраст возглавляющего сегодня узбекскую рабочую семью (67,3%).

Возраст	Количество людей, возглавляющих семью	%
до 30	35	8,5
от 31 до 40	276	67,3
от 41 до 50	95	23,3
свыше 50	4	0,9
Всего	410	100%

Кое-где встречаются старики, которые по традиции считаются главой семьи, но это носит формальный характер, дань уважения к людям преклонного возраста, фактически главой семьи является тот, кто имеет авторитет и кормит семью.

В современных рабочих семьях можно встретить женщину во главе семьи, но они малочисленны. Наши наблюдения показали, что женщины, стоящие во главе семьи, в абсолютном большинстве своем являются вдовами или разведенными.

Наши этнографические наблюдения дают нам право сделать вывод, что понимание роли главы семьи в корне изменилось. Характерно, что во многих рабочих семьях понятие главы семьи постепенно утрачивается, все больше оба супруга в равной степени активно участвуют в решении всех жизненно важных вопросов. В силу социально-экономического и юридического равноправия всех членов отношения между ними определяются взаимным уважением, дружбой и взаимопомощью.

До Октябрьской революции и вплоть до тридцатых годов у узбеков существовало неравенство членов семьи. Раньше мужчина смотрел на жену, как на собственность, она всецело находилась в подчинении у мужа, была бесправна и забита. Муж и жена не могли даже называть друг друга своими именами. Жена звала своего мужа именем старшего сына «отаси», «адаси», что значит «отец детей», а муж звал жену не ее именем, а «бизни оила», «хотин», «кампир», что значит моя семья, женщина, старуха.

Жена находилась в рабском положении в семье, и между супругами существовало острое противоречие. Великая Октябрьская революция избавила узбечку от векового рабства. С победой социализма было ликвидировано не только юридическое, политическое, но и фактическое, экономическое и культурное неравенство женщины. Миллионы женщин стали активными участницами хозяйственного, государственного и культурного строительства. Например, на обследованных нами двух предприятиях работают тысячи узбеков.

Предприятие	Общее число рабочих	Всего женщин	Местной национальности
Ферганская шелкомотальная фабрика	2908	2484	1186
Бухарская шелкомотальная фабрика	1878	1501	898

Характерно, что из обследованных 24 семей ферганских текстильщиков 18 женщин (или 75%) работают на производстве. Теперь во многих рабочих семьях женщины не хотят оставаться домохозяйками, при первой же возможности идут работать.

Активное вовлечение женщин в общественно полезный труд неизмеримо повысило их культурный уровень, политическое сознание, обеспечило экономическую независимость и подняло авторитет в семье. Теперь рабочая семья живет жизнью и интересами социалистического общества; в котором окончательно уничтожены, как отметил Ф. Энгельс, основы буржуазного брака, «...связанные с частной собственностью, — зависимость жены от мужа и детей от родителей»⁷. Отношения между супругами коренным образом изменились, они основываются теперь на дружбе и взаимоуважении.

Таблица 3*

Предприятие	Всего женщин	В том числе:						
		неграмот.	малогр.	оконч. нач. школу	неокон. средн. образ.	средн. образ.	средн. техн. образ.	неоконч. высшее
Металлозавод	389	14	22	66	341	36	—	10
Бухарская шелкомотальная фабрика	302	6	5	40	188	55	3	5
Всего	691	20	27	106	529	90	3	15

* Сведения с металлзавода — об образовании жен рабочих, а с шелкомотальной фабрики — о самих работницах.

Женщины, работая на производстве, приобретают экономическую независимость, по образованию и культурному уровню становятся в один ряд с рабочими мужчинами. Это благотворно влияет на отношения между супругами, дает возможность женщинам занимать одинаковое положение в семье и обществе.

Общеобразовательный уровень женщин-узбечек можно проследить по табл. 3. Многие женщины, работающие на производстве, учатся в вечерних школах молодежи, техникумах, в заочных учебных заведениях, на различных технических курсах, организованных при производстве. Например, на Бухарской трикотажной фабрике им. Тельмана без отрыва от производства учатся 140 работниц, 80 работниц окончили индивидуальные курсы обучения, 60 человек окончили курсы повышения квалификации, 95 человек учатся в вечерней школе молодежи, 13 — в вечернем техникуме, 18 — в вечернем политехническом институте и шестеро в пединституте.

Участие женщин в производстве, в общественной работе и рост их общеобразовательного и культурного уровня убедительно свидетельствует о коренных изменениях, происшедших

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 337.

в жизни узбеков, об их возросшем авторитете в семье и обществе. Много работников промышленных предприятий работают начальниками цеха, смены, мастерами, являются членами парткомов, профсоюзов, депутатами местных и республиканских Советов.

Теперь жены рабочих по праву занимают равное с мужем положение, женщины участвуют во всех делах семьи, свободно общаются с близкими и друзьями. Муж советуется с женой, помогает ей в хозяйстве и воспитании детей. Иногда жена распоряжается семейным бюджетом. Муж и жена свободно называют друг друга по имени, даже при посторонних. Владельцем всего движимого и недвижимого имущества является вся семья. Полное раскрепощение женщины привело к ее экономической независимости, обусловило ее новую роль в семье, обществе, а также во взаимоотношениях с мужем и другими членами семьи. Окреп авторитет женщины как хозяйки, воспитательницы детей и активного организатора бытового уклада семьи.

Новые основы семейной жизни, общий рост культуры и образования глубоко сказались и на воспитании детей, на изменении взаимоотношений между родителями и детьми. В настоящее время женщины — работницы и домохозяйки — постоянно обращаются в детские консультации за советами по вопросам ухода за ребенком, широко пользуются детскими, детсадами.

Женщины в прошлом соблюдали ритуальный запрет — «чилла», по которому после рождения ребенка в течение сорока дней находятся на особом режиме. Первые сорок дней, по представлениям суеверных людей, ребенок и мать якобы попадают в опасное со стороны злых духов положение, в течение этих дней может случиться несчастье. Поэтому в период «чилла» к ним не допускались посторонние люди, они освобождались от всяких домашних забот, не выходили из дома, никаких торжеств в честь новорожденного и матери не устраивалось. Сейчас «чилла» все более себя изживает как суеверный обряд, однако те его предписания, которые не противоречат санитарно-медицинским правилам ухода за состоянием здоровья новорожденного и матери, остаются в силе.

Если в прошлом ребенку давали имя в основном отцы, дедушки, а также приглашенный мулла, то в настоящее время в этом принимают участие все члены семьи. Пока мать находится в роддоме, члены семьи выбирают новорожденному имя. Родители прислушиваются к мнению членов семьи.

Теперь рабочие семьи к наречению детей подходят не с религиозной точки зрения, они дают детям красивые, содержательные имена, часто это имя самого близкого, уважаемого друга или имя героя из любимого литературного произведе-

ния. Например, рабочий прокатного цеха Ибрагимов дал своему сыну имя Тари-Эль, имя героя поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Одного из внуков назвал Рафаэлем в честь художника эпохи Возрождения. В рабочей среде есть традиция отражать в детских именах особо знаменательные события окружающей жизни, памятные даты. Так, в связи с событиями Великой Отечественной войны стали широко распространенными имена Джахангир (воин), в связи с мощным движением за мир — Замир. Вошли в обиход такие имена, как Тельман, Марат, Эльмира, Милис. Рабочие, давая современные, содержательные имена своим детям, стараются выбрать имя звучное, эффектное. Например, рабочий, вальцовщик М. Мирзабаев, имея четырех детей, дал им имена: Аломат, Малохат, Зарофат и Фарагат.

Все новорожденные теперь обязательно регистрируются в загсе и получают метрику, тогда как в прошлом о детях никаких записей не велось и многие не знали даже дня своего рождения.

Благодаря социалистическому строю и по мере формирования новых взаимоотношений в семье менялись и взгляды на воспитание детей, мальчики и девочки теперь воспитываются в одинаковых условиях.

Рабочая семья, как другие узбекские семьи, считает первой своей обязанностью по отношению к детям дать им образование, профессию, подготовить к трудовой жизни. Теперь все дети школьного возраста рабочих, как и других социальных групп населения, полностью охвачены учебой. Учащиеся дети всегда пользуются особым вниманием со стороны взрослых. По мере возможности для них отводится специальная комната или отдельный уголок, где они могут готовить свои уроки. Родители проявляют живой интерес ко всем видам учебной и воспитательной работы в школе, во многих школах родительский совет возглавляют рабочие-родители. Дети рабочих получают не только среднее, но и высшее специальное образование.

В наши дни сложился новый тип семьи, включающий в свой состав и рабочих и интеллигенцию. Наличие во всех семьях учащихся, студентов является важным фактором в преобразовании быта и повышении общего культурного уровня семьи.

Сейчас родители совещаются с образованными детьми, в необходимых случаях взрослые сын и дочь становятся главой семьи, исчезла экономическая зависимость взрослых детей от отцов. Теперь отношения родителей и детей складываются на основе дружеского доверия и уважения.

Одним из прогрессивных традиционных обычаев во взаимоотношениях в узбекской семье является почитание млад-

шими старших. Эта традиция в рабочей семье крепко сохраняется и еще больше развивается, но она уже не отождествляется с патриархальными принципами безусловного подчинения воле и авторитету старшего в семье.

Надо отметить, что в современной узбекской рабочей семье не так много людей старшего поколения, и по своему мировоззрению, духовному облику они стоят гораздо выше стариков дореволюционного, даже первого периода Советской власти. Многие из них грамотны, еще вчера они были участниками социалистического строительства, общественниками. Многие старшие в семье стали советчиками и наставниками. При решении семейных вопросов теперь исходят из интересов обоих поколений.

В предыдущих разделах мы упоминали о наличии в обследованных нами рабочих семьях третьего поколения. Положение невестки в такой семье в значительной мере определяет изменение внутрисемейного уклада в условиях советской действительности. Надо отметить, что отношение членов семьи к невестке определяется степенью господства нового или старого в этой семье.

В прошлом невестка в новой семье долгое время чувствовала себя отчужденно. Для современных рабочих семей стали характерными дружественные отношения между невесткой и родителями мужа, невестка стала равноправным членом семьи, завоевала ее уважение. Невестки, которые работают на производстве или участвуют в общественной жизни, пользуются большим авторитетом, больше свободны в своих действиях и их роль в семье огромна.

Семья Мадалиевых — рабочих Ферганской текстильной фабрики — состоит из 7 человек: родителей, женатого сына и троих детей. Сын Махадамин, бывший рабочий этой фабрики, находился на учебе в Ташкенте. Ввиду преклонного возраста родителей семью возглавляла невестка — Турдихон, ткачиха этой же фабрики. Турдихон пользуется у стариков и у родных большим уважением и доверием.

У токаря металлургического завода Карима Абдурахманова в семье 9 человек — родители, жена, трое детей и братья. В семье работают три человека, все они свою зарплату отдают в знак уважения старику отцу. Все семейные расходы старик обсуждает с невесткой Гулсумой. Кроме того, семейные вопросы, какого бы они ни носили характера, без участия невестки не решаются.

В современных узбекских рабочих семьях близкие родственные отношения не ограничиваются узким кругом семьи. По-прежнему характерны для них привязанность и уважение к родителям, взаимопомощь, поддержка и близкая связь с родственниками и близкими друзьями. Былая замкнутость

семьи исчезла. Многие члены одной семьи зачастую живут, работают и учатся в разных районах, городах, даже за пределами республики.

Взаимопомощь в прошлом носила в основном экономический характер, теперь же она предстает перед нами в виде оказания помощи в учебе, в устройстве на работу, совета при выборе профессии, материальной помощи. Прежние формы семейных обрядов и праздников претерпели значительные изменения. Лучшие традиционные обряды и ритуалы сохранены, но совершаются теперь по-новому. Например, праздник по случаю рождения первенца — «бешик той» (праздник колыбели) в рабочих семьях получил новый характер. В прошлом значительную часть расходов на подарки младенцу несла бабушка по материнской линии, сейчас расходы во многих семьях производят обе стороны, вместо «бешика» (люльки) дарят кроватку, коляску, современные детские игрушки. Содержание обряда «бешик той» изменилось: отпали сопровождающие его магические обряды и ритуалы. В прошлом мужчин в гости не приглашали, теперь в торжествах участвуют мужчины, родные и близкие с обеих сторон.

С повышением благосостояния и ростом общей культуры рабочих, с усилением влияния многонационального коллектива у рабочей семьи расширился и круг семейных праздников. В прошлом в узбекской семье не было принято отмечать дни рождения, теперь эта традиция входит в быт, но пока она ограничивается лишь именинами детей. Новым в жизни рабочей семьи является так же встреча Нового года, организация елки для детей, празднование по поводу окончания учебных заведений, получения правительственных наград, возвращения со службы в Советской Армии. Широко отмечают советские праздники — годовщина Великого Октября, 1 Мая, 8 марта, день Конституции.

Знаменательно, что семейные праздники у рабочих в большинстве случаев проходят не в узком семейном кругу, в них участвуют родные и друзья по работе.

В малой семье складываются более свободные отношения членов семьи, т. к. уже не чувствуется былой власти главы семьи, больше проявляются демократические принципы, изживаются остатки старого быта и рождаются новые традиции.

Сложение малой семьи свидетельствует и о наступлении периода подвижности узбекского населения.

В малых семьях женщины больше привлечены к производственной жизни и обладают большей экономической самостоятельностью, чем женщины в больших семьях, а это в свою очередь еще больше укрепляет авторитет женщины в семье.

Итак, в семейном быту узбекского населения за годы Советской власти произошли крупные изменения, они являются отражением успехов народа в области экономики и культуры.

Новым в современном семейном быту являются межнациональные браки, которые чаще встречаются в среде рабочих, чем других социальных групп населения. Рабочая семья трудится в многонациональном коллективе, живет в рабочем поселке, городе, где население по своему национальному составу неоднородно. Например, на Ферганской шелкомотальной фабрике работают 2864 рабочих, из них узбеков — 1118, русских — 1028, других национальностей — 718 (татары, украинцы, мордва, белорусы и т. д.). На металлургическом заводе им. В. И. Ленина работают представители 37 национальностей, на бухарской трикотажной фабрике им. Тельмана — 12. Это создает благоприятную почву для дружественных взаимоотношений, усиливается взаимообмен духовной и материальной культурой рабочих. Процесс сближения разных национальностей все больше расширяется и углубляется. «Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующихся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства»⁸.

Рост культурно-технического уровня, ликвидация национально-религиозной отчужденности, установление дружественных отношений между представителями разных народов и дальнейшее развитие идей интернационализма привели к разрушению национальной обособленности, создали ряд важнейших политико-экономических и культурно-бытовых предпосылок для расширения межнациональных браков. Собранные фактические данные по этому вопросу только по одному металлургическому заводу дали следующие результаты. Из 409 опрошенных рабочих узбеков 87 оказались женатыми не на узбечках. 23 человека женаты на русских женщинах, 51 — на татарках (это самая высокая цифра), 9 — на таджичках, остальные четверо — на украинке, армянке, киргизке и казашке.

Наши статистические данные показывают, что рабочие-узбеки, работающие на металлургическом заводе им. В. И. Ленина (21,3 процента), имеют жен другой национальности, причем наиболее распространенные браки узбекско-русские и узбекско-татарские.

Кроме того, число смешанных браков растет. В 1966 г. за девять месяцев прошли регистрацию в загсе 67 молодоже-

нов, из них — 9 пар люди разных национальностей. В 1967 г. из 146 браков зарегистрированы 23 смешанные пары⁹.

Наши наблюдения показали, что в создании смешанной семьи инициатором выступает сама молодежь. Возраст мужчин, вступающих в брак, не больше 21—26 лет, а женщин — 19—24. Это все молодые люди, которые росли и воспитывались в советское время.

При заключении смешанного брака отсутствует, как правило, всякое влияние религии, старых обычаев. Праздник проходит, как комсомольская свадьба или вечеринка, которые носят интернациональный характер. При организации подобных свадеб комсомольский комитет, заводская общественность принимают особо активное участие, организуют материальную помощь, выделяют молодоженам комнату или секцию.

Смешанная семья, как и узбекская, часто многодетна. В рабочей межнациональной семье обычно от 4-х до 8 детей. Национальность их в паспорте, как правило, указывается по отцу и имена даются узбекские, но на практике дети носят два имени. Показательна семья сменного мастера мартенового цеха Х. Ганиева, у которого русская жена. Своим пятерым детям они дали имена: Абдувасик — Вася, Абдумутал — Митя, Абдували — Валя, Абдуалим — Али, Шухрат — Шурик.

У рабочего прокатного цеха З. Азимова и его русской жены восемь детей, им дали только русские имена: Слава, Вова, Тамара, Лида, Витя, Сережа, Рая, Шура. В этих семьях дети хорошо говорят на обоих языках.

Наши наблюдения позволяют сделать еще один вывод: межнациональные браки среди рабочих более долговечны и устойчивы, чем межнациональные браки других социальных групп. Это подкрепляется в основном их многодетностью. Дети межнациональных семей старшего поколения стали взрослыми, они начинают уже создавать свои семьи, т. е. стоят на пороге создания третьего поколения.

В смешанных рабочих семьях почти отсутствует влияние пережитков прошлого, религии. В большинстве в смешанных семьях одновременно работают муж и жена, в результате они более материально обеспечены. Квартиру содержат и одеваются в этих семьях более современно, тогда как на селе в межнациональных семьях преобладает национальный колорит.

Таким образом, смешанные семьи благоприятно влияют на молодое поколение, воспитывают в нем дух интернационализма и способствуют возникновению общих советских бытовых традиций.

⁸ Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1961, стр. 405.

⁹ Сведения городского загса за 1966, 1967 гг.

Но на фоне достигнутых огромных успехов в ломке старых патриархальных традиций все еще в отдельных семьях рабочих встречаются вредные пережитки прошлого.

Как известно, материальная культура народа меняется быстрее, чем семейный быт, поэтому процесс изживания пережитков осуществляется не сразу. Например, до сих пор в некоторых узбекских семьях не ограничиваются гражданской регистрацией брака. После регистрации в загсе за два или три дня до свадьбы на вечер приглашается в дом невесты мулла. Этот обряд бракосочетания называется «никох».

В рабочих семьях еще кое-где встречается культ «святых». Например, «святые мазары» в Фергане (Шахимардан, Ярмазар), в Бухаре (Боховутдин), к которым до сегодняшнего дня многие люди относятся с почтением, в известной мере это оказывает некоторое влияние на рабочие семьи, проживающие поблизости.

В некоторых семьях еще сохранился обряд обрезания («суннат туй»), сопровождаемый огромной тратой средств.

Среди традиций прошлого наиболее стойко сохраняется похоронный ритуал с многократными поминками и соблюдением мусульманских обрядов. Члены семьи и родные целый год соблюдают траур по умершему, только по прошествии года устраивают последние поминки — «йил оши». После «йил оши» женщины могут сбросить с себя траурные одежды и надеть белую одежду («ок соляр»). Это означает, что семья теперь свободна от соблюдения траура. Поминки также сопровождаются большими расходами, в них участвуют сотни людей.

Пережитки и вредные традиции прошлого не имеют своей социально-экономической базы и существуют формально, под воздействием определенной среды. Борьба с ними является сложным и трудным делом. В. И. Ленин писал, что это достигается «не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, революции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе»¹⁰.

Ныне, когда в нашей стране успешно разворачивается строительство коммунизма, задача полного преодоления пережитков прошлого в сознании и быту людей приобретает самое актуальное значение. Борьба с пережитками прошлого — важный фактор воспитания нового человека в духе высоких принципов морального кодекса строителя коммунизма.

Б. Аминов

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Народное хозяйство Узбекистана за годы Советской власти коренным образом изменилось. Создание крупных промышленных объектов, переустройство сельского хозяйства и культурная революция явились основными факторами, способствовавшими изменению численности и состава в прошлом малозаселенной Голодной степи.

Советской власти досталось в Голодной степи тяжелое наследство — разоренные хозяйства, разрушенная оросительная сеть, заболоченные земли, эпидемии малярии и т. п. Вместе с тем в Голодной степи было много свободной земли для тысяч безземельных крестьян. Перед Коммунистической партией и Советским правительством встала важная задача — заселить и обжить степь, превратить ее в одну из высокопродуктивных областей страны¹. Голодной степи отводилась важная роль в деле ликвидации хлопковой зависимости СССР.

По инициативе В. И. Ленина были разработаны меры по быстрейшему восстановлению хлопководства в Туркестанской республике. 9 апреля 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР за подписью В. И. Ленина принял Декрет «Об отпуске оборотных средств для обеспечения текстильной промышленности хлопком» в сумме 502 млн. руб.². Вслед за этим декретом 17 мая 1918 г. был подписан другой исторический Декрет «Об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ».

В первые годы Советской власти, прошедшие после опубликования Декрета, помещичье землевладение в Голодной степи было полностью ликвидировано. На землях национализированных имений организовывались коллективные хозяй-

¹ А. Абдунабиев. Борьба КПСС за увеличение орошаемых земель, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1966, и др.

² Декреты Советской власти, т. II, М., Госполитиздат, 1959, стр. 73—74.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 94.

ства. Часть земель сдавалась дехканам в аренду. В связи с этим сюда прибывают безземельные дехкане из неорошаемой части степи.

Неорганизованное переселение в Голодную степь начинается после победы Великой Октябрьской социалистической революции и национального размежевания Средней Азии. В последующие годы вплоть до наших дней переселение населения в Голодную степь происходит в плановом порядке.

Первые мероприятия Советской власти в Голодной степи начались с проведения в больших масштабах изыскательских, проектных и исследовательских работ. Необходимо было улучшить мелиоративное состояние земель, приостановить дальнейшее засоление почв, восстановить сельское хозяйство, наладить снабжение хлопкоробов хлебом, промтоварами, сельхозинвентарем и т. д. Поэтому в первые годы Советской власти организованное заселение Голодной степи почти не проводилось.

Несмотря на нелегкие условия восстановительного периода, Голодная степь с каждым годом все больше заселялась за счет коренного населения. Так, в 1917 г. в Голодной степи было 35 поселков, в 1920 г. их стало 67, в 1922 г. — 90, а в 1923 г. количество населенных пунктов увеличилось до 102. Соответственно увеличилось число хозяйств Голодной степи. Если в 1917 г. было 3677 хозяйств, в том числе 1711 хозяйств местного населения, то к 1923 г. их количество увеличилось соответственно до 5490 и 2961. К 1925 г. из 8539 хозяйств 6000 принадлежали дехканам, переселившимся в основном из Ферганской долины³.

С 1922—1923 гг. происходит интенсивное наделение земель дехкан⁴. С целью получить земли в Голодную степь переселяются крестьяне из разных областей. Большинство переселившихся хозяйств было объединено в колхозы. Так, 500 хозяйств, прибывшие в начале 1930 г. из Ферганской долины в Мирзачуль, были объединены в три вновь организованных колхоза⁵. Переселение ферганских крестьян в Голодную степь сыграло положительную роль в подъеме сельского хозяйства, в частности хлопководства, так как ферганцы имели больше навыков в выращивании хлопчатника⁶.

Организованное переселение в Голодную степь начинается после национального размежевания Средней Азии. Оно

³ Р. Игамбердыев. Осуществление ленинских идей об освоении Голодной степи, Ташкент, 1969, стр. 64.

⁴ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1957, стр. 32.

⁵ «Правда Востока», 3 марта 1930 г.

⁶ Р. Игамбердыев. Указ. соч., стр. 65.

было вызвано дальнейшим развитием народного хозяйства и закреплено в постановлениях и директивных документах Советского правительства.

Организованное, т. е. плановое переселение в Голодную степь имеет несколько этапов: переселение в период коллективизации, послевоенное и современное. Каждый этап переселения отличается своей интенсивностью и характером.

Уже в конце 20-х — начале 30-х годов, т. е. в те годы, когда происходила массовая коллективизация сельского хозяйства страны, в Голодной степи проводятся большие работы по сельскохозяйственному освоению и орошению ее территории. Коммунистической партией и правительством Узбекистана была поставлена задача значительно расширить площадь под хлопчатником, внедрить новые технические культуры. Осуществление этих задач возлагалось на первых порах на совхозы, которые в это время начинают создаваться во многих малоосвоенных районах Голодной степи. Совхозы призваны были служить образцом современного ведения сельскохозяйственного производства в условиях Голодной степи. Многие из них — совхозы «Пахтаарал», «Баяут», «Ударник» — стали своего рода ядром, вокруг которого впоследствии возникли колхозы. Во вновь созданные совхозы и колхозы Голодной степи переселились многие рабочие, направленные партией для проведения сельскохозяйственных кампаний, организации совхозов и первых коллективных хозяйств, а также сотни хозяйств из близлежащих районов. В совхозы и колхозы вступали представители коренного населения — узбеки и казахи. В эти годы идет интенсивное оседание бывших кочевых и полукочевых народностей, расселявшихся на неорошаемой земле, а также на территории богарной зоны Голодной степи.

В предвоенные годы согласно плановому переселению прибывают целые коллективные хозяйства в северо-восточные части Голодной степи. В эти годы окончательно определилось экономическое значение Пахтааральской группы районов как крупнейшего поставщика хлопка.

Организованное переселение производилось на основе принципов, которые были указаны в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 декабря 1939 г. «О мерах по дальнейшему подъему хлопководства в Узбекистане»⁷.

В 1940 г. в Мирзачульском и Сырдарьинском районах намечалось освоить из числа переложных и целинных земель 25,0 тыс. га. Для освоения этих земель намечено было переселить в Мирзачульский и Сырдарьинский районы 6714 хозяйств. Весной 1940 г. было переселено в Мирзачульский

⁷ «Правда», 23 декабря 1939 г.

район 4051 хозяйство, а в Сырдарьинский — 2452⁸. Большинство переселившихся были из Ташкентской области — из Орджоникидзеовского, Калининского районов, и из Самаркандской области.

Свыше 30 тыс. колхозников Южно-Казахстанской области (нынешние Пахтааральский, Кировский, Жетысайский районы до 1963 г. входили в Южно-Казахстанскую область Казахской ССР), следуя примеру строителей Большого Ферганского канала, в течение 1939—1940 гг. скоростными методами построили 1-ю, 2-ю и 3-ю ветки канала им. С. М. Кирова.

Десятки хозяйств из Кызылкумского района, из Туркестанского, Шаульдерского, Каратасского, Чимкентского, Георгиевского, Фрунзенского и других районов Южно-Казахстанской области прибыли в казахстанскую часть Голодной степи⁹.

В годы Великой Отечественной войны переселение в Голодную степь не прекращалось. В Гулистанский, Сырдарьинский, Пахтааральский, Кировский районы приехало немало жителей из временно оккупированных территорий. В 1943 г. в северо-восточной части Голодной степи был организован специальный виноградарский совхоз, впоследствии преобразованный в хлопковый совхоз «XXX лет Октября».

В эти же годы началось строительство Ферганской гидроэлектростанции на Сырдарье, позволившей оросить дополнительные площади новых земель. По призыву Коммунистической партии Узбекистана свыше 70 тыс. трудящихся из всех областей УзССР приняло широкое участие в строительстве гидроэлектростанции, им активно помогали трудящиеся братских союзных республик¹⁰.

Особенно интенсивно велось переселение в Голодную степь в послевоенные годы. Так, в порядке внутриреспубликанского переселения и расселения на 1946—1947 гг. для освоения земель Узбекистана Ташкентский областной исполнительный комитет принял 4 июня 1946 г. решение о переселении 900 хозяйств в Голодную степь. Уже в конце 1946 г. в Мирзачульский район переселилось 500 хозяйств. Из них: из Джизакского района 200 хозяйств и из Галляаральского — 300. В Сырдарьинский район прибыло 400 семей из Фаришского района¹¹.

⁸ Журн. «Социалистическое сельское хозяйство Узбекистана», 1940, № 12, стр. 81.

⁹ М. Ш. Ярмухамедов. К истории заселения и формирования современного хозяйства на территории Пахтааральской группы районов Южно-Казахстанской области. Ученые записки Алмаатинского Госпединститута им. Абая, Алма-Ата, 1955, стр. 119.

¹⁰ А. Абдунабиев. Указ. соч., стр. 49.

¹¹ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 3, д. 1, л. 1.

В 1947 г. в Голодную степь прибыло 800 хозяйств, в том числе в Мирзачульский район переехало 500 хозяйств; из Орджоникидзеовского района Ташкентской области — 220 семей, из Галляаральского района Самаркандской области — 200 и из Джизакского района — 80 семей¹².

В Голодной степи в 1946 г. поселились и эвакуированные семьи, которые расселились в Мирзачульском и Сырдарьинском районах¹³.

В целях дальнейшего развития сельского хозяйства Голодной степи и освоения неиспользованных земель в колхозах Мирзачульского и Сырдарьинского районов было принято целесообразным переселить хозяйства в колхозы Мирзачульского, Сырдарьинского и Беговатского районов Ташкентской области¹⁴. В соответствии с принятым решением в ноябре 1948 г. Мирзачульский район принял 3000 семей, а Сырдарьинский — 1200 семей из Кашкадарьинской области. В том же году было проведено внутриобластное переселение. В Мирзачульский район прибыло 250 хозяйств из Паркентского района, столько же хозяйств переселилось в Сырдарьинский район из Калининского района Ташкентской области.

Особенно большое количество семей переселилось в 1949 г. Правительство Узбекистана поддержало инициативу комсомольских организаций республики о переселении на добровольных началах 7000 хозяйств комсомольцев и несоюзной молодежи. Первоначально намечалось переселить в Мирзачульский район 2500 хозяйств: из Андижанской области — 1000, из Наманганской — 750, из Ташкентской — 750; в Сырдарьинский район — 2250 хозяйств, из них: из Самаркандской области — 1250 и из Ферганской — 1000 хозяйств.

Начиная с весны и по конец 1949 г. было переселено в районы Голодной степи 9243 колхозных хозяйства, а из них: в Мирзачульский район — 3337 хозяйств и в Сырдарьинский — 3513 хозяйств.

По состоянию на 1 января 1950 г. выполнение плана переселения новоселов характеризовалось следующими показателями:

Однако не все переселившиеся оседали на новых местах. Так, с 15 октября 1948 г. по 1 января 1950 г. из фактически переселенных 8566 хозяйств выбыло 1587: из них по Мирзачульскому району — 774, по Сырдарьинскому — 421, по Беговатскому — 392 хозяйства¹⁵.

¹² Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 3, д. 1, л. 12, 27.

¹³ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 3, д. 4, л. 68; д. 17, л. 99, 100.

¹⁴ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 1, д. 7, л. 13.

¹⁵ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 1, д. 8, л. 16, 17.

Район	План переселе- ния	Факти- чески пе- реселено	в т. ч. одиночек	Всего чело- век	Из них тру- доспо- соб- ных	Кол-во хо- зяйств, при- бывших со своим ско- том
Мирзачульский	3900	3337	704	9518	5899	1613
Сырдарьинский	3450	3513	1293	9285	5469	637
Беговатский	1900	1716	4150	4136	2848	192

Основной причиной убывания переселенцев было то, что среди них оказалось более 30% одиночек и случайных людей неколхозного контингента. Кроме того, некоторые руководители колхозов и совхозов, а также соответствующих отделов райисполкомов не уделяли должного внимания созданию нормальных бытовых условий переселенцам.

В 1950—1952 гг. из республик Средней Азии и Казахстана в Мирзачульский район прибыло 1073 семьи, в том числе из различных областей Узбекистана приехала 961 семья, из Южно-Казахстанской области — 56 и из Ленинабадской области — 54 семьи. В эти же годы в колхозы Сырдарьинского района прибыло 1206 семей. В основном это выходцы из Самаркандской области, а также из Ферганской, Кашкадарьинской, Наманганской, Ташкентской и Ленинабадской областей. Единичные семьи приехали из Уфы, Новосибирска и других городов страны. В Хавастский район переселилось 1496 семей. Среди них преобладающее число семей — это жители гор и предгорий того же района, которые со всем колхозным имуществом спустились в долины на вновь осваиваемые земли.

В 1950—1952 гг. большинство переселенцев были выходцами из Самаркандской области, в основном из Фаришского, Зааминского, Каракишлакского и других районов¹⁶. Из Ташкентской области больше всего переселенцев приходится на Хавастский район, в особенности на верхнюю зону Хаваста, расположенную в непосредственной близости от районов освоения Голодной степи. Интересно отметить, что прибывшие из одних мест семьи расселялись по разным районам Голодной степи. Например, зааминских и фаришских узбеков можно встретить во всех колхозах и совхозах нового освоения.

В 1955 г. в районы Голодной степи прибыло 2742 семьи, в том числе 762 семьи — в Хавастский район, 473 — в Мирзачульский, 446 — в Баяутский, 440 — в Гулистанский, 275 — в Верхневолынский, 346 — в Сырдарьинский районы. Переселение носило в основном внутриреспубликанский характер, т. е. было межобластное и внутрирайонное. Так, например, в Хавастский район переехали 262 семьи из кишлака Ходжамуш-

кент того же района. Кроме того, сюда прибыло 172 семьи из Самаркандской области (из Зааминского района 52 семьи, Каракишлакского — 50, Фаришского — 15, Джизакского — 14, Булунгурского — 10, Галляаральского — 9, Нариманского — 8 семей и т. д.). Из Ташкентской области прибыло 100 семей, а из Ферганской — 60¹⁷. Небольшое число семей переселилось в Хавастский район и из прилегающих районов Таджикистана и Казахстана. Так из Ленинабадской области Таджикской ССР прибыло 150 семей, а из Пахтааральского района КазССР (после образования Сырдарьинской области этот район вошел в ее состав) — более 40.

240 семей, прибывших в Мирзачульский район, были выходцами из Самаркандской области — Фаришского, Каракишлакского, Зааминского, Джизакского и других районов. Из города Мирзачуль в Мирзачульский сельский район переселилась 81 семья, из Верхнечирчикского и Карасуйского районов сюда прибыло более 50 корейских семей, а также отдельные семьи из Ферганской области и Ленинабадской области Таджикской ССР.

В Баяутский район в 1955 г. прибыли семьи из Хавастского района — 247 семей (целые колхозы — им. Ворошилова и им. Кирова — спустились с горных местностей в низменность на вновь орошенные земли). Из районов Самаркандской области переехала 91 семья, из Ферганской области — 84, из Кашкадарьинской — 48, из Ленинабадской области Таджикской ССР — 35 семей.

В Гулистанский район в том же году прибыли семьи из разных областей и республик страны. Так, из Пахтааральского, Кызылординского и Кызылкумского районов КазССР переселилось 90 семей. Более 50 семей приехали из Ленинабадской области Таджикской ССР, здесь обосновались также единичные семьи из различных городов и областей РСФСР. Из районов Самаркандской области прибыло 160 семей, из Ташкентской — более 30 семей¹⁸. 53 семьи переселились из Кашкадарьинской и Ферганской областей.

Прибывшие в Сырдарьинский район в 1955 г. семьи были выходцами из Самаркандской области (160 семей из Зааминского, Фаришского, Джизакского, Галляаральского, Каракишлакского и других районов). Из Ташкентской области прибыла 141 семья, половина из них — из Карасуйского района.

Прибывшие в Верхневолынский район семьи были в основном выходцами из Самаркандской области (141 семья).

¹⁷ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 2, д. 10, 11.

¹⁸ Там же, д. 9, 10.

¹⁶ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 2, д. 1.

Из Ташкентской области прибыло 98 семей, из Ферганской — 26.

В 1957 г. в связи с расширением вновь осваиваемых площадей и созданием целинных совхозов в Голодную степь продолжали прибывать переселенцы из разных районов Узбекистана и других областей страны. Только в Мирзачульский район приехало более 940 семей из Андижанской и Ферганской областей¹⁹. Из Самаркандской области в Мирзачульский район прибыло 270 семей, в основном уроженцы Зааминского, Галляаральского, Каракишлакского и других районов.

На землях Мирзачуля поселились семьи из Ленинабадской (31 семья) и Кашкадарьинской (16 семей) областей, из Бухарской, Ташкентской, Ошской, Наманганской областей, а также с Сахалина, из БашАССР, ТатАССР, МарАССР, УдмуртАССР, Мурманской, Московской, Алмаатинской и Кызылординской областей²⁰.

В Сырдарьинский район в этом же году прибыло 347 семей из Самаркандской области: 81 семья из Фаришского, 20 из Булунгурского, 18 из Зааминского и других районов.

Из Ферганской области в том же году прибыла 91 семья, из Андижанской — 87 семей, из Ташкентской — 24, из Ленинабадской — 18, из Наманганской — 14, столько же семей из Кызылординской области КазССР и др. Из РСФСР и УССР приехало по 2 семьи²¹.

Верхневолынский район пополнился 716 семьями из Андижанской, Ферганской, Самаркандской, Ташкентской, Наманганской и Ленинабадской, Кызылординской и Сурхандарьинской областей и Башкирской АССР.

В том же году в Гулистанском районе прописалось 310 семей: из Самаркандской области 94 семьи, из Андижанской — 62, из Ферганской — 45, 23 семьи из Наманганской, по 13 семей из Ташкентской и Ленинабадской областей, по 11 семей из Сурхандарьинской и Южно-Казахстанской областей, по 2 семьи из Бухарской и Горьковской областей и по одной семье из Чкалова и Башкирской АССР.

В колхозах и совхозах Баяутского района поселилось около 1000 семей из Самаркандской (208 семей), Ферганской (168 семей), Наманганской (103 семьи) и Ленинабадской (168 семей) областей²².

Переселение в Голодную степь продолжалось и в последующие годы. В 1960—1961 гг. в Голодную степь прибыло 1233 семьи, в том числе в Янгиерский район — 507 семей. 80% этих переселенцев — выходцы из Самаркандской облас-

ти, 15% — из Кашкадарьинской и 5% — из Андижанской, Ферганской, Ленинабадской и Ташкентской областей.

В Гулистанский район прибыло 329 семей, в основном из Самаркандской области (60%), и незначительное количество из союзных республик.

В Сырдарьинский район в указанные годы переселилось 256 семей, из которых 90% были выходцами из Булунгурского и Нуратинского районов Самаркандской области. 10% переселенческих семей были из Андижанской, Ташкентской и Амурской областей.

В колхозы Комсомольского района переехала 141 семья из Камашинского, Кокбулакского районов Кашкадарьинской области. Незначительное число семей прибыло из Самаркандской, Ферганской и Ленинабадской областей²³.

В 1962 г. в районе Голодной степи обосновалось 408 семей, из них в Гулистанском районе — 178 семей из Самаркандской, Ферганской, Андижанской и Сурхандарьинской областей. В Янгиерском районе поселилось 112 семей из Ферганской, Самаркандской и Ленинабадской областей. В Сырдарьинский район прибыло 79 семей из Самаркандской области и Таджикской ССР, в Комсомольский — 39 семей из Андижанской, Самаркандской областей и Ленинабадской области Таджикской ССР²⁴. Следует отметить, что семьи, прибывшие в район старой зоны освоения, размещались в тех колхозах и совхозах, в которых не хватало рабочей силы, а прибывшие в новые зоны освоения — в целинных совхозах. Переселение новых семей в Голодную степь продолжается и ныне.

Итак, мы видим, что заселение Голодной степи в годы Советской власти шло в основном путем организованного набора рабочей силы и носило как внутриреспубликанский, внутрирайонный, так и межреспубликанский характер. В результате освоения целинных земель Голодной степи значительно увеличилось население области и более пестрым стал его национальный состав.

После XX съезда партии начался новый этап в освоении Голодной степи и превращении ее в крупный хлопководческий район страны.

6 августа 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление о дальнейшем освоении Голодной степи.

В 1956 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР создается межреспубликанская организация Главголдностепстрой для руководства всеми работами по освоению степи. Этот штаб освоителей позволил

¹⁹ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 2, д. 10.

²⁰ Там же, д. 17, 18.

²¹ Там же, д. 18, 19.

²² Там же, д. 17, 18.

²³ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 2, д. 31-а, 31, 32, 64, 65, 66.

²⁴ Ташоблгосархив, ф. 658, оп. 2, д. 93, 96.

более целенаправленно и рационально вести ирригационные и мелиоративные работы, организовать комплексное освоение новых земель, шире внедрять индустриальные методы в строительство.

Вот некоторые данные о проделанной работе за 10 лет. В степи протянулось 1000 км асфальтированных дорог, проложено 170 км железной дороги к тем местам, куда еще не дошла оросительная вода, проложено 2150 км подземной коллекторно-дренажной сети, 1600 км открытого коллектора, сооружено и ныне действует 1740 км лотков висячих арыков, которые местное население называет «осма арык» или «тош арык».

Сооружена основная оросительная трасса — Южно-Голодно-степский канал длиной 126 км, который ныне орошает земли новых целинных совхозов, за эти годы освоено и пущено в сельскохозяйственный оборот 170 тыс. га земли. На этих землях создано 20 совхозов, построено 600 тыс. м² жилья, протянулись газопроводы. Только в новой зоне Голодной степи для целинников открыты 28 школ и 53 дошкольных детских учреждения²⁵.

Советское государство ассигнует на орошение и освоение новых земель в Голодной степи огромные средства. Достаточно сказать, что за семь лет со времени образования Сырдарьинской области на эти цели было отпущено более миллиарда рублей.

Ныне в Голодной степи создана собственная индустриальная база. Покорителей целины обеспечивают такие крупные предприятия, как Джизакский промышленный комбинат, завод по выпуску железобетонных изделий, Хавастский завод гончарных дренажных труб, и другие.

Создание материально-технической базы и широкое сельскохозяйственное освоение целины обусловили приток населения из разных районов страны, что привело к увеличению роста численности населения области.

Так, например, численность населения Сырдарьинской области на 1 января 1966 г. составляла 670 тыс. человек, что в 7,1 раза больше, чем в 1920 г. Динамика роста всего населения Сырдарьинской области видна из следующих данных:

Год	Количество населения, тыс. человек	%
1920	94	100
1926	130	138
1939	331	352
1959	527	560
1965	649	690
1966	670	712

²⁵ «Совет Узбекистони», 19 марта 1968 г.

Такой бурный рост численности населения Сырдарьинской области обусловил большие изменения и в его национальном составе. Это видно из следующих данных. По переписи 1920 г. в городах Сырдарьинской области (Мирзачуль и Джизак) было всего 14,9 тыс. человек, а к 1966 г. — 151 тыс.

Население сельских районов Сырдарьинской области за годы социалистического строительства непрерывно росло: в 1920 г. — 87, 1939 г. — 288, 1959 г. — 413, 1966 г. — 519 тыс. человек²⁶.

По сравнению с переписью 1920 г. нынешнее сельское население увеличилось на 432 тыс. человек, или в 5,9 раза.

Прибывание населения в Сырдарьинскую область отразилось на ходе развития и освоения отдельных ее районов. До 1963 г., т. е. до образования Сырдарьинской области, районы области в территориально-административном отношении входили в две республики — УзССР и КазССР.

В Узбекскую республику входили Джизакский, Зааминский, Фаришский районы в составе Самаркандской области и Гулистанский, Сырдарьинский, Баяутский районы в составе Ташкентской области²⁷. В состав КазССР входили ныне отошедшие к Сырдарьинской области четыре района: Пахтааральский, Кировский, Ильичевский и Джетысайский.

Таким образом, в процессе хозяйственно-культурного строительства районы области неоднократно изменялись и в административно-территориальном отношении. Исследование показывает, что в северо-восточной части Голодной степи, т. е. в старой зоне освоения, на теперешней территории Гулистанского, Баяутского, Пахтааральского и Сырдарьинского районов в 1920 г. проживало всего 34,5 тыс. человек. За 45 лет (1920—1965 гг.) сельское население старой зоны освоения достигло 280,8 тыс. человек, или выросло в 8 раз²⁸.

Большие изменения в численности населения происходили и в юго-западных районах Сырдарьинской области. Издавна заселенные Джизакский, Зааминский и Фаришский районы, являвшиеся всегда источником рабочей силы для районов нового освоения, за 1920—1965 гг. претерпели большие изменения в численности и национальном составе.

Что же касается районов нового орошения — Пахтакорского и Мирзачульского, то здесь население увеличивается еще более быстрыми темпами.

²⁶ Из материалов переписи населения.

²⁷ Следует отметить, что в составе Ташкентской области в Голодно-степской части до 1958 г. было 6 районов: Баяутский, Верхневолинский, Гулистанский, Мирзачульский, Сырдарьинский, Хавастский.

²⁸ Административно-территориальное деление УзССР на 1 октября 1958 г. и на 1 января 1966 г.

Современное население Сырдарьинской области отличается своей многонациональностью. Так, если в 1920 г. население области состояло из представителей 10 национальностей, то в 1959 г. — 27, а ныне здесь проживают представители уже более 60 национальностей.

За 1920—1959 гг. этнический состав населения Сырдарьинской области разительно изменился. Так, например, в 1920 г. узбеки на нынешней территории области составляли 65,1%, русские — 8,7%, казахи — 10,7%, таджики — 3,2% при 100-тысячном населении, а в 1959 г. узбеки составляли 34,2%, русские — 14,1%, казахи — 16,4%, таджики — 3,9%, татары — 4,8%, украинцы — 2,1% при 527-тысячном населении.

Сопоставление этностатистических данных переписей населения за 45 лет показывает численное увеличение всех населявших Сырдарьинскую область народов и появление ранее не отмеченных переписью представителей многих национальностей (см. табл. 1).

Численность узбеков в Сырдарьинской области с 1920 по 1959 г. увеличилась почти в 3 раза при снижении удельного веса с 65,1% до 34,2%²⁹. Удельный вес русских по отношению ко всему населению возрос с 8,7% до 14,1%, казахов — с 10,6% в 1920 г. до 16,4% в 1959 г., таджиков — 3,5% до 3,9%, а украинцев — снизился с 4% до 2,1% при общем увеличении численности всех национальностей.

О больших изменениях, происшедших за годы Советской власти в численности и национальном составе населения староосвоенной зоны Голодной степи, можно судить на примере Гулистанского района (в прошлом Мирзачульский). Как известно, Гулистанский район был образован 29 сентября 1926 г. По плотности населения этот район в области занимает четвертое место. Как старозаселенная территория, он являлся источником трудовых ресурсов для зон нового орошения, хотя нехватка рабочей силы ощущалась и в самом районе. Так, если в 1959 г. здесь проживало 79,2 тыс. человек, то в 1966 г. — 72,1 тыс. человек, т. е. на 7,1 тыс. меньше. Это объясняется переселением некоторой части населения в новые совхозы.

Большинство современного населения Гулистанского района представлено переселенцами и потомками переселенцев, прибывших в начале XX в. Освоение и заселение Голодной степи и начиналось с территории нынешнего Гулистанского района.

²⁹ Из данных переписей 1920 и 1959 гг.

Однако отсутствие надлежащего учета перемещения населения не дает возможности определить количество прибывающего населения и выбывающего.

В Гулистанском районе Сырдарьинской области, по данным статуправления, проживало 16 национальностей, в том

Таблица 1

Изменения в национальном составе городского и сельского населения Сырдарьинской области за 1920—1959 гг., чел.

Национальный состав	1920 г.		1959 г.	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
Узбеки	12 866	52 374	28 361	162 192
Казахи	50	10 630	6 200	80 640
Русские	2 887	5 937	42 684	32 089
Татары	33	56	13 545	12 261
Таджики	371	2 918	5 558	15 255
Корейцы	—	—	5 483	12 165
Немцы	—	11	3 320	9 372
Украинцы	102	3 659	4 322	6 229
Киргизы	—	3 200	60	5 044
Белорусы	18	103	241	829
Азербайджанцы	—	—	391	600
Армяне	107	36	524	133
Уйгуры	—	—	174	347
Туркмены	—	—	131	25
Каракалпаки	—	—	28	10
Мордва	—	—	95	140
Евреи	—	—	159	54
Поляки	—	—	51	138
Болгары	—	—	1	144
Прочие	223	8	11 318	23 593

числе узбеки (55%), русские (15,5%), татары (10%) и др. Если сопоставить данные о нынешнем населении района с переписью 1920 г., то станет очевидным расширение национального состава. Население Гулистанского района — выходцы из разных районов Узбекистана и других союзных республик. К примеру, в колхозе им. Ленина Гулистанского района насчитывается 483 хозяйства с населением 2491 человек³⁰. Основную массу представляют узбекские семьи (343 хозяйства), 60 — таджикских хозяйств, 30 — азербайджанских, 20 — русских, 15 татарских и 15 — чувашских хозяйств.

В период этнографической командировки было установлено, что узбеки, жители Гулистанского района, — это переселенцы из Зааминского района, Намангана, прибывшие в

³⁰ Данные Кировского с/с на 1966 г. Полевые записи, 1966 г.

1939—1940 гг. из Кашкадарьи и переселенные в 1947—1949 гг. из Булунгурского и Чиназского районов, а также осевшие родоплеменные узбеки.

В поселке колхоза «Красная заря», называвшемся в прошлом поселком «Конногвардейский», население представляет собой многонациональный коллектив. До революции в нем жило исключительно европейское население, а ныне здесь живут и трудятся представители многих национальностей Средней Азии и Казахстана. Население колхоза «Красная заря» сформировалось из переселенцев 1945—1950 гг. — узбеков-баяутцев из Кувинского района и более 100 узбекских хозяйств из Бешарыкского района Ферганской области. В 1950 г. сюда перебазировался из Фаришского района зерноживотноводческий колхоз со всем имуществом в составе 93 семей. Ныне колхоз «Красная заря» насчитывает 370 хозяйств с 3-тысячным населением более 29 национальностей. Из них 20 хозяйств ленинабадских таджиков, 15 хозяйств татар, 3 хозяйства туркмен, 2 — каракалпаков, 1 хозяйство итальянцев³¹.

Колхоз «Октябрь», созданный на базе поселка Спасского, граничит с городом Гулистаном. Этот населенный пункт является одним из старейших поселков в Голодной степи. До революции в нем селились только выходцы из центральных губерний России, узбеки же расселялись вокруг поселка в радиусе 5—25 км. Общее число населения колхоза «Октябрь» 3385 человек. Из них 1162 — рабочие и служащие, многие из них, проживая в колхозе, работают в городе Гулистане³².

Проведенный нами опрос населения показал, что колхоз «Октябрь» служит важным источником пополнения рабочей силы для вновь создаваемых совхозов Голодной степи. В колхозе с узбеками работают русские, которые составляют 25—30%, азербайджанцы, татары, таджики, корейцы, украинцы, казахи, киргизы, коми, мордва, евреи, уйгуры, иранцы и др.

В совхозе № 6 им. Титова насчитывается 727 хозяйств (9823 чел.). Из них 459 семей узбеков, 94 — киргизов, 78 — русских, 56 — татар, 7 — украинцев, 7 — башкир, 5 — таджиков, 6 — корейцев, 4 — уйгуров и по две семьи удмуртов, армян, татар и др. Из приведенных данных видно, что свыше 63% составляют узбекские хозяйства, около 13% — киргизские хозяйства, более 10% — русские хозяйства.

В первом отделении много узбекских хозяйств, переселившихся из Каракишлака Булунгурского района. Во втором отделении совхоза живут 140 человек, в основном узбеки, пе-

реселенные из Пайарыкского, Пахтакорского, Булунгурского и Иштыханского районов. В третьем отделении проживает 240 человек — выходцы из Джизакского, Фаришского, Пайарыкского, Булунгурского, Зааминского районов. В четвертом и пятом отделениях проживают переселенцы из Каракишлака Булунгурского района, а также из Хатырчинского и Зааминского районов. Шестое отделение совхоза — крупный населенный пункт Янгикшлак. Здесь расселены киргизы, узбеки из Заamina и узбеки из Каракишлака. Все остальное население — русские, украинцы, белорусы, таджики и другие — расселены главным образом на центральных усадьбах совхоза и отделений.

В совхозе № 17, образованном в 1963 г., проживают 5302 человека, в том числе 707 узбеков, 424 казаха, 99 русских, 184 — прочих национальностей.

В 1965 г. автором был применен анкетный опрос населения. Опрашиваемым предлагалось ответить на вопросы: откуда прибыл переселенец, год рождения, профессия, семейное положение и др. В ходе опроса были получены интересные этнодемографические данные.

В совхозе № 17 поселились люди из разных областей Узбекистана. Из районов Сырдарьинской области: Гулистанского — 156 человек, Зааминского — 34, Пахтааральского — 23, Сырдарьинского — 20, Янгирского — 30, Джизакского — 8, Кировского — 8, Джетысайского — 3, Ильичевского — 1; из районов Самаркандской области: Булунгурского — 30, из Ферганской области — 18; из Бухарской области и из Ташкентской области — 34; из Хорезмской области — 3. В совхоз приехали люди из Таджикистана (4 чел.), из Туркмении (6), из Киргизии (3), из Каракалпакии (5), из Казахстана (6), из районов России (48).

Годы приезда рабочих в совхоз № 17 были разными. В 1961 г. в совхоз прибыло 39 человек, в 1962 г. — 38, в 1963 г. — 77, в 1964 г. — 132, в 1965 г. — 141.

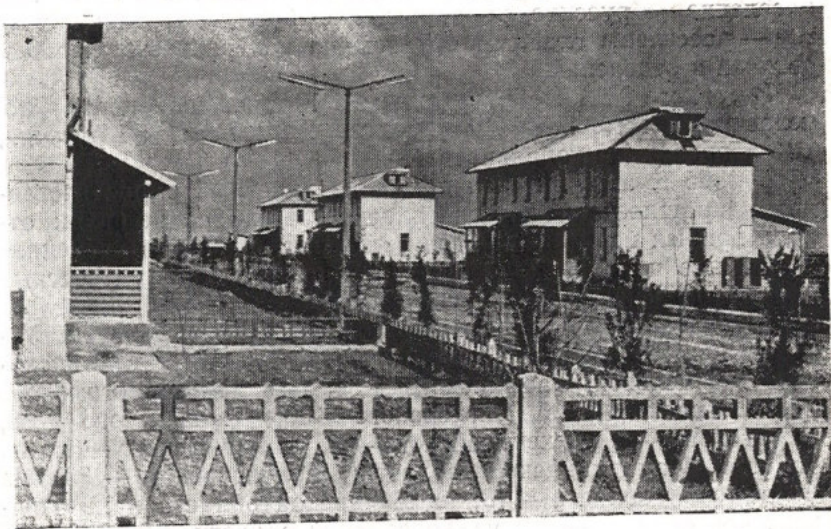
Из 444 опрошенных удалось выяснить место рождения 419 переселенцев. Было установлено, что 84 человека были уроженцами Гулистанского района, 80 — Зааминского, 31 — Пахтааральского, 27 — Джизакского, 25 — из районов Самаркандской области, 22 родились в Ферганской области, 20 — в РСФСР, 19 — на Кавказе, 17 — в Казахстане, по 10 — в Таджикистане, Туркмении и т. д.

В совхозы Голодной степи переселяются люди разных возрастов. В Голодную степь едут не только специалисты сельского хозяйства, но и других отраслей народного хозяйства и культуры. На целине пожелали применить приобретенные знания сотни выпускников вузов и техникумов страны.

³¹ Полевые записи, 10 октября 1964 г.

³² Данные с/с «Октябрь» Гулистанского района за 1965 г.

В результате миграционных процессов, развития многоотраслевых хозяйств, разнопрофильных промышленных производств в Голодной степи существенно изменился профессиональный состав населения. Значительно увеличилось количество квалифицированных рабочих, инженеров, техников, агрономов, учителей, врачей. На 1 апреля 1966 г. в совхозах и колхозах Сырдарьинской области насчитывалось 16 687 механизаторов, 9,5 тыс. учителей, более 520 врачей.

Экспериментальный квартал в совхозе № 18.

В Сырдарьинской области число занятых в народном хозяйстве достигло 151,4 тыс. человек, из них более 17 тыс. специалисты разного профиля. Среди них с высшим образованием было 5 тыс., а к концу 1965 г. — 7,2 тыс. человек. Число специалистов со средним образованием в 1961 г. составило 7,6 тыс. человек, а к концу 1965 г. — 9,5 тыс. человек.

Только в совхозе № 17 Мирзачульского района работает 34 инженера, 80 механиков-водителей, 41 слесарь, более 20 агрономов, 8 техников с высшим и специальным техническим образованием, 14 рабочих и служащих учатся в вузах и техникумах. Если раньше в колхозах и совхозах было по 1—2 агронома или инженера, то теперь в каждом отделении совхоза работает несколько специалистов со средним специальным и высшим образованием.

Таким образом, этнодемографические данные показывают, что большая доля переселенцев — выходцы из богарных и горных районов республики. Изучение показывает, что значи-

тельным источником рабочей силы для Голодной степи служили близлежащие районы — Зааминский, Фаришский, Галляаральский, Булунгурский и Джизакский. Но вместе с тем в Голодную степь прибывали семьи и из других областей и республик. До освоения Каршинской степи в Голодную степь переселились семьи из Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. Ныне также прибывают семьи из Ферганской, Андижанской и Ташкентской областей.

Кроме того, в Голодную степь переехали на постоянное жительство квалифицированные специалисты из различных городов и областей страны: Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Уфы, Андижана, Самарканда, Ташкента, Душанбе, Тбилиси и др.

Государство установило целую систему льгот и преимуществ для прибывающего населения, проявляет отеческую заботу об обеспечении хозяйственного и бытового устройства переселенцев, предоставляет им средства для обзаведения личным хозяйством.

В настоящее время Голодная степь осваивается усиленными темпами, сюда прибывают тысячи семей — представители почти всех наций и народностей Советского Союза. В освоении и орошении Голодной степи участвуют многие республики страны, которые поставляют голодностепцам различных марок машины и механизмы, запасные части, строительные материалы, а также специалистов для различных отраслей хозяйств.

Содержание

Предисловие	3
К. Шаниязов. К вопросу расселения и родовых делений кайглы	4
К. Кубаков. О некоторых родоплеменных группах узбеков Верхней Кашкадарьи	13
С. Мирхасилов. К изучению реликтов доисламских верований у узбеков в дореволюционном прошлом	20
Т. Ташбаева. К истории использования труда сроковых работников в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана	33
✓ Х. Ташев. Традиционное животноводство узбеков Среднего За- рафшана	51
Х. Исмаилов. Поселения и жилища сельского населения Ферганской долины	69
К. Шаниязов. О традиционной пище узбеков	96
К. Кубаков. К истории развития узбекской семьи	119
Ф. Арипов. Некоторые вопросы изучения современных рабочих семей	127
Б. Аминов. К вопросу формирования населения Голодной степи за годы Советской власти	144

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БЫТА И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКОВ

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории,
Отделением истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР.*

Редактор Н. М. Сальникова
Художник Н. В. Козолупов
Технический редактор М. Сухарева
Корректор Л. Назаренко

Р16726. Сдано в набор 28/II-1972 г. Подписано к печати 4/IV-1972 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. 5,0 бум. л. 10,0 печ. л. Уч. изд. л. 9,9.
Изд. № 1100. Тираж 1000. Цена 1р. 10к.

Типография издательства „Фан“ УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21.
Заказ 56,
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70